

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

№ 2, 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

*РЕФОРМЫ П.А. СТОЛЫПИНА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(К 150-ЛЕТИЮ РЕФОРМАТОРА)*

Рогалина Н.Л. Первый этап столыпинской аграрной реформы: институциональный аспект.	3
Кириллов А.К. Воплощение столыпинских реформ в Сибири: отмена круговой поруки.	7
Слепнёв И.Н. Сколько земли фермеру нужно? (К вопросу о предпосылках столыпинской аграрной реформы).	11
Шиловский М.В. Поездка в Сибирь П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина 1910 г.: подведение итогов и определение перспектив осуществления аграрной реформы	15
Запороженко Г.М. Реформы П.А. Столыпина и становление организационных основ кооперативных форм хозяйствования в дореволюционной Сибири	19
Недзельок Т.Г. Позиция П.А. Столыпина по «католическому вопросу» в Российской империи начала XX в.	23

АСТРОАРХЕОЛОГИЯ И ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО

Ларичев В.Е. «Недостающее звено» – мезолитическое время (к проблеме сохранения информационных традиций в культурах постпалеолитической эпохи Евразии) Часть III: Системы счисления времени в культурах мезолита северо-востока Европы	27
Ахметов В.В. Погребальная настенная живопись в Бохае	33
Маточкин Е.П. Петроглифы Нижнего Инегеня в свете мифов и верований алтайских охотников	37
Кубарев Г.В. Орнаментальные мотивы в косторезном искусстве древних тюрок Южной Сибири и Центральной Азии	41

АРХЕОЛОГИЯ

Якупов М.А. Керамика Когурё	45
Болдырева Н.Л., Волков Д.П. История исследования памятников хэйшуй мохэ в Западном Приамурье	49
Кравцова А.С., Табаров А.В. Загадочный регион: археология Центральной Америки в российской историографии	53
Балюнов И.В. Обувные подковки г. Тобольска XVII в.	56

ЭТНОГРАФИЯ

Бадмаев А.А. Жилищно-поселенческий комплекс бурят Восточного Приамурья во второй половине XIX – начале XX в.	60
Данилова Н.К. Сакральная архитектура народа Саха: традиции и современность	63
Любимова Г.В. Сибирская природа в зеркале крестьянской мемуаристики (особенности экологического сознания сельского населения Сибири).	67
Варавина Г.Н. Душа в традиционных представлениях народов Севера (на примере эвенов и эвенков).	71
Москвина М.В., Самушкина Е.В. Феномен женского украшения пого в структуре культурно-исторического наследия Республики Хакасии	74
Октябрьская И.В., Сураганова З.К. Гостеприимство в культуре казахов в контексте престижного потребления: Традиции и современность.	78
Ким Е.В. Корейская диаспора и стратегии Республики Кореи по взаимодействию с ней	83

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бурнаков В.А. Журавль в мифологических воззрениях хакасов	87
Люцидарская А.А. Наследники славы сибирских первопроходцев («казачьи дети» XVII в.)	89
Савченко С.Н. О деятельности ликвидационной комиссии Забайкальского казачьего войска в 1920–1921 гг.	92
Орлов Д.С. Подсобные хозяйства предприятий и учреждений Западной Сибири во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг.	96
Чернов Д.В. Рец. на кн. С.С. Букин, А.А. Долголюк, В.И. Исаев, А.И. Тимошенко Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск, 2011. 336 с.	99
Зверев В.А. Рец. на кн. Т.К. Щеглова. Устная история: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПА, 2011. 364 с.	100

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), доктор *Ч. Даидаваа* (Улан-Батор, Монголия), д-р ист. наук *Н.И. Дроздов* (Красноярск), д-р ист. наук *В.П. Зиновьев* (Томск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук *О.Н. Катионов* (Новосибирск), д-р ист. наук *Ю.Ф. Кирюшин* (Барнаул), академик РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н. Покровский* (Новосибирск), чл.-кор. РАН *Е.К. Ромодановская* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (Омск), доктор *Е.Б. Сыдыков* (г. Семей, Республика Казахстан), д-р ист. наук *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *С.С. Букин*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, д-р ист. наук *С.Н. Лютов*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. ист. наук *В.М. Рышков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *О.Н. Шелегина*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31.
<http://www.sibran.ru>
sektoragro@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *С.Ю. Бадалян*

Подписано к печати 00.00.11. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 500 экз. Заказ № 244.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

РЕФОРМЫ П.А. СТОЛЫПИНА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (к 150-летию реформатора)

УДК 947.084 (063)

Н.Л. РОГАЛИНА

ПЕРВЫЙ ЭТАП СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

д-р ист. наук
МГУ им. М.В. Ломоносова
e-mail: nrogalina@mail.ru

В статье анализируются институциональные условия начального этапа столыпинской аграрной реформы: законодательная база преобразований, земельные отношения, переселенческая политика, деятельность Крестьянского банка и кредитная кооперация. Столыпинская реформа на основе обращения к широкому пласту документальных публикаций, трудов экономистов-аграрников и в свете современных историографических подходов раскрывается как комплексная и многоплановая. Автор приходит к выводу, что в 1907–1909 гг. была сформулирована идеология, разработана правовая база, запущен на практике механизм реформ, способствующий интенсификации сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова: аграрная реформа, П.А. Столыпин, землеустройство, община, переселенческая политика.

Современное обновление научной проблематики, появление пласта новых документальных публикаций, обращение к трудам экономистов-аграрников начала XX в. позволили сформулировать различные подходы и пересмотреть ряд выводов в отношении наиболее изучаемой из аграрных реформ XX в. – столыпинской. «Реформа и крестьянство», «община и власть», «реформа и революция», «реформа и модернизация экономики» – вот стержневые проблемы, вокруг которых идут оживленные дискуссии. Ведется активное изучение основных мероприятий и этапов реформирования, проделана большая работа по реабилитации официальной статистики землеустройства и агрономической помощи, деятельности Крестьянского банка, размаха переселенческого движения и т.п. [1; 2; 3; 4; 5; 6].

В связи с этим особую актуальность приобретает оценка институциональных условий, в которых осуществлялось реформирование, таких как законодательная база преобразований, земельные отношения, переселенческая политика, кооперативная работа и др.

Законодательная база аграрных преобразований. Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» стал основой

столыпинского аграрного законодательства¹. Указ 9 ноября 1906 г. не содержал ни юридической, ни экономической дискриминации общины. Он не запрещал общинного строя и не настаивал на подворном хозяйстве, но в целях развития личной инициативы и ответственности стимулировал выделение дворов из общины, порывая с принципом семейной собственности, которую ранее законодательство поддерживало. П.А. Столыпин говорил так: **«Отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда»** (выделено мною. – Н.Р.) [7, с. 52].

Выделенная земля принадлежала теперь не семье, она являлась личной собственностью домохозяина. В то же время на надельную землю, после того как она становилась собственностью «укрепленца», налагались «известные ограничения». Они носили сословно-крестьянский характер, в этом просматривалось нежелание правительства резко потрясать «исторически своеобразно сложившийся крестьянский быт». Неизбежно культура новых правил должна была столкнуться с культурой крестьянских обычаев.

¹ Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. СПб., 1909. Т. 26. № 28 528.

Необходимо подчеркнуть преемственную экономическую связь указа 9 ноября 1906 г. с актом 1861 г.: они выступали последовательными ступенями единого процесса превращения земли в частнохозяйственный капитал. Так, сначала произошло освобождение крестьян от помещиков, а затем, почти через полвека, началось освобождение крестьян от пут мира, общины. Этому предшествовала отмена подушной подати, ограничение переделов, ликвидация круговой поруки.

Премьер постоянно и последовательно разъяснял суть проводимых мероприятий. В Декларации в период работы 2-й Думы председатель Совета министров провозглашал «новые начала государственного строя», подчеркивая основную руководящую мысль, проводимую правительством: **«Отечество наше должно превратиться в государство правовое... Правовые нормы должны покоиться на точном, ясно выраженном законе»** (выделено мною. – *Н.Р.*) [7, с. 52].

Реформа была задумана и реализовывалась как комплексная и многоплановая. Она включала программу льготных кредитов, помощь в землеустройстве, строительстве, переселении. Выход из общины и землеустройство планировались одновременно. Землеустройство стало вторым по значимости после укрепления наделной земли элементом реформирования. Непосредственное проведение земельных преобразований возлагалось на уездные и губернские землеустроительные комиссии, действовавшие при участии земских начальников.

Отвод участков был необходимым условием введения частной собственности на землю и включался в общий комплекс мероприятий с самого начала реформы. Он сопровождал процесс укрепления наделной земли в собственность новых частных владельцев. Совокупность культурно-технических мер должна была создать условия для дальнейшей рационализации сельского хозяйства. Законом от 4 марта 1906 г. создавались губернские и уездные землеустроительные комиссии как органы преобразований на основе децентрализации и привлечения местных сил. В 1907 г. действовали уже 38 губернских и 411 уездных землеустроительных комиссий. Технические работы по внутриобщинному и индивидуальному землеустройству выполнялись немногочисленными землемерами, подготовка которых была широко развернута в ведомстве Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). В необходимых случаях обязанности землемеров брали на себя местные чиновники и земские начальники; руководство работами на местах возлагалось на губернаторов.

Основываясь на принципе добровольных соглашений, руководитель ГУЗиЗ А.В.Кривошеин считал необходимым обязательное участие в местных землеустроительных комиссиях представителей от крестьян. Они должны были составлять большинство в комиссиях, что было новым в практике создания различных учреждений. А.В. Кривошеин стремился «перенести землеустроительное дело на места, к жизни крестьянства», выполняя его «не бюрократическим аппаратом». Для него единственным способом правильного землеустройства был «подбор самой землей

подходящих хозяев и хозяевами наиболее пригодных для себя участков и форм труда на них» [8, с. 910].

Землеустройство выступало в двух формах – единоличной (выход на хутора и отруба) и групповой (разверстание целых общин). На первом этапе реформирования, до 1910 г., главное внимание уделялось землеустройству единоличных хозяйств. Правительство сознательно (но не искусственно) раскололо общину, более заботясь о выходах, нежели об интересах остающихся. Вопрос об удобстве и возможности выдела решался не самой общиной, а администрацией, и при соответствующем пристрастии администрации к выделяющимся община могла лишиться своих лучших земель. Нередко с выходом многоземельных хозяйств малоземельные теряли надежду на увеличение своего землепользования в результате общего передела. Вот почему община сразу же обнаружила огромную силу сопротивления, препятствуя процессу индивидуализации крестьянского землевладения, блокируя закрепление излишков земли за уходящими, затягивая дела об укреплении земли в собственность. Количество подавших заявления намного превышало число реально получивших землю в собственность. «Выделенцы» вынуждены были обращаться к земским начальникам, и поначалу обязательные выделы вызывали большое социальное напряжение [1, с. 254].

Выдел из общины с оставлением земли в чересполосице нельзя считать актом землеустройства: чересполосное владение и на правах личной собственности не обеспечивало рациональной организации. Мало было освободить домохозяина от общины юридически, следовало дать ему возможность вести на наделной земле хозяйство по своему усмотрению, ликвидировать принудительный севооборот, чересполосицу, мелкополосицу и дальнотемелье. Практика первого (1907 г.) этапа аграрной реформы обнаружила большой разрыв между ликвидацией чересполосицы и сведением полос к одним местам. Поэтому 15 октября 1908 г. были утверждены «Временные правила о выделе наделной земли к одним местам». Их назначение – способствовать формированию широкого слоя крестьян, владеющих участками правильной конфигурации на правах частной собственности.

Число ходатайств по улучшению внутринаделного землепользования к 1 декабря 1907 г. превысило 160 тыс. На содержание землеустроительных организаций было выделено около 15 млн руб., а на агрономическую помощь крестьянам – около 5,5 млн руб. [9]

В марте 1909 г. были утверждены «Временные правила о землеустройстве целых обществ». К тому времени более 60 тыс. дворов подали ходатайства о внутринаделном землеустройстве [10, с. 1]. В обзоре деятельности землеустроительных комиссий за 1907–1910 гг. сообщалось, что количество поступивших ходатайств повсюду превышает наличные землеустроительные и межевые силы, что к полевому исполнению избираются лишь вполне подготовленные проекты [1, с. 291]. Рациональное землеустройство коренным образом изменяло агротехнику хозяйства. Оно означало отказ от трехполья и переход к интенсивным севооборотам. Русское землеустройство

велось по упрощенной технической процедуре и было относительно дешевым. Так, расходы на единоличное землеустройство составили в 1906–1912 гг., по данным К.А. Кофода, 4 р. 07 к. на дес. а на групповое – 1 р. 55 к. Для поощрения землеустройства правительство взяло эти расходы на себя, а от населения требовалась некоторая помощь – в 20–50 коп. на дес. [11, с. 152].

Переселенческая политика. Важной составляющей аграрного реформаторства было переселенческое дело, имевшее целью не только колонизацию окраин империи, но улучшение условий землепользования и хозяйства крестьянского населения внутренних губерний. В 1904 г. было впервые узаконено активное движение крестьян на окраины, но получить разрешение от губернаторов и от МВД на переезд с увеличенными льготами было весьма сложно. Предложения расширить переселение поступали от Особого совещания. Указ 10 марта 1906 г. «О порядке применения закона 1904 г. о переселении» давал право на переселение без предварительной посылки ходок всем желающим, без ограничений. Увеличивались льготы на проезд, на домообзаведение переселенцам, возросло финансирование всех работ по организации переселения и устройства на новых местах. Землеустроительные комиссии закрепляли земли переселенцев в личную собственность, искали покупателей на покидаемую переселенцами надельную землю, удовлетворяли заявки на закрепление земель за желающими переселиться. Таким образом, развитие единоличного и группового землеустройства создавало качественно иную базу для крестьянского переселения.

В современной историографии выражено мнение, что законы 1904 и 1906 гг. означали переход от административных к экономическим методам [6, с. 224]. На наш взгляд, административные методы лишь дополняли и усиливали эффективность экономических методов. Под руководством П.А. Столыпина правительство не только узаконило переселения крестьян, но и создало целую систему мер для их материальной поддержки. Переселенцы освобождались на пять лет от государственных и земских денежных сборов, а в последующее пятилетие они оплачивались в половинном размере, им полагалась отсрочка на три года по отбыванию воинской повинности. Площадь хуторов и отрубов на заготовленных для переселенцев участках составила 2,3 млн дес. а с учетом старожилов – более 6 млн дес. Подчеркнем непосредственную связь Закона 1906 г. и переселенческого движения. По данным Южно-русской земской переселенческой организации, примерно 60 % тех средств, которые увозили с собой переселенцы, были получены от продажи их наделов. Следовательно, остававшиеся на земле в известной мере финансировали переселение односельчан.

Желавших переселиться в азиатскую часть России после 1906 г. оказалось так много, что увеличенный переселенческий аппарат не успевал отводить соответствующее количество участков, подходящих для немедленного заселения. По просьбе сибирских губернаторов, констатирующих истощение колониционного фонда и вынужденный характер отвода переселенческих участков «в упрощенном порядке», в

1907 г. было принято решение сократить переселение на следующий год. П.А. Столыпин рассматривал эту меру как временную, исключительную и нетерпимую в будущем. Количество переселенцев увеличилось с 139,1 тыс. в 1906 г. до 664,8 тыс. (максимум) в 1908 г. Высокие урожаи в последующие два года уменьшили переселение, что совпало с сокращением в Азии запаса удобных земель, пригодных для колонизации без каких-либо крупных мероприятий по мелиорации [12, с. 25].

Деятельность Крестьянского банка. Сельскохозяйственная и кредитная кооперация. После 1906 г. Крестьянский поземельный банк сосредоточил в своих руках громадный земельный фонд, состоявший из частновладельческих земель, пригодных для сельскохозяйственного пользования земель Удельного ведомства. Кроме того, он наращивал свою посредническую деятельность по приобретению крестьянами земель в единоличную собственность. Он выдавал ссуды под залог надельных земель, и эти средства шли на уплату за землю, оставляемую теми крестьянами, кто переселялся на новые земли, на доплату за землю, приобретаемую при содействии банка, на улучшение землепользования и т.п.² В 1906–1907 гг. крестьянские покупки земли выросли с 523 до 933 тыс. дес., т.е. на 78,3 % за один год [13, с. 9]. После революции 1905–1907 гг. происходили массовые распродажи дворянских имений (свыше 500 дес.). С 1908 г. земли из имений Крестьянского банка продавались исключительно в единоличную собственность. Средняя покупная цена десятины в 1906–1909 гг. составляла 86 руб., а в 1909 г. – 89 руб., что было значительно ниже фактической покупной цены [7, с. 254].

Сельскохозяйственная кооперация и кредитная кооперация переставали быть достоянием деревенских верхов, постепенно демократизировались по социальному составу, включая слои не только среднего, но и малосостоятельного крестьянства. Указами от 12 и 27 августа 1906 г. правительство передало Крестьянскому банку часть казенных и удельных земель для продажи малоземельным крестьянам с 25%-ным снижением номинальной стоимости. В 1906–1907 гг. появились новые образцовые уставы кредитных кооперативов. Вкладные, ссудные и посреднические операции союзов кредитных кооперативов помогали крестьянам увеличить товарность и доходность их хозяйств, приобретать товары ниже рыночных цен. Так, долгосрочные и специальные кредиты для выдачи ссуд под залог хлеба способствовали регулированию цен и предотвращению его массового выброса на рынок осенью. С этой целью было развернуто строительство мелких кооперативных зернохранилищ.

Усилению кооперативного движения способствовала система инспектирования и создания губернских комитетов по делам мелкого кредита [14, с. 185–201]. Помощь со стороны государства не означала потерю кооперацией ее самостоятельности и самостоятельности. Напротив, участие правительства и Государствен-

² Там же. Т. 26. № 28 547.

ного банка в делах мелкого кредита способствовало приливу в кредитное обращение всей массы мелких сбережений. Постоянный контроль над операциями и состоянием счетов упрочил положение товариществ. Инспекторы и агрономы земств оказывали содействие кооперативным организациям. В широком росте кооперативных учреждений, возникавших часто не по местной инициативе, не было ничего искусственного: правительственные средства являлись для сельских кредитных товариществ важной поддержкой в начальный период. В дальнейшем товарищества быстро пускали корни на месте, умело привлекали крестьянские средства, далеко превышавшие правительственные ссуды. Увеличение численности земских агрономов было также связано с ростом казенных субсидий [3, с. 122].

Результаты первого этапа столыпинских преобразований. Итак, в 1907–1909 гг. была проделана огромная работа: сформулирована идеология, разработана правовая база, на практике запущен механизм реформ, способствовавший интенсификации сельскохозяйственного производства. Постепенно уходили в прошлое организационная аморфность и бессистемность, чему способствовало совершенствование законодательства. Обозначились значительные темпы и массовость выделения и выходов крестьян. В своей речи перед Государственным Советом 15 марта 1910 г. премьер подвел первые итоги применения нового земельного закона. Он отметил, что в течение трех лет изъявили желание укрепить свои участки в личную собственность более 1 700 000 домохозяев (17 % всех общинников-домохозяев); окончательно укрепили участки в личную собственность 1 175 000 домохозяев, т.е. более 11 % с 8 780 160 дес. земли, и это, кроме целых сельских обществ, в которых к подворному владению перешли еще 193 447 домохозяев, владеющих 1 885 814 дес. П.А. Столыпин говорил о более 10 млн дес. общинной земли, перешедшей в личную собственность, о более 500 тыс. заявлений о желании устроить единоличное хозяйство, о более 1 400 000 дес., уже отведенных. В этом премьер видел «доказательство живой не угасшей силы, свободной воли русского крестьянства». Реформатор выражал надежду, что «при такой же успешной работе еще через 6–7 таких периодов, таких же трехлетий, общины в России, – там, где она уже отжила свой век, – почти уже не будет» [7, с. 248].

Экономическая дифференциация крестьянства и увеличение масштабов землепользования происходили за счет купчей и арендованной земли. Именно

наделенные земли были приведены в движение. Община, испытав на себе мощное стимулирующее влияние индивидуализации наделного землепользования, выработала своеобразную систему самозащиты. Сельские общества, спаянные годами аграрных беспорядков, встретили попытки проведения указа 9 ноября во всеоружии, находя различные способы затормозить процесс выделения, а местная власть оказалась не готова к активной и организованной поддержке реформы. Но постепенно количество обязательных выделов сокращалось, а добровольных соглашений увеличивалось как по числу домохозяев, так и по площади перешедшей к ним земли. Нарастал и поток заявлений об укреплении наделной земли в собственность, к одному месту. Власти справились с массовыми проявлениями экстремизма в виде крестьянского аграрного террора 1905–1907 гг., сделав крупные шаги в реформировании политического строя, в модернизации экономических отношений. В 1909 г. община, утратившая монополию на наделные земли, уже не воспринималась крестьянством как неприкосновенная. Однако время «продолжительной, черновой работы», по выражению Столыпина, только начиналось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений». М., 2000.
2. Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010.
3. Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905–1930). М., 1996.
4. Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010.
5. Сидорович Г.П. П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Саратов, 2002.
6. Тюкавкин В.Г. Великокорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
7. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия: полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. М., 1991.
8. Государственная Дума. Третий созыв: стеногр. отчеты. 1908 г. Сессия вторая. СПб., 1908. Т. 1: Речь Главноуправляющего Кривошеина.
9. Комитет по землеустроительным делам. Краткий очерк за десятилетие 1906 – 4. III. 1916. Пг., 1916. Приложение III.
10. ГУЗиЗ в обзоре деятельности землеустроительных комиссий за 1907–1911 гг. СПб., 1912.
11. Кофод К.А. Русское землеустройство. Пг., 1914.
12. Огановский Н.П. Аграрный вопрос после 1905 г. М., 1914.
13. Огановский Н.П. Революция наоборот. Пг., 1917.
14. Файн Л.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. Иваново, 2002.

Статья поступила
в редакцию 17.02.2012 г.

УДК 94(47).083

А.К. КИРИЛЛОВ

**ВОПЛОЩЕНИЕ СТОЛЫПИНСКИХ РЕФОРМ В СИБИРИ:
ОТМЕНА КРУГОВОЙ ПОРУКИ**

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: alkir.nsk@gmail.com

В центре внимания статьи – реформа 1906 г.: введение в Сибири единоличной ответственности по крестьянским платежам. Не удостоенная внимания историков, эта реформа интересна тем, что ее воплощение определялось не только предписанным из столицы законодательством, но также инициативой местных чиновников и отношением крестьянского общества. Тенденция «игры в прятки» с фискальными органами существовала и побуждала налоговиков добиваться законодательных уточнений, но она не стала господствующей в отношении крестьян к разверстке налогов.

Ключевые слова: столыпинская реформа в Сибири, отмена круговой поруки, разверстка государственной оброчной подати, крестьянские раскладочные приговоры.

Реформаторская политика П.А. Столыпина знаменита двумя своими составляющими. Применительно к Европейской России главным образом говорят о борьбе с общиной; в истории Сибири больше всего известно крестьянское переселение. Между тем и в сибирской жизни при Столыпине произошла крупная реформа, ослабляющая общинные скрепы. Речь идет о введении единоличной ответственности крестьян по налоговым платежам. Принятый еще при С.Ю. Вите закон 12 марта 1903 г. об отмене круговой поруки коснулся только Европейской России, в Сибири же она существовала еще три года.

Отмена круговой поруки в Сибири произошла как бы между прочим – то была одна из ряда царских милостей, явленных указом «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и других лиц бывших податных состояний» от 5 октября 1906 г. Смысл этого документа – политический. Начинаясь торжественным напоминанием про 19 февраля 1861 г. и про 17 октября 1905 г., указ провозглашал задачу – «завершить мудрые предначертания Царя-Освободителя на возвещенных Нами началах гражданской свободы и равенства перед законом всех российских подданных»¹. Применительно к отмене круговой поруки в Сибири это стремление хорошо сочеталось с практическими надобностями, вытекающими из роста сибирского переселения. Переводить прибывающих в Сибирь переселенцев обратно во власть круговой поруки высшие власти сочли неправильным, а иметь дело со смешанным (в смысле единоличной или общинной ответственности) составом плательщиков – неудобным (подробнее см.: [1]).

Как следствие, отмена круговой поруки в Сибири отстала от центра страны лишь на три года, что мало по сравнению с реформами второй половины XIX в. Принятие на самом верху решения прошло быстро и безболезненно. Но его воплощение вызвало неожиданные трудности, решать которые сибирским властям пришлось самостоятельно. В том, как решались эти трудности и как они решились, проявляется роль крестьянского общества начала XX в. как самостоятельной силы, действующей лояльно по отношению к государственным интересам.

Дело в том, что введение единоличной налоговой ответственности делало особенно важной раскладку налога внутри сельского общества. Как повелось издавна, казенная палата определяла сумму причитающегося к уплате налога для сельского общества целиком. Пока существовала подушная подать, эта сумма зависела от числа душ, затем – от площади землепользования. В любом случае внутриобщинная раскладка поручалась самому обществу, и чиновников не смущало то, что с одних сход возьмет больше, а с других – меньше. Если сход неверно определил платежеспособность хозяев, и кто-то из крестьян не сможет уплатить назначенную ему сумму, недоимку взыщут со всей деревни. Не то при единоличной ответственности: сход не несет материальной ответственности за принятое им ошибочное или даже заведомо ущербное для казны решение.

В Европейской России эту проблему решили заблаговременно. Еще 23 июня 1899 г. было принято Положение о порядке взимания окладных сборов с наделных земель сельских обществ. Оно четко установило, что раскладка налога «должна быть произведена уравнительно с применением ко всем домохозяевам одинаковых условий обложения». То есть показатели платежеспособности могли быть выбраны разные («согласные с установившимися местными

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3-е. СПб., 1909. Т. XXVI. Отд. 1. № 28 392. С. 891.

обычаями»), но коль скоро они заявлены в приговоре, следовало соблюдать их при расчете суммы обложения для каждого плательщика. Следить за соблюдением этого правила поручалось земскому начальнику и податному инспектору. Если первый из них проверял вообще «согласие приговора с законом», то задача последнего формулировалась более точно – выявлять «отступления от закона, клонящиеся к нарушению казенного интереса»².

Законодатель, таким образом, поставил специальную препону на пути тех сельских обществ, которые захотят в общении с казной проявить «военную хитрость» и разложить львиную долю налога на бедняков, бобылей и «безвестно отсутствующих». После этого отменять круговую поруку можно было без опаски. Закон 12 марта 1903 г. прошел для податной системы безболезненно потому, что опирался на Положение 1899 г. Связь между двумя законодательными актами подчеркивалась даже в названии закона 1903 г.: «Об отмене круговой поруки крестьян по уплате окладных сборов в местностях, в коих введено в действие Положение 23 июня 1899 года о порядке взимания сих сборов с надельных земель сельских обществ»³.

Но на Сибирь это положение не распространялось. После 1899 г. на восток от Урала система раскладки крестьянских налогов действовала в прежнем, дореформенном, виде. Даже в эпоху круговой поруки это вызывало возражения сибирских налоговиков. Податные инспектора обсуждали эту проблему на своих съездах [2, с. 98], управляющие казенными палатами направляли запросы в Департамент окладных сборов, губернаторы жаловались в МВД и даже (посредством «всеподданнейших отчетов») государю императору⁴.

Забегая вперед, надо сказать, что столичные чиновники в общем виде соглашались с сибиряками. Они признавали, что «полное упорядочение постановки податного дела в Сибири может быть достигнуто лишь при условии введения в этих местностях того порядка взимания окладных сборов, который применяется в Европейской России на основании высочайше утвержденного Положения 23 июня 1899 года и закона 12 марта 1903 года»⁵. Но делать это до завершения поземельно-устроительных работ отказывались, «так как только с приведением в известность количества земельных угодий <...> будет твердая база как для исчисления общих контингентов оброчной подати для отдельных губерний, так и для распределения этих контингентов между отдельными уездами, а в пределах последних между отдельными сельскими обществами и селениями»⁶. Год за годом проходили без круговой поруки, а затем уже и без Столыпина, но даже в 1913 г. Сибирь еще оставалась вне действия Положения 23 июня 1899 г.

История настойчивых, но бесплодных препирательств между столицей и сибиряками по поводу Положения 23 июня 1899 г. не выглядит вполне прозрачной; не исключено, что обе стороны «держали в уме» дополнительные соображения, официально не излагаемые. Как бы то ни было, отмена в Сибири круговой поруки произошла в то время, когда сибирская податная инспекция была уверена в недостаточности механизма раскладки для обеспечения интересов казны. Руководство Томской казенной палаты забило тревогу и добились принятия особых мер для борьбы с возможными недоимками.

Как воплощались эти меры на деле, видно из отчетов податных инспекторов по итогам 1907 г. Все инспектора отмечали на редкость успешное взыскание податей – и основного оклада, и недоимок прошлых лет, связывая это с применением насильственных мер.

«Усиленное взыскание с содействием военной силы недоимки за прежние годы в начале минувшего [1907] года оказало на экономическую жизнь населения и на поступление податей заметное влияние», – так писал кузнецкий инспектор. В Кузнецком уезде в течение одного лишь января 1907 г. собрали сумму, почти равную годовому окладу, «почему в первой половине года текущий оклад поступал плохо, но по мере выяснения результатов урожая 1907 г. платеж податей стал производиться крестьянами охотнее, тем более что указанный выше способ взыскания податей (с помощью военной силы) оставил в крестьянах, по-видимому, глубокое впечатление; опасаясь повторения этого в будущем вообще, они почему-то создали себе убеждение, что на следующий раз с них взыщут и все расходы по командировке военной силы»⁷.

Похожим образом высказывался инспектор 1-го участка Барнаульского уезда. «Главнейшим фактором понижения недоимочности я считаю усиленную энергию, проявленную полицией в деле взыскания в первой половине отчетного года. Во главе с исправником была наряжена своего рода карательная экспедиция из станковых приставов и стражников, которые, переезжая из селения в селение, производили взыскания, причем население беспрекословно уплачивало следуемые с него деньги»⁸.

Еще одну разновидность использования силы упоминает мариинский податный инспектор: «На благоприятное поступление податей имело несомненное влияние постановление съезда крестьянских начальников с ходатайством о присылке воинской силы в Тундинскую волость, каковое постановление быстро сделалось известным населению; этим и объясняется тот факт, что в декабре минувшего года поступление податей более, чем за всю первую половину года»⁹.

Еще более простыми мерами добилась своего администрация (крестьянские начальники, полиция, сельское самоуправление) Бийского уезда. Было составлено «весьма значительное» число описей имущества недоимщиков, подавляющее большинство ко-

² ПСЗ. Собр. 3-е. СПб., 1902. Т. XIX. Отд. 1. № 17 286. С. 807.

³ ПСЗ. Собр. 3-е. СПб., 1905. Т. XXIII. Отд. 1. № 22 629. С. 134.

⁴ Государственный архив г. Тобольска (ГАТ). Ф. 152. Оп. 40. Д. 140. Л. 99–99 об., 136–136 об.

⁵ Там же. Л. 99–99 об.

⁶ Там же. Л. 136–136 об.

⁷ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 183. Л. 156–156 об.

⁸ Там же. Л. 169 об.

⁹ Там же. Л. 173 об.

торых после этого недоимку внесло¹⁰. Выставление на продажу имущества недоимщика – мера стандартная, предусмотренная законом; в то же время массовое ее использование инспектор расценил как деятельность более энергичную, чем обычно, и вызванную распоряжениями губернатора.

Таким образом, инспекторы говорят о разных методах усиленного взыскания (где полиция, где армия, где опись имущества) и в разные месяцы – от конца 1906 г. до конца 1907 г. Но все описывают первый год без круговой поруки как год чрезвычайного налогового нажима на западносибирскую деревню.

Иначе обстоит дело в изображении руководства Томской казенной палаты, представившего Департаменту окладных сборов сводный отчет по губернии. До нас дошел машинописный проект этого отчета, подписанный начальником 2-го (податного) отделения А. Горт-де-Гротом и правленный от руки начальником казенной палаты И.Б. Маршангом. Палата сообщила, что собрано 4/5 годового оклада 1907 г. плюс 3/4 оставшейся недоимки (а всего – 126,9 % годового оклада). «Ближайшею причиной» такого успешного сбора налогов палата называла благоприятные экономические условия, подробно расписанные на четырех страницах: хороший урожай в сочетании с ростом запашки и ростом заготовок сена (вследствие возвращения ратников Русско-японской войны). О хорошем урожае отчитывались и инспектора – впрочем, не противопоставляя при этом последний год предыдущему, и главное – не выдвигая урожай в качестве единственного объяснения хорошего сбора налогов.

Руководство палаты уверяло, что «население платило подати, нисколько не обременяя своего хозяйства, и по своему экономическому состоянию могло бы выплатить большую сумму»¹¹. По мысли палаты, этого не произошло из-за трудностей, вызванных отменой круговой поруки. «При действии круговой поруки широкая самостоятельность общества в раскладке податей имела основание <...> С 1 января 1907 г. при ответственности каждого плательщика только за себя положение изменилось: от обложения податями лиц, взыскание с которых по тем или иным причинам не может быть произведено, общество выигрывает, а казна, напротив, несет прямой ущерб»¹². «Крестьянское население при слабом развитии гражданственности, привыкшее к тому, что подати с него взыскиваются с угрозами и карами, в редких случаях вносит их добровольно, принимая все меры к тому, чтобы переложить, уменьшить или совершенно устранить от себя податное бремя. С этою целью общества нередко облагают податями больных, старых, неимущих, безвестно отлучных, причем на лиц последней категории оклад налагается без всякого соотношения к их имущественному положению, лишь бы была достигнута цель общества – уменьшение тяжести обложения платежеспособных и наличных членов. Результаты такого отношения уже успели сказаться с конца 1907 г.: в

Палату последовал ряд ходатайств о сложении недоимок за невозможностью произвести взыскание»¹³. Словом, томичи не упустили возможности напомнить о насущности введения в Сибири Положения 23 июня 1899 г.

Только после столь длинного предисловия автор отчета начал описывать меры принуждения, принятые в отчетном году.

10 марта 1907 г. управляющий палатой предложил податным инспекторам «приложить все старание к тщательному просмотру раскладочных приговоров со стороны равномерности раскладки и целесообразности принятых за основание признаков» (о нарушениях – сообщать в уездный съезд крестьянских начальников и в казенную палату)¹⁴.

Кроме того, сотрудники палаты бдительно следили за «соответствием между платежными средствами населения и поступившими платежами». В случаях несоответствия от инспекторов требовали объяснений. Те обычно пеняли на сельских и волостных старост, которые «крайне редко и нерешительно пользуются предоставленными им мерами понуждения», вследствие чего среди недоимщиков числятся «вполне состоятельные и зажиточные лица»¹⁵.

Побывав «на местах», управляющий убедился в правоте инспекторов и официально заявил томскому губернатору, что «только отсутствием должного интереса и энергии у волостной и сельской администрации и крестьянских начальников можно объяснить неодинаковую недоимочность волостей, <...> в экономическом отношении находящихся в совершенно одинаковых условиях»¹⁶.

Помимо общих заявлений, казенная палата теребила губернатора указаниями на отдельные недоимочные общества и отдельных недостаточно требовательных чиновников. Недовольство финансистов вызывали и крестьянские чиновники, допускающие появление недоимки, и полиция, недостаточно требовательно эту недоимку взыскивающая. Менторски-назидательно палата «просила» губернатора «напомнить подведомственным чинам, что борьба с проявлениями упорства в неплатеже податей не терпит попустительства», что «своевременное взыскание податей не только предупреждает накопление недоимок <...> но, помимо сего, имеет дисциплинарное для крестьян значение, напоминая последним о строгости закона и необходимости добровольно и неукоснительно нести законные повинности»¹⁷.

В качестве самого значительного ответного действия губернатора документ казенной палаты упоминает циркуляр от 5 мая 1907 г. Крестьянским начальникам этот циркуляр предписывал «лично разъяснить сходам тех селений, которые откажутся от раскладки, что такой отказ является преступным неисполнением закона, что и без раскладочного приговора подати будут взысканы», а исправникам – составить описи

¹⁰ Там же. Л. 162. Ниже уточняется, что было составлено 128 описей по 114 селениям, описано 8056 имуществ.

¹¹ Там же. Л. 177.

¹² Там же. Л. 177 об.

¹³ Там же. Л. 177 об.–178.

¹⁴ Там же. Л. 178.

¹⁵ Там же. Л. 178 об.

¹⁶ Там же. Л. 179.

¹⁷ Там же. Л. 179–179 об.

имущества «жителей тех селений, которые до 1 июля не только не уплатят оклада 1[-й] половины [года], но и не составят приговоров»¹⁸.

Упомянутый здесь «отказ от раскладки» перекликается с упоминанием бийского инспектора об «отказе сделать разверстку переселенческого оклада и недоимки по Михайловской волости», вследствие чего инспектору пришлось лично «делать разъяснения» волостному правлению и сельским обществам, а также командировать своего помощника для «непосредственного разъяснения на сельском сходе и склонения к разверстке крестьян дер. Березовки Михайловской волости»¹⁹. Ясно, впрочем, что речь идет о простом непонимании нового закона, которое не имеет отношения к его изъятиям и не выходит за рамки курьеза²⁰.

Более важное значение имеют другие два вывода из приведенных цитат. Непосредственно из описания борьбы казенной палаты за улучшение сборов становится ясно, что именно финансовое ведомство стало инициатором усиленных мер взыскания. Упомянутые податными инспекторами грозные циркуляры губернатора явились ответом на настойчивость казенной палаты.

В целом же проект отчета казенной палаты создает впечатление, что его автор стремится принизить значение принудительных мер. Казалось бы, это не вполне логично, коль скоро именно по настоянию палаты они приняты и дали вроде бы положительный эффект. Объяснить это противоречие можно тем, что чрезвычайные репрессии не соответствовали ординарному уровню проблемы.

То, что репрессии были чрезвычайными даже на уровне циркуляров, видно все из того же черновика казенной палаты. Весь кусок текста (более страницы), связанный с описанием губернаторского циркуляра от 5 мая 1907 г. и его последствий (успешное взыскание податей и недоимок), в документе зачеркнут; на поле И.Б. Маршанг пометил: «Едва ли законно!». А ведь мы уже знаем, что чиновники нижнего уровня (крестьянские начальники) действовали еще более решительно.

Один из податных инспекторов (2-го участка Томского уезда) даже упоминал военное взыскание в конце 1906 г. как причину снижения платежеспособности. Главной причиной успешного поступления окладных сборов в 1907 г., – писал он, – следует считать хороший урожай, «значительно подкрепивший платежные силы населения, несколько подорванные усиленными взысканиями недоборов в конце 1906 года с продажей имущества неисправных плательщиков»²¹.

Чрезвычайное взыскание могло бы еще быть оправданным, если бы крестьяне действительно сплошь

и рядом стали перекладывать налоги на неспособных плательщиков. Но этого не произошло. Обнаружив, что напрасно перебаламутили всю губернию, чиновники казенной палаты попытались затушевать произведенный эффект.

Вместе с тем можно, по-видимому, говорить о том, что проблема взыскания налогов действительно существовала. Мы уже встречали в черновике казенной палаты упоминание о ходатайствах о сложении недоимки 1907 г. за невозможностью взыскания. В тон палате высказывается и податный инспектор 2-го томского уездного участка: отмена круговой поруки – это «новый фактор, сильно влияющий на увеличение недоимочности».

Однако инспектор ведет речь не о неверных раскладках, а о трудности взыскания с ушедших на заработки: многие из них не берут паспортов, и неизвестно, куда ушли²². Это действительно связано с отменой круговой поруки, но едва ли объясняется отсутствием в Сибири Положения 23 июня 1899 г., на которое так опирает в своем отношении казенная палата (оно ведь не запрещало раскладывать налоги на промысловиков).

Не менее интересен тот факт, что казенная палата стала требовать усиления взысканий еще до закона об отмене круговой поруки в Сибири: первое отношение губернатору в таком духе было направлено 28 сентября 1906 г.²³ Это отношение упомянуто палатой в общем русле давления на недоимщиков в 1906–1907 гг.; между тем ясно, что оно не может быть связано с последствиями реформы 5 октября 1906 г.

Еще одно обстоятельство, подрывающее попытку казенной палаты свести дело к Положению 23 июня 1899 г., – это примеры воздействия податной инспекции на раскладки. Выше приводилась цитата из циркуляра начальника казенной палаты от 10 марта 1907 г. с предложением к инспекторам проверять не только соответствие раскладки заявленным показателям, но и целесообразность заявленных признаков. И это действительно делалось, как видно из отчетов податных инспекторов. Именно за 1906–1908 гг. в томском архиве сохранилась богатая подборка из тысяч копий раскладочных приговоров. Достоверно известно и то, что в некоторых случаях от крестьян действительно добивались пересмотра неравномерного раскладочного приговора. Бийскому инспектору это удалось при посредстве уездного съезда крестьянских начальников²⁴. Таким образом, орудие для борьбы с неравномерными раскладками у сибирских податных инспекторов имелось даже после отмены круговой поруки.

Получается, что когда от общих рассуждений на тему «слабого развития гражданственности» дело переходит к непосредственным примерам из жизни, проблемы взыскания оказываются связаны не столько с отсутствием в Сибири Положения 23 июня 1899 г., сколько с отменой круговой поруки вообще и – еще шире – с общими трудностями взыскания, существовавшими даже при круговой поруке.

¹⁸ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 183. Л. 179 об.–180.

¹⁹ Там же. Л. 162 об.–163.

²⁰ Возможно, кое-где сказывались исключительные местные обстоятельства. Тот же бийский инспектор, говоря о борьбе с отказами от раскладок, упоминает доставление им в казенную палату сведений «по исправлению счета лиц и окладов в списках переселенцев». Не исключено, что речь идет о требовании крестьян исправить какие-то ошибки.

²¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 183. Л. 165.

²² Там же. Л. 165 об.

²³ Там же. Л. 179.

²⁴ Там же. Л. 163–163 об.

В итоге становится ясно, что отмена круговой поруки в Томской губернии была связана с ощутимой встряской, которая, однако, не обуславливалась ни существом законодательных новшеств, ни поведением крестьян. Местные чиновники Минфина, уделяя чрезмерное внимание законодательству, переоценили грядущие перемены в налоговом поведении крестьян. Принятые по их настоянию чрезвычайные меры, к тому же усиленные простотой полицейского восприятия губернаторских приказов, должны были улучшить раскладочные приговоры, а на деле привели к сокращению дореформенных недоимок. Средства не то чтобы оказались безрезультатными, но ударили мимо цели. Использовать их ежегодно было нельзя, вопрос о регулярных мерах борьбы за равномерность крестьянских раскладок оставался насущным. Крестьянское общество оказалось более инерционным,

чем рассчитывали томские налоговики. Это давало отсрочку, но не позволяло вообще отказываться от решения проблемы расчета налогов с учетом усиления единоличного начала в деревне в частности и в российской жизни в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириллов А.К. Система денежного налогообложения сибирских крестьян в конце XIX – начале XX века // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890-е – 1920-е гг.). Новосибирск, 2004. С. 1–47.
2. Журнал заседаний съезда податных инспекторов и их помощников Тобольской губернии в августе м[есяце] 1905 года. Тобольск, 1906.

Статья поступила
в редакцию 30.01.2012 г.

УДК 94(47)/081/083

И.Н. СЛЕПНЁВ

СКОЛЬКО ЗЕМЛИ ФЕРМЕРУ НУЖНО? (К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ)

канд. ист. наук,
Российский гуманитарный научный фонд, г. Москва
e-mail: ins@rfh.ru

Цель статьи – определить степень наличия материальных предпосылок, необходимых для создания слоя российских фермеров в ходе столыпинской аграрной реформы. Для решения поставленной задачи рассмотрена эволюция земельного обеспечения крестьянства после Крестьянской реформы 1861 г. Показывается, что именно реальные размеры обеспечения крестьянства землей в пореформенный период и сдерживающая роль помещичьего хозяйства в процессе формирования класса свободных мелких производителей определяли логику проведения столыпинской аграрной реформы и пределы ее возможного успеха.

Ключевые слова: аграрные реформы, российское крестьянство, фермерство, обеспеченность земель, собственность, помещичье хозяйство.

Истоки повышенного интереса в современной России к личности П.А. Столыпина, истории столыпинской аграрной реформы и одновременно к истории фермерства восходят к концу 1980-х гг. [1]. Обращение к опыту российского аграрного реформирования происходило на волне острой критики недостатков советского агропромышленного комплекса, не выдерживавшего сравнения с более эффективной западной рыночной моделью аграрного производства. Вместе с тем в качестве одной из стратегических целей аграрного реформирования в конце 1980-х – 1990-х гг. принимался классический образец свободного американского фермерства. Однако исторический опыт российского фермерства до сих пор не получил достаточно полного освещения ни в отечественной, ни в зарубежной историографии и практически не учитывался при подготовке и проведении современных аграрных реформ. Более того, несмотря на наличие фундаментальных теоретических разработок ученых, четко определивших основные отличия крестьянского и фермерского хозяйства

[2], а также вопреки мнению о путях современных аграрных преобразований таких известных ученых-аграрников, как В.П. Данилов, А.А. Никонов и др. [3, 4], реформаторы образца 1990-х гг. уже на начальном этапе разработки основ аграрного реформирования не смогли избежать серьезных теоретических изъянов. Метко охарактеризовал путаницу в их представлениях о фермерстве и крестьянстве В.П. Данилов на одном из первых заседаний теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», посвященном книге известного английского историка и социолога Т. Шанина «Определяя крестьянство» [5]. Теоретическая ущербность проявилась уже в названии одного из основополагающих законов современной аграрной реформы, смешавшем практически в одно целое крестьянское и фермерское хозяйство¹. Отметив данное обстоятельство, В.П. Данилов подчеркнул: «Разобраться

¹ Закон РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (принят 22 ноября 1990 г.).

в значении этих терминов необходимо для понимания как исторического прошлого, так и аграрных преобразований настоящего времени» [6, с. 3–4].

В целом в российской истории характерно обострение внимания к моделям сельскохозяйственного предпринимательства в периоды подготовки и проведения социально-экономических реформ. Так было и при подготовке крупнейших аграрных реформ – Крестьянской реформы 1861 г. и столыпинской аграрной реформы.

Нельзя не согласиться с утверждением американского исследователя Д. Мейси о том, что рассмотрение предпосылок и хода реализации столыпинской аграрной политики следует начинать с Крестьянской реформы 1861 г. [7]. Позиция дворян-землевладельцев ярко отразилась в деятельности Главного комитета по крестьянскому делу. При обсуждении вопроса о наделении крестьян землей в «Особом мнении» князь П.П. Гагарин «классом фермеров» называл крестьян малоземельных губерний, освобождаемых без земли, по «остзейскому»² варианту, и становившихся предпринимателями-арендаторами [8, с. 23–25].

В печати против помещичьего варианта безземельного освобождения крестьян и воссоздания в России системы «лендлорд – землевладелец – фермер-арендатор» выступил, в частности, известный общественный деятель и ученый-правовед Б.Н. Чичерин. По его мнению, Россия не доросла до введения «улучшенного фермерского хозяйства» по английскому образцу. Такой вариант поставил бы крестьянство в бедственное положение, подобно пагубным последствиям освобождения крестьян без земли в Померании³ [9].

Еще более подробную характеристику разновидностей фермерской альтернативы дал Н.Г. Чернышевский в опубликованной в 1857 г. в журнале «Современник» статье «О поземельной собственности». Рассматривая современные ему английский и французский образцы, Чернышевский определяет фермерский (арендно-предпринимательский) тип производства как закономерный этап аграрной эволюции. Он отмечает, что эпоха фермерства наступает тогда, когда в производстве начинают преобладать крупные хозяйства. В результате «мелкие производители не могут выдерживать соперничества с крупными, земледельцы-собственники мелких и средних участков должны работать в убыток себе или отчуждать свои участки» [10, с. 426–434].

В отличие от реформаторов образца 1861 г., обращавшихся к различным моделям фермерства, в том числе английской, реформаторы начала 1900-х предпочитали говорить исключительно о переходе от общинного к подворному землепользованию и о хуторском хозяйстве, не касаясь сложных вопросов взаимоотношения помещичьего и крестьянского хозяйств. Характерно, что накануне столыпинской реформы вышли в свет, в частности, труды ближай-

шего соратника П.А. Столыпина – А.А. Кофода [11], а также его родственника – Д.А. Столыпина [12], в которых рассматривалась хуторская форма ведения хозяйства применительно к практическим нуждам того времени. Известен и интерес самого П.А. Столыпина к хуторскому хозяйству еще в ранний период его деятельности.

Примечательно, что современники в конце XIX – начале XX в. иногда образно называли Соединенные Штаты «страной хуторов», имея в виду преобладание в сельскохозяйственном производстве этой страны фермерского хозяйства. Однако вполне очевиден тот факт, что в помещичье-дворянской России начала XX в., как в целом и в предшествующее пореформенное сорокалетие, никакого пиетета по отношению к американскому фермерству не было. Безусловно, активно распространявшееся в России после Крестьянской реформы хуторское хозяйство было более органичной и адаптированной к российской действительности моделью. Надо полагать, обращение к примеру свободного, не отягощенного грузом отношений с крупным землевладением американского фермерства в еще не успевшей оправиться от революционных потрясений России выглядело бы по меньшей мере некорректно. И в этом, по-видимому, кроется причина невнимания столпов столыпинской аграрной реформы к опыту американского фермерства.

Проводимый реформаторами 1900-х гг. подход возобладавал и в работах современных исследователей столыпинской аграрной реформы. Вызывает удивление тот факт, что при огромной массе публикаций, посвященных столыпинской аграрной реформе, помещики и помещичье хозяйство в новейшей историографии фактически стали «фигурой умолчания». Тем самым совершенно необоснованно упускается из виду то обстоятельство, что и фермерская альтернатива, и сам потенциал реформы были неразрывно связаны с тем, как решалась судьба помещичьего хозяйства, какое место оно занимало в планах реформаторов в связи с решением крестьянского вопроса.

Одним из обсуждаемых в течение уже целого столетия является вопрос о наличии реальных перспектив реализации столыпинской аграрной реформы и возможности создания массового слоя российского фермерства. Чтобы попытаться на него ответить, необходимо выяснить, насколько определяла обеспеченность крестьянства землей в начале XX в. его дифференциацию, выделение из его массы слоя «сильных и крепких» сельскохозяйственных производителей.

Прежде всего попытаемся выяснить, какой должна быть средняя норма землепользования, чтобы удовлетворить продовольственные нужды крестьянского хозяйства. По данным земских статистиков, для Центрально-Черноземного района она составила 1,23 дес. на душу населения⁴. При среднем размере семьи в 6 душ минимальная норма обеспеченности землей определялась в 7,4 дес. Учитывая господство трехпольной системы земледелия, эту цифру следует

² Остзейский край включал три прибалтийские губернии Российской империи – Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую. Имеются в виду проведенные в крае в первой половине XIX в. аграрные преобразования.

³ Прусская провинция на побережье Балтийского моря.

⁴ Сборник статистических сведений по Орловской губернии. Орел, 1895. Т. VIII: Орловский уезд]. С. 176.

увеличить, как минимум, на треть, что в итоге составит около 10 дес. на двор.

Данный расчет подтверждается и исследованиями земских агрономов. Они ставили цель – определить минимальный размер безубыточного (т.е. устойчивого) хозяйства в черноземной зоне. В частности, для Тамбовской и Тульской губерний указывался размер в 10–15 дес. По мнению Н.П. Огановского, в районах земледельческого центра с преобладанием трехполья 10–12 дес. на хозяйство из 6 душ являлись нормой, «при которой более или менее полно удовлетворяются насущные потребности крестьянской семьи» [13, с. 88]. Вместе с тем трудоспособный крестьянин имел возможность обработать до 14,5 дес. на душу [14, с. 618], т.е. при соответствующем составе семье, а также при условии привлечения наемной рабочей силы фермерское хозяйство могло иметь несколько десятков десятин. В многоземельной степной полосе речь могла идти уже не об одной сотне десятин. Так, по данным П.И. Савельева, средний размер хутора в обследованных в начале XX в. волостях Новоузенского уезда Самарской губернии достигал 272 дес. [15].

Представление о потенциале для развития фермерского хозяйства в конце XIX в. могут дать средние цифры обеспеченности земель крестьянства. При этом выявляются заметные отличия в обеспеченности земель различных разрядов крестьян. По данным А.М. Анфимова, наиболее обеспеченными землей оказались государственные крестьяне. В 1877 г., спустя полтора десятилетия после реформы 1861 г., на одно хозяйство крестьян этого разряда приходилось 15,1 дес. земли. Эта цифра, как нам представляется, свидетельствует о существовании в пореформенное время достаточно высокого потенциала для массовой трансформации хозяйств государственных крестьян по фермерскому пути. Несмотря на рост населения, фермерский потенциал не был исчерпан и к началу столыпинской реформы. По сведениям на 1905 г., средняя наделенность государственных крестьян землей составила 12,5 дес. на двор.

В худшем положении находились удельные крестьяне, землеобеспеченность которых уменьшилась за 1877–1905 гг. с 12,5 до 9,5 дес. на двор.

Помещичьи крестьяне в своей массе в пореформенный период вовсе были лишены возможности встать на путь эволюции по «американскому» типу. Их земельные наделы сократились с 8,9 до 6,7 дес. на двор [16, с. 220]. Этот факт свидетельствует в пользу вывода О.Н. Бурдиной о том, что в бывшей помещичьей деревне «только дарственное хозяйство, независимо от его размера и удачливости <...> могло эволюционировать в сторону фермерского» [8, с. 31].

Данные по губерниям и регионам за несколько лет до начала столыпинской аграрной реформы можно почерпнуть из материалов Комиссии 1901 г. Проведенные нами подсчеты показали, что стабильно обеспеченным надельной землей в пореформенный период было крестьянство губерний Северо-Восточного района (Вятская и Пермская), Восточного (Уфимская, Оренбургская, Самарская) и Юго-Восточного (Астраханская губерния и Донская область) [17, с. 156–165]. Однако некоторые исследователи указывают на не-

значительный удельный вес фермерского хозяйства. В частности, в исследовании П.И. Савельева подтверждается верность данного наблюдения даже для такой типичной территории поселково-хуторского расселения, как Самарская губерния [15].

В целом в пореформенный период мечта о крестьянине-собственнике оказалась недостижимой. Реальная политика и практика в 1880–1890-е гг. приняли направление, по ряду пунктов оказавшееся прямо противоположным принципам, заложенным в реформе 1861 г. [18]. По мнению В.П. Данилова, именно тогда была потеряна возможность мирного эволюционного развития российской деревни [3, т. 2, с. 274]. Вспоминая слова П.А. Столыпина о необходимых для успеха реформы 20 лет покоя, можно акцентировать мысль В.П. Данилова и констатировать, что эти десятилетия были упущены в 1880–1890-е гг.

После отмены крепостного права помещичье землевладение и землепользование продолжали оставаться существенным фактором, сдерживавшим становление и развитие хозяйств фермерского типа и, более того, своим огромным весом в политической жизни империи препятствовавшим распространению фермерских хозяйств американского типа на принадлежавшие казне свободные земли.

Весьма симптоматично для характеристики позиции дворянства по отношению к развитию товарного крестьянского производства в окраинных регионах России высказывание в периодической печати дворянского публициста К. Головина. В момент резкого обострения аграрного кризиса, пошатнувшего положение помещичьего хозяйства на мировом рынке, он писал: «Боясь конкуренции с Америкой, мы создаем Америку у себя, бок о бок с Россией, и не в одной только Сибири, а на всем пространстве малонаселенных заволжских степей» [19, с. 329] (цит. по: [20, с. 245]). Помещики хорошо понимали, что при усилении тенденций к «американской модели развития» их хозяйство теряло дешевую рабочую силу, а следовательно, снижалась его способность выдерживать неимоверно обострившуюся в годы аграрного кризиса борьбу на мировом рынке. Кроме того, фермерские хозяйства становились серьезными конкурентами помещичьим имениям.

Отсутствие помещичьего хозяйства в Сибири создавало простор для развития фермерства⁵ [21; 22]. Этот же фактор способствовал осуществлению и другой, не менее значимой альтернативы – кооперативного движения. Однако, несмотря на удаленность, помещичье хозяйство силой своей «гравитации» оказывало влияние на структуру аграрного производства Сибири. Самый яркий пример такого влияния – существование вплоть до начала Первой мировой войны Челябинского тарифного перелома, фактически препятствовавшего появлению на рынках Европейской России сибирского хлеба [23, с. 280–287]. Следствием такой

⁵ На это обстоятельство историки обратили внимание в конце 1950-х – начале 1960-х гг. во время проведения дискуссии о путях развития капитализма и мелкотоварном производстве в сельском хозяйстве дореволюционной России. Одним из следствий этой дискуссии стало усиление внимания к исследованию перспектив «американского», фермерского пути аграрного развития Сибири и национальных окраин.

ограничительной тарифной политики стало мощное развитие сибирского маслоделия [24, с. 149–150].

В районах господства помещичьего хозяйства и крестьянского малоземелья основы функционирования системы хозяйства, при которой из-за нехватки земли крестьяне вынуждены были арендовать ее у помещика, как раз и были заложены реформой 1861 г. В связи с этим представляется весьма важным сделанный Л.Г. Захаровой вывод о том, что «реформа была компромиссом, ее программа предусматривала развитие и сосуществование в пореформенном аграрном строе двух типов хозяйств – крупного помещичьего и мелкокрестьянского; в условиях реформы была заложена возможность развития капитализма через буржуазную эволюцию и помещичьего, и крестьянского хозяйства, с большим преимуществом для помещичьего хозяйства» [25, с. 325–326].

Перманентно растущее в пореформенное время крестьянское малоземелье грозило обострением социальных противоречий, что наглядно показали волнения 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях [26]. Аналогичные причины легли и в основу событий Первой русской революции, когда масса помещиков бежала из разграбленных и сжигаемых крестьянами имений в города под защиту правительственных войск.

В связи с вышеизложенным можно констатировать, что концепция столыпинской аграрной реформы явилась, с одной стороны, плодом осмысления произошедшей в пореформенное сорокалетие аграрной эволюции, а с другой – результатом возникшего в ходе революционных событий у власти осознания опасности общины как механизма, способного перемотать и уничтожить помещичье землевладение в России. В конечном итоге крестьянский вопрос в соответствии с концепцией аграрной реформы начала XX в. стал решаться не за счет прирезок государственных или помещичьих земель, а за счет разрушения общинного землепользования и перераспределения общинной земли, переселения крестьян на окраины империи, миграции их в города, требовавшие притока рабочей силы вследствие проводимой политики индустриализации.

Подчеркнем, аграрная эволюция пореформенной деревни, несмотря на отмену крепостного права и провозглашение курса на создание класса крестьян-собственников, слабо соотносилась с фермерским путем развития. Это свидетельствует о своеобразии начальных условий, в которых осуществлялась столыпинская аграрная реформа, и может способствовать пониманию особенностей ее протекания, в частности, причин быстрого падения ее темпов.

Сопоставление основополагающих принципов двух реформ (крестьянской 1861 г. и столыпинской начала XX в.) приводит к следующему выводу: если в основе крестьянской реформы лежала нивелировка, усреднение сельского населения, то столыпинская реформа, напротив, исходила из принципа дифференциации крестьянства. Заметно усилившееся в пореформенное сорокалетие малоземелье крестьян во многом определило характер и логику столыпинской реформы, сделавшей ставку не на деревенскую массу в целом, а сориентировавшей ось аграрной политики в сторону поддержки выделявшегося в российской деревне слоя

«крепких и сильных». Тем не менее, рассматривая предпосылки, ход и результаты столыпинской аграрной реформы, следует иметь в виду преемственность реформаторских усилий в аграрной сфере, равно как и генетическую взаимосвязь крестьянской реформы 1861 г. и столыпинской аграрной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфимов А.М. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002.
2. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: избр. труды. М., 1989.
3. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке: избр. труды : в 2 ч. М., 2011.
4. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России XVII–XX вв. М., 1995.
5. Shanin T. Defining Peasants: Essays Concerning Rural Societies, Expolary Economics, and Learning from Them in the Contemporary World. Oxford: Basil Blackwell, 1990.
6. Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар) // Отечественная история. 1993. № 2. С. 3–28.
7. Macey D.A.J. Government and Peasant in Russia, 1881–1906: The Prehistory of the Stolypin Reforms. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1987.
8. Бурдина О.Н. Крестьяне-дворяне в России 1861–1907 гг. М., 1996.
9. Чичерин Б.Н. О настоящем и будущем положении помещичьих крестьян // Атеней. М., 1858. Ч. 1.
10. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1948. Т. IV.
11. Кофод А.А. Крестьянские хутора на надельной земле. СПб., 1905. Т. 1–2.
12. Столыпин Д.А. Арендные хутора. СПб., 1906.
13. Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Саратов, 1914. Т. III, вып. 1.
14. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2010.
15. Савельев П.И. Русское фермерство в его исторической ретроспективе (по материалам юго-востока Европейской России) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 46–61.
16. Анфимов А.М. Некоторые данные об изменениях экономического положения крестьян разных разрядов в конце XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 218–235.
17. Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. благосостояния сельского населения среднестроительских губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903.
18. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992.
19. Русский вестник. 1894. Т. 235. Декабрь.
20. Симонова М.С. Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 236–270.
21. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.
22. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1967.
23. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011.
24. Николаев А.А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007.
25. Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.
26. Крестьянское движение в России 1901–1904 гг.: Сб. документов. М., 1998.

Статья поступила
в редакцию 21.02.2012 г.

УДК 94(47)''1910''

М.В. ШИЛОВСКИЙ

**ПОЕЗДКА В СИБИРЬ П.А. СТОЛЫПИНА и А.В. КРИВОШЕИНА 1910 г.:
ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ**

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
e-mail: istorik.novosib@gmail.com

В статье анализируются предложения, сформулированные П.А. Столыпиным и А.В. Кривошеиным по итогам их поездки в Сибирь в 1910 г. с точки зрения дальнейшего осуществления аграрных преобразований в регионе.

Ключевые слова: переселения, землеустройство, частная собственность на землю.

Как известно, указ от 9 ноября 1906 г. на дореволюционную Сибирь не распространялся, поскольку собственником земли здесь являлось государство, Сибирское казачье войско и Кабинет его императорского величества (КИВ). Местные крестьяне выступали в качестве постоянных пользователей земельных наделов, закрепленных за ними «раз и навсегда» на основе применяемого в российской правовой системе принципа «отдельного от собственности владения». Поэтому для региона решающее значение имели другие элементы реформы – переселение и землеустройство. В целом ее переселенческую составляющую современные исследователи оценивают положительно [1, с. 291; 2, с. 13; 3, с. 56].

В данной публикации я попытаюсь оценить основные параметры переселенческой эпопеи 1906–1910 гг. самими реформаторами на основании подготовленной П.А. Столыпиным и начальником Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) Министерства земледелия и государственных имуществ А.В. Кривошеиным пространной записки по результатам их служебной поездки в Сибирь в августе–сентябре 1910 г. [4]¹, оценить степень достоверности предложенной ими информации и судьбу сформулированных предложений. Всего за 10 суток, по собственным подсчетам, министры в сопровождении начальника Переселенческого управления ГУЗиЗа тайного советника Г.В. Глинка побывали в шести уездах Тобольской, Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей. Здесь «мы, сделав более 800 верст на лошадях в сторону от железной дороги и водного пути, видели несколько районов, весьма различных по условиям заселения» (с. 3).

Следует заметить, что в 1910 г. произошло обвальное падение числа переселившихся в Сибирь (с 619,3 тыс. чел. в 1909 г. до 316,1 тыс. чел.) при существенном увеличении (с 13,3 до 36,3 %) количества вернувшихся домой [5, с. 231]. Причем местные наблюдатели, анализируя ситуацию «благополучного» 1909 г., уже в начале 1910 г. прогнозировали провал, «который может привести к печальным последствиям, как [для] переселенцев, так и сибирских старожилов»². Спад миграционного потока происходил в условиях существенного увеличения бюджетного финансирования переселений и расширения государственной помощи новоселам. Достаточно сказать, что ассигнования Переселенческому управлению в 1910 г. по сравнению с 1909 г. увеличились с 23 млн до 24,9 млн руб. [6, с. 137].

Признавая факт снижения переселенческого потока, высокопоставленные чиновники, тем не менее, давали сугубо положительную оценку переселенческой политике правительства. В интервью английскому журналисту П.А. Столыпин заявил: «Мы видели сотни переселенцев. Мы спрашивали всех тех, которые недовольны своей жизненной обстановкой, заявить нам об этом, и таковым будут даны бесплатные билеты на обратный проезд в Россию. И что вы думаете? Всего нашлось двое старых вдов... Таким образом, вы видите, что речи о бегстве переселенцев из Сибири не может быть. Меня поразил тип сибирского переселенца. Он, по-видимому, заразился демократическим духом коренных сибиряков»³.

Всего за 1896–1909 гг., по приводимым в записке сведениям, «прошло в Сибирь в прямом направле-

¹ Далее ссылки на этот документ даются в тексте в круглых скобках с указанием страниц.

² Обской. Землеустройство и переселение в Сибирь // Сиб. жизнь (Томск). 1910. 14 янв.

³ Сибирское слово (Томск). 1911. 13 мая.

нии... около трех миллионов семейных переселенцев (2 841 602 души), назад вернулось за то же время 300 тысяч (301 046). Это составляет 10,6 %. Почти 90 %, следовательно, остались в Сибири». Причем почти 2/3 «обратных» «относятся к числу так называемых самовольных переселенцев, поехавших в Сибирь с семьями “на авось”, не заручившись предварительно землей» за счет ходачества (с. 76). Согласно специальным подсчетам, проведенным Л.Ф. Складовым, за 1896–1909 гг. переселилось 4 751 045 чел., в том числе 1 103 279 самовольно (21,3 % от общей совокупности) [7, с. 166–167]. Как видим, миграционный поток был на самом деле гораздо внушительнее, поэтому, учитывая степень воздействия и последствия, его можно квалифицировать как переселенческую революцию [8, с. 164].

В анализируемом документе приводятся многочисленные факты, которые должны свидетельствовать, что «в большинстве случаев переселенцам стоило перебираться в Сибирь: они находят там то, чего не имели на родине» (с. 74). Среди таковых называются: более высокая обеспеченность новоселов скотом, посевами площадями, преобладание в посевном клине пшеницы, поэтому «доходность одной десятины переселенческой пашни в Сибири достигает 50 рублей, тогда как та же доходность крестьянской наделной площади в Европейской России исчисляется в 30 рублей 55 копеек» (с. 74). Эти данные подтверждаются современными исследователями, правда, с оговоркой, что экономическое положение переселенческих дворов хозяйств зависело и от времени их существования на новом месте (чем больше, тем лучше) [1, с. 280]. На примере Алтая А.А. Храмов констатировал, что новоселы «свидетельствуют своим примером если не об успехах дореволюционной переселенческой политики, то хотя бы о несомненной пользе переселений в Сибирь для крестьян. Они имели здесь больше земли, чем в Европейской России. Преодолевая огромные трудности, они успели много сделать в освоении своей местности. Однако сибирская деревня была далека от “процветания”, о котором сейчас можно прочесть. В ней имелось немало “горючего” материала, социальной напряженности и недовольства значительной части населения своим положением. Во всех изученных нами селах ядром населения являлась бедняцкая группа хозяйств» [9, с. 80].

Касаясь значения переселения за Урал, П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин четко определили главную стратегическую установку государства – преодоление колониального статуса Азиатской России, «обширной и ценной, но единственной при этом колонии Русского Государства и сохраняющей в известной степени этот характер и в настоящую минуту» (с. 55). Они подчеркивали значение этого процесса «в смысле охраны границ, подъема жизнедеятельности окраин, вовлечения в общий хозяйственный оборот страны, смягчения аграрных затруднений в Европейской России». Вместе с тем позиционировалась и цивилизационная составляющая организованной миграции: «...Но люди, живые люди, делающие в массе своей переселенческое дело, идут в Сибирь, ломая старую жизнь и строя новую, каждый в отдельности не для того, конечно,

чтобы облегчить аграрные затруднения или послужить оплотом русской государственности на окраинах; их цель – выгоднее, лучше устроиться в Сибири, чем жилось им на родине. Помочь им в достижении этой непосредственной их цели, может быть, и есть лучший способ обеспечить достижение всех государственных интересов, связанных с переселением» (с. 17).

Министры касаются и актуальных проблем организации переселенческого движения. Они предлагают отменить систему организованного ходачества, изменить условия водворения переселенцев с учетом трудоемкости адаптации в различных районах, в частности, с точки зрения размеров выделяемых ссуд и порядка их погашения. Для организации агрономической помощи необходимо открывать агрономические училища, соответствующий факультет или отделения при томских вузах – университете или Технологическом институте, а также ветеринарный институт в Омске. Касаясь перспектив развития товарного сельскохозяйственного производства в Азиатской России, П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин выступают за постепенную отмену Челябинского тарифного перелома при условии развития в Сибири молочного животноводства (маслоделия), коневодства, тонкорунного овцеводства. Необходимо открыть путь для сибирского хлеба в Среднюю Азию, получая в обмен хлопок. Для этого предлагалось построить южно-сибирскую железнодорожную магистраль (Уральск–Семипалатинск–Ачинск или Новониколаевск).

Кардинальное решение аграрного вопроса в регионе высокопоставленные чиновники видели «в скорейшем предоставлении сибирским старожилам, переселенцам и оседлым, окончательно устроенным инородцам прав собственности на отведенные и отводимые им обширные наделы» (с. 30), указывая, что «необходимо и в Сибири столь же твердо, как в Европейской России, стать на путь создания и укрепления частной собственности» (с. 58–59). Помимо крестьянского землевладения следует развивать и поощрять «культурные земледельческие хозяйства», предусмотренные законом от 8 июня 1901 г., а также хутора и отруба.

Ведущая роль в этом процессе должна принадлежать местной общине, которая «резко отличается и от земельной общины великорусского крестьянина Европейской России. Сибирская община под влиянием здешнего земельного простора и отсутствия главного зла общинного владения – полной переверстки тяглов, под давлением фискальных требований, не дожила еще и в настоящее время до губительного “равнения” земли и периодических переделов» (с. 55). «...Все сложные земельно-правовые отношения в сибирской общине, основанные больше всего на праве захвата трудом (заимки) известного количества земли, распутываются и разрешаются без особых осложнений по установившимся на местах или принесенных с родины вековым правовым понятиями и обычаями». «И нельзя даже представить себе всех трудностей и последствий развития судебного канцелярского производства», если бы власть попыталась заменить нормами писаного права «весь труд крестьянских обществ и судов по созданию, укреплению и защите этих сложнейших, в области

юриспруденции, земельных прав и интересов» (с. 56). Таким образом, предполагалось сохранить общину в сибирской деревне – в силу ее гибкости, инновационной ориентированности и умения разрешать земельные споры. Как видим, П.А. Столыпин не был решительным противником общины, как принято считать, а рассматривал ее существование, исходя из экономической целесообразности и местных условий.

Для успешного осуществления предложенного курса министры предлагали «отводить наделы старожилам и переселенцам в Сибири не в пользование, как теперь, а в собственность» и покровительствовать здесь «мелкой единоличной собственности на землю» (с. 127). Необходимо прекратить «отводить лучшие [и] худшие земли одинаково даром» и продавать землю переселенцам в районах с лучшими природно-климатическими и почвенными условиями (Алтай, Семиречье) (с. 129). Окончательно в записке на высочайшее имя они сформулировали главное: «Принять все требуемые в порядке законодательства меры к возможности распространения на все население Азиатской России узаконений последнего времени, направленных к устранению вредных сторон общинно-земельных порядков, а для этого распространить действие закона от 14 июня 1910 г.» [10, с. 319–320].

Опираясь на свои впечатления, подкрепленные статистическими выборками и геополитическими соображениями, П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин рисуют образ будущей Сибири. Ей «еще на много лет предстоит быть страной, добывающей и поставляющей на мировой рынок сырье. Как ни желательно широкое развитие в Сибири обрабатывающей промышленности, но, по-видимому, там еще нет налицо тех главных условий, без которых обрабатывающая промышленность не может получить широкого значения: нет крупных и предприимчивых капиталов, подготовленного рабочего класса, достаточных рынков сбыта» (с. 114). Поэтому необходимо развивать «сельское хозяйство и добывающую промышленность, обеспечив широкий приток туда населения, и не только сельскохозяйственного, но и вообще рабочего» (с. 115).

Для решения этих задач в развитие региона должны быть внесены новые экономические начала и прежде всего: «1) право собственности на землю, 2) проведение новых железных дорог и 3) разнообразие сельскохозяйственного промысла» (с. 117). Большое значение в реализации своих предложений министры отводили урбанизации, образованию городов из Камня-на-Оби, Татарки, Тайги, Боготола и «многих других поселений при станциях и пристанях» (с. 120). «В лучших сибирских районах – своевременно перейти к продаже земель переселенцам» (с. 127). Для новоселов необходимо строить церкви, школы, больницы, дороги, склады сельскохозяйственных машин и т.д.

Непосредственная реакция в Сибири на предложения П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина была негативной. Либералы обвинили правительство в нежелании осуществлять индустриализацию региона и намерении сохранить его в качестве сельскохозяйственной колонии⁴.

Общественность протестовала против массовых переселений на земли казахов-кочевников, заявляла об отсутствии в Сибири свободных земель и предвещала крах всем попыткам заселения Нарымского края и таежного Мариинского уезда⁵. Наиболее последовательно местные либералы выступили против насаждаемого сверху института частной крестьянской собственности на землю, вступая тем самым в противоречие с основополагающим принципом либерализма. «Отвод земли крестьянам в постоянное землепользование, – утверждала «Сибирская жизнь», – с сохранением, однако, права собственности за государством, обеспечивает вполне интересы крестьян и прогресс земледельческой культуры, но в то же время сохраняет за государством право верховного распоряжения землей в интересах общества и будущих поколений»⁶.

В ответ на «Записку» депутат III Государственной думы от Томской губернии, член ЦК кадетской партии, профессор Н.В. Некрасов подготовил объемную статью, в которой потребовал уничтожения в регионе «случайно сохранившихся архаических пережитков прежнего режима (до 1905 г. – *М.Ш.*)», прежде всего кабинетского землевладения. В принципе он соглашался с необходимостью распространения на Сибирь частной собственности на землю, но сразу же указал на то, что ускоренное разрушение общины, возможность скупки земли российскими помещиками могут привести к печальным результатам. Депутат замечал: «Еще большее опасение вызывает намерение правительства одним росчерком пера произвести грандиозный переворот в экономической жизни Сибири внезапным переходом к частной земельной собственности. В этом вопросе необходимо отделить принципиальную сторону – желательность изменения титула владения и самый способ осуществления такой перемены. Несомненно, что замена права пользования правом собственности чрезвычайно желательна в целях ограждения старожильского населения», – но земля может превратиться в объект купли-продажи, а «следствием этого легко может явиться значительная мобилизация земельной собственности в Сибири по исключительно низким ценам и сосредоточение больших количеств земли в руках отдельных кулацких элементов сибирской деревни» [11, с. 32, 33]. Поэтому отстаивалась необходимость сохранения общинного землевладения в Сибири.

Ни одно из предложений высокопоставленных чиновников, сформулированных в 1910 г., не было реализовано. Отсутствие подвижек в этой области обычно объясняется начавшейся Первой мировой войной. Мне представляется, что введение частной крестьянской земельной собственности в Сибири, в том числе применительно к наделам новоселов, встретило бы мощное противодействие крестьян, особенно на землях КИВ. За 1907–1914 гг. в Алтайский округ переселилось 734 тыс. чел., или каждый второй отправившийся в Сибирь. Но земля в округе являлась ассоциативно-частной собственностью Романовых. Поэтому за полученные

⁴ Карский И. Министры о нуждах Сибири // Сибирская жизнь. 1910. 25 нояб.

⁵ Карский И. Накануне банкротства // Сибирское слово. 1910. 14 нояб.; П.Е. Из жизни киргизов // Там же. 3 дек.

⁶ Сибирская жизнь. 1910. 18 нояб.

в пользование наделы крестьяне должны были заплатить собственнику 330 млн руб., не считая процентов. К ним необходимо добавить еще примерно 726 тыс. руб. в год (1915), которые Кабинет зарабатывал за счет сдачи в аренду земли, как правило, отрезанной у крестьян в ходе землеустройства [12, с. 862, 875; 13, с. 270]. Едва ли Романовы безвозмездно отказались бы от всего этого, а алтайские крестьяне согласились бы выкупать свою землю, тем более переселенцы, которые уже прошли через эту грабительскую процедуру в Европейской России в ходе реализации реформы 19 февраля 1861 г.!

Аграрная реформа не была поддержана снизу в Сибири, в том числе из-за стремления крестьян сохранить общину. К тому же правительство своими действиями объективно способствовало этому, поскольку в ходе землеустройства отграничивались наделы сельским обществам. В борьбе с правительственным «землерасстройством» местное крестьянство активно использовало общину и в известной степени реанимировало этот институт традиционного общества. Поэтому В.И. Пронин констатировал: «Итоговые результаты столыпинской аграрной реформы в Сибири, связанные с разверстыванием наделного землевладения на хутора и отруба, свидетельствуют о полном провале замыслов реформаторов. Не только старожилы, но и прибывающие в Сибирь переселенцы из губерний как с общинной наделной, так и подворной формой землевладения предпочитали на новом месте селиться общинами. Причина во многом кроется в том, что сложившиеся в Сибири земельные порядки в связи со свободным пользованием землей не диктовали необходимости во внутринадельном размежевании земли. Здесь лучшая пахотная земля была давно поделена между домохозяевами, она свободно передавалась от отца к сыну» [14, с. 186]. Верно, на мой взгляд, заметил по этому поводу П.Ф. Никулин: «В начале XX в. рынок не смог разрушить социально-трудовые устои крестьянского хозяйства ... Оно сохраняло свою целостность и устойчивость, поскольку сохранялась его главная опора – семейная рабочая сила и крестьянская трудовая (духовная) культура» [15, с. 244].

Крестьянство Сибири начала XX в. связывало свои надежды на достаток и благополучие с наличием в избытке пригодной для обработки земли. Крестьянская община продолжала оставаться главной опорой общественных отношений в деревне в качестве своеобразного союза (кооперации) «непосредственных производителей и хозяйственных пользователей земли» [16, с. 114]. Коллективные формы общинной жизни нашли свое воплощение в кооперативных объединениях, бурное развитие которых пришлось как раз на рассматриваемый период. Только на Алтае в 1905–1915 гг. было организовано 775 кредитных и 803 потребительских кооператива, главными инициаторами создания которых (76,3 %) выступали сами крестьяне [17, с. 67].

Таким образом, столыпинская аграрная реформа в Сибири свелась к форсированию крестьянских переселений из Европейской России и одновременному проведению землеустройства. Несмотря на предложения П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина, посетивших Западную Сибирь в 1910 г., развитие аграрной сферы региона происходило на основе сохранения государственной и кабинетской собственности на землю и укрепления общины. Быстрый рост численности сельского населения, преобразования в области землепользования старожилов, переселенцев и аборигенов сопровождались не только увеличением масштабов сельскохозяйственного производства, развитием рыночных отношений, но и накоплением разного рода противоречий, вырвавшихся наружу в период социального катаклизма 1917–1920 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
2. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Аграрный вопрос в России: сибирское измерение // Труды Ин-та крестьяноведения Южного Урала им В.П. Данилова. Оренбург, 2007. Вып. 2.
3. Разгон В.Н., Храмов А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул, 2010.
4. Поездка в Сибирь и Поволжье: записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911.
5. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
6. Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма. Новосибирск, 1991.
7. Складов Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.
8. Шиловский М.В. Переселенческая революция начала XX в. (на примере Сибири) // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: Материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2009.
9. Храмов А.А. Села Ирбино, Веселовское и Белое Новосибирской области в начале XX в. (по материалам Сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Моя Сибирь. Вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 2002.
10. Записка на Высочайшее имя П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина по поводу переселения в Сибирь // Вопросы колонизации. 1911. № 8.
11. Некрасов Н.В. Экономические проблемы сибирской жизни // Русская мысль. 1911. № 4.
12. Государственная Дума. Третий созыв. 1910–1911. СПб., 1911. Сессия IV. Ч. 2.
13. История Алтая. Барнаул, 1995. Ч. 1.
14. Пронин В.И. Землевладение и землепользование сибирских крестьян в начале XX в. в контексте аграрной политики царизма в регионе // Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001.
15. Никулин П.Ф. Взаимодействие социальных и хозяйственных культур в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 2.
16. Чирков А.А. Община и власть на Алтае (1906 – июнь 1918 гг.). Бийск, 2004.
17. Иванцова Н.Ф. Западно-сибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М., 1992.

Статья поступила
в редакцию 19.01.2012 г.

УДК 94(47).083

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

РЕФОРМЫ СТОЛЫПИНА И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОСНОВ КООПЕРАТИВНЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: galinakoop@yandex.ru

В статье исследуются организационные основы потребительской кооперации Сибири в дореволюционный период. В центре внимания – опыт деятельности городских сословных и рабочих потребительных обществ. Раскрываются социальные, профессиональные и функциональные аспекты их организации и управления. Делается вывод о том, что несмотря на определенные деформации, сибирской кооперации были присущи принципы добровольности, самоорганизации, самоуправления, позволявшие эффективно развиваться и функционировать.

Ключевые слова: Сибирь, столыпинские реформы, гражданское общество, потребительская кооперация, потребительное общество.

Предложенная П.А. Столыпиным программа системных реформ представляла собой национальный вариант модернизации России в условиях перехода от аграрного общества к индустриальному, от сословного к гражданскому, от неограниченного самодержавия к правовому государству. Идеология реформ базировалась на двух системообразующих и взаимосвязанных элементах: роли государственных институтов и необходимости раскрепощения человека в России, формирования нового типа личности – активной, творческой, созидательной, ответственной, с использованием ее энергии и самодеятельности во всех сферах жизни. В слабо структурированном российском обществе, которое еще находилось в начальной стадии трансформации в гражданское общество, столыпинские законопроекты имели огромное значение для вовлечения в единый модернизационный процесс большого числа активных и инициативных граждан. Персонификация ответственности для российской коллективистской ментальности являлась прорывом формационного значения, и кооперация представляла собой принципиально новое образование, основанное на самодеятельности, равноправии, личной заинтересованности [1, с. 21]. Иницилируя новые задачи и улавливая импульсы, исходящие из общества, государство выступило проводником кооперативных идей, развивая в первую очередь кредитную кооперацию. «Индивидуальные хозяйства начали обрести “кооперативное кольцо” из кредитных, потребительских, сбытовых, закупочных, переработочных и других кооперативов» [2, с. 161].

Изучение реального процесса деятельности кооперации с необходимостью предполагает формирование четкого представления об организационных и хозяйственных основах многообразных видов, типов и форм кооперативов. Опыт деятельности городских

сословных и рабочих кооперативов в Сибири в конце XIX – начале XX в. позволяет конкретизировать процесс формирования особого феномена – потребительской кооперации. Механизм функционирования кооперации включает в себя две системы – систему управления и систему материальной связи с участниками кооперативного движения, действующие в неразрывной связи как единое целое. И только в познавательных целях они могут быть рассмотрены отдельно [3, с. 257]. Задачей данной статьи является изучение организационных основ и процесса управления деятельностью городских и рабочих кооперативов Сибири в дореволюционный период.

В качестве методологического основания приняты сформулированные известным теоретиком кооперативного движения И.В. Емельяновым положения о том, что единственным исчерпывающим и неоспоримым критерием кооперативного характера организаций является их совокупная (кооперативная) структура. Кооперативные организации представляют собой сообщества экономических единиц, сохраняющих в процессе координации и интеграции свою самостоятельность и экономическую индивидуальность. В кооперативе множество независимых экономических участников координируют свою работу, но при этом каждый упорно и бескомпромиссно преследует свои частные экономические интересы.

Создание кооперативных обществ происходит только под давлением крайней необходимости, сложности согласования интересов усугубляются в ситуации с массами городских потребителей, нарастание происходит в прогрессии с количеством потенциальных членов. Хозяйственная стабильность объединений экономических единиц изначально очень низка. Центробежные силы действуют разрушительно,

общеизвестным фактом является отсутствие кооперативного духа. Каждое кооперативное сообщество экономических единиц с самого начала насыщено центробежными разрушительными силами и поддерживается только благодаря давлению внешней необходимости. Социально-экономическая однородность является одним из наиболее важных условий успеха в кооперативной работе, позволяющих избегать взаимных подозрений. В отличие от капиталистического предприятия, которое по своей природе является тоталитарным экономическим образованием и подчинение всех составных частей которого предпринимателю оказывается его самой характерной и онтологической чертой, кооператив представляет собой демократическую организацию, совершенно несовместимую с диктатурой [4, с. 257–260].

При исследовании кооперативной системы управления основополагающим является вопрос о порядке образования кооперативов. Принцип самостоятельности потребовал установления явного порядка их открытия и закрытия по суду, однако в Российской империи с самого начала утвердился разрешительный порядок. В 1897 г. право открывать и закрывать потребительские кооперативы перешло от Министерства внутренних дел к губернаторам. Учредители подавали заверенное нотариусом заявление с просьбой об открытии потребительского общества и 7 экз. отпечатанного проекта устава в губернскую канцелярию. Губернское жандармское управление собирало сведения об их политической благонадежности. В 1915 г. рабочие со станции Тайга Томской железной дороги писали: «Дружная работа по организации потребительского общества начала вызывать сомнения. На днях, впрочем, урядник стал собирать справки о благонадежности. Значит, дело с уставом начало двигаться»¹. В случае утверждения устава потребительское общество заносилось в реестр торгово-промышленных заведений губернской казенной палаты и получало все права юридического лица. Сумма оборотного капитала и день начала торговли являлись отправными параметрами налогообложения. По истечении операционного года в казенную палату предоставлялся отчет о торговой деятельности по установленному образцу.

Принцип общедоступности ограничивался уставами сибирских кооперативов, которые составлялись на основании устава потребительных обществ, утвержденного МВД 13 мая 1897 г. В их состав не могли вступать учащиеся (их кооперативы регистрировались соответствующими ведомствами), военнослужащие (для них предусматривались лишь корпоративные потребительные общества), служащие правительственных учреждений, казенных или частных железных дорог и телеграфных предприятий (уставы которых утверждались МВД)². Политссыльные исключались властью губернаторов из состава кооперативов на основании 22-й статьи положения о полицейском надзоре, в соответствии с которой «лица поднадзорные не могли быть учредителями, представителями и членами в

частных обществах и компаниях»³. До февраля 1917 г. единственным выходом для них была работа в кооперативе по найму. «Нет ни одного ссыльного, – писали жандармские чины в Департамент полиции из Минусинска, – который бы не принимал того или иного участия в кооперативном строительстве, дающем им заработок от 50 до 150 руб. в месяц»⁴.

Реализация кооперативного принципа самоуправления осуществлялась на основе статей устава об общем собрании как высшем органе кооператива. Дата и повестка общих собраний утверждались в администрации, с надзорными целями присутствовал представитель полиции. Так, в 1916 г. в читинском «Экономе» и красноярской «Самодетельности» администрация неоднократно запрещала обсуждение остро стоящего продовольственного вопроса, тесно переплетавшегося с проблемой демократических реформ в стране⁵. Для проведения собраний арендовались помещения городских управ, железнодорожных и общественных собраний. Постепенно сформировалась идея создания народных домов как центров кооперативной и культурной жизни, в пользу которых перечислялись фиксированные проценты от прибыли, доходы от торговли с посторонними, любительских спектаклей и т.п.⁶

Протоколы, отчеты о общих собраниях свидетельствуют о заинтересованном, нередко бурном характере их проведения, несмотря на низкий процент посещаемости: в Барнауле на собрание явилось 89 чел. вместо необходимых для кворума 520, в Енисейске из 700 чел. – 50, в Омске из 525 чел. – 23, в Новониколаевске из 1300 чел. – 40, в Чите на годовом общем собрании присутствовало 60 чел. – 1/20 всех членов, в иркутском кооперативе «Труженик» – 20 чел. из 4 тыс.⁷ За неимением кворума, который определялся уставом в количестве 2/5 всех членов общества, собрание теряло законную силу и превращалось в частное совещание согласно § 31 устава. Чтобы решение важнейших вопросов не затягивать на месяцы, сознательно шли на нарушение устава и объявляли повторное собрание законным при любом количестве присутствующих. Новониколаевская «Экономия», например, в сентябре 1916 г. изменила пункт устава об общем собрании, которое стало считаться законным при наличии не 2/5, а 1/5 членов или открывалось через час после назначенного времени при любом составе⁸.

Успех кооперативной работы, как и в частном секторе, зависел от профессионализма управления в сочетании с активным материальным участием членов кооператива в образовании его капиталов. Правление, избираемое общим собранием на три года в составе

³ Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 152. Оп. 23. Д. 8. Л. 8.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДПО. Оп. 1916. Д. 20 ч. 25 «Б». Л. 43; Изв. О-ва потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги. 1917. № 3. С. 20.

⁵ Голос Сибири. 1916. 8 сент., 30 дек.

⁶ Сибирская жизнь. 1916. 24 сент.; Объединение. 1915. № 7. С. 13.

⁷ Омский вестник. 1915. 11 авг.; Жизнь Алтая. 1916. 9 марта; Голос Сибири. 1916. 8 сент.; Сибирская жизнь. 1916. 6 июня.

⁸ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1а. Л. 35об.; Голос Сибири. 1916. 28 сент.

¹ Сибирская жизнь. 1915. 29 авг.

² Восточная заря. 1910. 2 марта.

5–9 чел., осуществляло оперативное управление, ревизионная комиссия следила за соблюдением устава и исполнением решений общего собрания. В принципе двоецентризм был заложен глубокий смысл, позволяющий создать заслон от бюрократизации, злоупотреблений, некомпетентности. В томском «Деятеле» за 8 месяцев 1916 г. состоялось 56 заседаний правления, т.е. 6–7 заседаний в месяц⁹. Усложнившиеся в период Первой мировой войны условия торговли способствовали профессионализации деятельности кооперативного актива, а рост оборотов и прибылей обществ делал возможным оплату его труда или наём на соответствующие должности профессиональных торговых служащих.

Представительство различных социальных групп в руководящих органах не было пропорционально их доле в общей массе пайщиков. Например, в состав правления томского «Деятеля» в 1913 г. были избраны: служащий из крестьян, провизор, учитель из мещан, счетовод, сановный чиновник, учитель, издатель журнала. В Минусинске правление городского кооператива состояло из шести местных торговцев [5, с. 21]. В правление новониколаевской «Экономии» в 1912 г. были избраны: счетовод, владелец типографии, управляющий конторой, домашний учитель¹⁰. Несмотря на наличие в составе этих обществ значительной прослойки железнодорожных рабочих, они не были представлены в органах управления. Если учесть низкий уровень посещаемости общих собраний, то можно считать справедливым вывод И.А. Фарутина о том, что «масса малообеспеченных членов кооперативов в силу недостатка подготовки и опыта, необходимых средств и времени, фактически была лишена возможности влиять на содержание и направление деятельности низовых кооперативных организаций, а уж тем более союзов» [6, с. 136].

Такая оценка дореволюционной кооперации, характерная для советского периода отечественной историографии и отчасти продиктованная идеологическим заказом, тем не менее верно отражала положение дел в потребительных обществах. На проблему внутренней разобщенности в кооперативах указывал И.И. Скворцов-Степанов: «Каким это способом кооперация подготовит массу потребителей к тому, чтобы она взяла управление производством и распределением в свои руки? На самом деле самое существо коммерческих операций, требующих специфической подготовки, навыков, связей и т.п. прямо исключает участие в них рядовых членов кооперативов» [7, с. 52]. Отличались от всеобщих городских обществ рабочие кооперативы, состав правления которых состоял почти всецело из рабочих. «Руководители общества – исключительно рабочие, – писала газета о тайгинском «Труде». – Они отдают свой недолгий досуг кооперативному делу. Дни – за работой в мастерской, вечера – в потреббюро за ворохом деловых бумаг и обсуждений»¹¹.

Конфликты между правлением и пайщиками в кооперативах с неоднородным составом были многочисленны и повсеместны. В барнаульском «Сотруднике», где столкнулись интересы «правлящих классов» (правления) и «представителей демократии» (оппозиционно настроенных пайщиков), внутренние противоречия вылились в ряд запальчивых статей в местной прессе с общим рефреном «Спасайте общество от правления!». Рядовые пайщики упрекали правление, что кооперативом руководит не народ. «Однако, – писал один из них, – злые нападки на правление делу не помогут. Может быть, надо заменить правление, но приходят на собрание несколько десятков из четырех тысяч, разве не будет здесь узкой групповой борьбы за власть»¹². Ряд кризисов пережила новониколаевская «Экономия», после которых в конце 1916 г. «на общее собрание явились новые лица, были не только присяжные ораторы, но и выступающие из народа, а также большое количество женщин»¹³. Конфликт между рядовыми железнодорожниками и правлением, куда входили представители администрации и конторщики, «заинтересованные лишь в дешевке и дивидендах», отмечался в 1916 г. в иланской «Трудовой копеечке»¹⁴. Правление томского «Деятеля» неоднократно подвергалось серьезной критике за то, что, действуя изолированно от общества, прибегало к сомнительной помощи знакомых лиц, в результате чего цены в его лавках подвергались недопустимым колебаниям. В качестве руководителей томского «Деятеля» состояли известные в Сибири кооператоры Д.И. Голенищев-Кутузов, П.Н. Стечкин, этнограф В.И. Анучин, участвовавшие в бурных дискуссиях по вопросам кооперативной демократии. В противовес правлению, которое считало, что участие членов общества в заседаниях правления создает путаницу и мешает работе, оппозиционная группа во главе с Д.И. Голенищевым-Кутузовым отстояла резолюцию о том, что в духе § 48 устава члены ревизионной комиссии имеют право посещать с совещательным голосом все заседания правления, а члены общества и служащие – его открытые заседания¹⁵. Вопрос об открытии дверей обсуждался в 1916 г. в барнаульском «Сотруднике», где было решено «в интересах развития самостоятельности общества и самой кооперации допускать на заседания правления как членов, так и служащих «Сотрудника»¹⁶.

Гарантами прибыльной финансовой деятельности потребительского кооператива являлись также честность и профессионализм служащих, которые работали по найму и не являлись членами кооператива. Ответственные служащие (т.е. нанятые по договору с артелью) обходились кооперативу в 2–3 раза дороже, но в условиях постоянных денежных и товарных недостатков гарантировали от убытков. Так, в Судженском обществе потребителей в 1916 г. крупная недостача

¹² Жизнь Алтая. 1916. 2 нояб.

¹³ Голос Сибири. 1916. 29 нояб.

¹⁴ Объединение. 1916. № 8. С. 19–20.

¹⁵ Томское общество потребителей «Деятель». Отчет за 1915 г. Операционный год 3-ий. Томск, 1916. Протокол общего собрания от 13 сентября 1915 г. С. 26.

¹⁶ Степной край. 1916. 16 янв.; Жизнь Алтая. 1916. 5 июля.

⁹ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 67. Д. 452. Л. 62.

¹⁰ Обская жизнь. 1912. 5 мая.

¹¹ Голос Сибири. 1916. 3 дек.

была покрыта Пермь-Уральской биржевой артелью [8, с. 118]¹⁷.

Характерным недостатком начального периода деятельности потребительных обществ являлось отсутствие квалифицированных кадров, в результате чего возникали убытки от воровства и плохого счетоводства. В черемховском кооперативе один за другим три приказчика оказались недобросовестными растратчиками, что едва не привело общество к банкротству¹⁸. «Счетоводство было настолько плохо поставлено, — говорилось в отчете томского «Деятеля», — что внушало подозрение ко всякой написанной в книге цифре. Пришлось искать опытного бухгалтера. И тут правление убедилось, насколько скверно экономить в средствах при постановке бухгалтерии»¹⁹. Пришлось также искать опытного товароведа, в то время как первоначально обе эти должности выполняли выборные члены правления на общественных началах.

Политика по отношению к служащим характеризовалась внедрением принципов охраны труда и прав в духе решений Всероссийских кооперативных съездов, что выражалось в практике создания арбитражных комиссий и заключения коллективных договоров. В 1912–1917 гг. повсеместно происходило сокращение рабочего дня с 14 до 10 ч, повышалась заработная плата. «В Томском «Деятеле» оклады удвоились по сравнению с 1914 г. и стали такими, что служащие из частных фирм находили возможным переходить на службу в потребительное общество», — отмечало правление²⁰. В Новониколаевске в 1916 г. для служащих была введена прогрессивная процентная надбавка. В Барнауле выдавали жалованье семьям призванных на войну служащих в зависимости от количества оставшихся членов семьи [9, с. 15]²¹. За 1915–1916 гг. заработная плата служащих красноярской «Самодельности» повысилась на 50–100 %.

Стремление потребительных обществ проводить в жизнь демократические принципы отразилось и в ряде других моментов их деятельности: создании кредитных фондов для помощи бедным [10, с. 15]²², порайонных комитетов для наблюдения за работой магазинов²³, организации Женской кооперативной лиги²⁴.

В 1915 г. в журнале «Союз потребителей» были опубликованы результаты анкетирования, предприятия в томском «Деятеле». Основной вопрос анкеты выяснял мнение членов общества о препятствиях успешному развитию потребительской кооперации в губернии, которые сводились к следующему: инертность потребителей, особенно во всесословных го-

родских обществах; малое знакомство с принципами кооперации; желание только материальных выгод; осторожность правления в расширении торгового дела; отсутствие торговых навыков у руководителей; плохое счетоводство; отсутствие общей руководящей организации при закупке товаров; отсутствие кредита [11, с. 540–541]. Результаты анкетирования, а также зафиксированные в материалах периодической печати факты «барышничества, некооперативного, мелкоторгашеского поведения»²⁵ кооперативного актива обнаруживали недостатки, характерные для кооперативного движения того времени: скудость средств, непрофессионализм кадров, отсутствие опыта коммерческой деятельности, абсентеизм пайщиков. Газета «Голос Сибири» писала: «Теперь, когда российская кооперация стала массовой, мы убеждаемся, что ей также не избежать пороков “гнилого запада”. Все чаще слышим мы о кооперативной спекуляции, о карьеризме и властолюбии вождей, сопровождаемых недоверием и подозрительностью членов. Практика массового кооперативного движения оказывается далекой от кооперативных идеалов»²⁶.

Вместе с тем основные принципы внутрикооперативной демократии — добровольность членства, развитие самоуправления, борьба с эксплуатацией служащих — являлись вполне реальными атрибутами кооперативной жизни. Дореволюционный период деятельности свободной, добровольной и самостоятельной потребительской кооперации, действовавшей на частноправовой основе, представляется уникальным и, как показали дальнейшие события, исторически ограниченным [12, с. 69]. Опыт кооперативного предпринимательства простых рядовых граждан в совершенно новой для них области требовал перехода на более высокий уровень личностного развития, самосознания, индивидуальной ответственности, гражданской и деловой активности. Проявив гибкость, оперативность и завидную приспособляемость к недостаточно развитой экономической инфраструктуре и административно-бюрократическому воздействию властей, они в короткий срок создали эффективный механизм функционирования кооперации, способствовавший выживаемости относительно малообеспеченной, но достаточно многочисленной части населения в условиях рыночной экономики, осложненной тяготами Первой мировой войны. Обстановка военного времени, которая увеличивала в кооперации поток «кооператоров поневоле» в качестве пайщиков, а в качестве служащих — различных дельцов от торгового мира, затрудняла преодоление неизбежных трудностей роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаев А.А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007.
2. Билимович А.Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М., 2005.
3. Файн Л.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново, 2002.

¹⁷ ГАТ. Ф. 154. Оп. 18. Д. 204. Л. 9.

¹⁸ Отчет Черемховского общества потребителей села Черемхова Иркутской губернии, Балаганского уезда, с декабря 1912 г. по 1 января 1914 г. Иркутск, 1914. С. 16.

¹⁹ ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 17/7. Д. 99. Л. 7.

²⁰ Томское общество потребителей «Деятель»... С. 21.

²¹ Сибирская жизнь. 1915. 9 дек.; Жизнь Алтая. 1916. 18 мая; Голос Сибири. 1916. 21 окт.

²² Голос Сибири. 1916. 9 нояб.

²³ ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 29; Голос Сибири. 1916. 7 дек.

²⁴ Голос Сибири. 1916. 13 дек.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. 16 нояб.

4. Емельянов И.В. Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций. Тюмень, 2005. (Вашингтон, 1948).

5. Самодеятельность. 1915. № 4–5.

6. Фарутин И.А. Характер и особенности кооперативного движения в дореволюционной России // Учен. зап. Калнингр. ун-та. Обществ. науки. Калининград, 1970. Вып. 4.

7. Скворцов-Степанов И.И. Потребительные общества и рабочий класс. М., 1917.

8. Ежегодник МСПО. М., 1916. Вып. 4: 1914 г.

9. Союз потребителей. 1916. № 3.

10. Сибирская деревня. 1916. № 9–10.

11. Союз потребителей. 1915. № 17–18. С. 540–541.

12. Николаев А.А. Перестройка органов кооперативного управления в Сибири в начале 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1.

Статья поступила
в редакцию 03.02.2012 г.

УДК 947(571)

Т.Г. НЕДЗЕЛЮК

ПОЗИЦИЯ П.А. СТОЛЫПИНА ПО «КАТОЛИЧЕСКОМУ ВОПРОСУ» В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX в.

канд. ист. наук
Сибирский институт Российской академии
народного хозяйства и государственной службы,
г. Новосибирск
e-mail: tatned@mail.ru

В статье характеризуется неоднозначное отношение главы русского правительства к формированию и деятельности католических общин в Российской империи в целом и Сибирском регионе в частности. В качестве источниковой основы использованы архивные материалы и мемуары русских католиков.

Ключевые слова: председатель Совета министров, религиозная политика, русская католическая община, инспекторская поездка.

В российской историографии существует широкий спектр оценочных суждений (от хвалебных до уничижительных) относительно деятельности П.А. Столыпина на государственной службе. В настоящей статье мы стремимся, отстранившись от стереотипов и подвергнув анализу малоизвестные факты, создать представление о мотивах, которые руководили этим государственным деятелем при выработке решений в сфере формирования теории и практики религиозного законодательства в отношении структур католической церкви в России. Репрезентативная основа исследования – документы, извлеченные из фондов Российского государственного исторического архива, а также материалы мемуарного характера. Российский дипломат, секретарь русской дипломатической миссии в Ватикане Николай Иванович Бок в своих воспоминаниях охарактеризовал ситуацию, сложившуюся в начале XX в. в отношениях между российским правительством и Ватиканом [1]. Монах студитского монастыря во Львове Василий Бурман в своем сочинении мемуарного жанра [2] неоднократно упоминает о роли Столыпина в формировании неоднозначных (от резко негативных до толерантных) отношений русских католиков с правительством. Ценность мемуарных источников в данном случае заключается не только в фактографии; сталкиваются различные мировоззренческие позиции по поводу роли Столыпина в истории русских католиков: государственного служащего (дипломата) Н. Бока

и апологета конкретной конфессии (греко-католического монаха) В. Бурмана.

Действия Столыпина на посту председателя Совета министров Российской империи в области религиозной политики станут более понятны, если вспомнить о том, что родился Петр Аркадьевич в 1862 г. в Дрездене, в немецкой земле Саксония, продолжительное время жил в Литве, в 1889 г. был избран предводителем дворянства Ковенского уезда (исполнял свою должность с большим тщанием, за что в 1893 г. получил орден Св. Анны), в 1902 г. стал губернатором в Гродно, и лишь в 1903 г. был назначен саратовским губернатором. С 26 апреля 1906 г. он исполнял обязанности министра внутренних дел империи, с 8 июля того же года – главы правительства.

Полутора месяцев от роду П.А. Столыпин был крещен в дрезденской православной церкви, но место появления на свет, а также поликонфессиональная среда, в которой он рос, сформировали в нем толерантное отношение к представителям иных вероисповеданий. Женитьба на Ольге Борисовне Нейдгардт, лютеранке, представительнице потомственного дворянского рода австрийского происхождения, стала не только подтверждением его доброжелательного отношения к «инославным», но и закрепила благорасположение к ним в дальнейшем.

По роду деятельности на посту главы российского правительства и министра внутренних дел П.А. Столы-

пину приходилось иметь дело с проблемами разного характера. Чтобы решение вопроса о крестьянской общине и массовых переселениях на восточные окраины было успешным, нужно было позаботиться о просвещении и нравственном воспитании переселенцев. В данной статье очерчивается контур многопланового, разностороннего подхода этого государственного деятеля к явлению, объективно существовавшему в пределах вверенной ему территории, – присутствию структур католической церкви.

В деятельности П.А. Столыпина по формированию религиозной политики Российской империи присутствовали две противоположные по своему характеру тенденции. Первая из них, имевшая объективное обоснование, определялась вектором имперской политики: статусом государственной церкви обладала Русская православная церковь, именно ей и надлежало покровительствовать идеологически и в финансовом плане. Кроме того, «Устав о службе гражданской» допускает наделение дворянским званием священнослужителей и диаконов православного и греко-униатского вероисповедания, протестантских пасторов¹. О католических священнослужителях «Устав о службе гражданской» в данном контексте умалчивает. Специфика государственной политики в отношении клира и мирян данной конфессии становится понятной после краткого ретроспективного экскурса в историю религиозной политики Российской империи.

Модель взаимоотношений Рима с католическими приходами, территориально расположенными в России, была определена еще в 1766 г. указом Екатерины II «О сочинении регламента» Петербургской римско-католической церкви, а затем воплощена в указе «Порядок управления Римско-католической церковью в Петербурге» от 12 (23) февраля 1769 г., широко известном как Регламент. В соответствии с положениями Регламента высшей инстанцией при рассмотрении всех дел, связанных с католической церковью в России, становился Сенат. Спустя четыре десятилетия, 25 июля 1810 г., в России было образовано Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, в компетенцию которого входило «заведование латинским духовенством»². После волнений в Царстве Польском в 1832 г. это Управление было присоединено к Министерству внутренних дел в виде особого Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДД ИИ МВД). Кроме того, вплоть до Февральской революции 1917 г. существовала традиция цензуры всех папских документов, присланных в Россию, а затем их утверждения российским правительством. Памятуя о Синодальном периоде в истории Русской православной церкви, магистральная линия на контроль и руководство католической церковью в Российской империи не кажется удивительной. Екатериной II руководило

стремление «иметь собственную не только РПЦ, но и русскую католическую церковь» [3].

О том, что П.А. Столыпин в качестве главы русского правительства и министра внутренних дел придерживался указанного официального курса в религиозной политике, свидетельствуют как материалы мемуарного характера [1; 2], так и исследования историков [4; 5]. Диакон Василий, монах студитского монастыря во Львове, в воспоминаниях об иерархах русского католического движения пишет: «В феврале 1908 г. митрополит Андрей Шептицкий³ был в Риме. Там его поставили в известность, что отношения Ватикана с русским правительством еще более обострились; проявляла себя реакционная политика Столыпина» [2, с. 26].

Вторая тенденция в отношении П.А. Столыпина к «католическому вопросу» в Российской империи проявлялась в неофициальном, но явном покровительстве ряду видных деятелей русского католического движения. Диакон В. Бурман в сочинении, фактически посвященном дискуссионным вопросам становления католичества византийского обряда в России, большое внимание уделяет месту и роли премьер-министра в этом процессе. Оформление движения «русского католичества»⁴ происходило под влиянием западно-ориентированной части русского дворянства. Из эпистолярного наследия общины русских католиков известно следующее: «В начале 1901 г. русская католичка Наталия Сергеевна Ушакова⁵ просила императрицу Марию Федоровну заступиться за о. Алексея (Зерчанинова⁶. – Т.Н.)» [2, с. 17]. Ушакова, пользуясь расположением со стороны брата, упорно добивалась у него признания этой общины. Однако Столыпин так же упорно не соглашался, отвечая: «Существуйте, как существуете, делайте, что делаете, я буду смотреть сквозь пальцы». Автор воспоминаний замечает:

³ Андрей Шептицкий – митрополит Галицийский и архиепископ Львовский (1900–1944), глава Украинской греко-католической церкви.

⁴ Подробно об этом явлении см.: Недзелько Т.Г. Русский католицизм: к вопросу о смысловом значении термина: (дискуссионные моменты в историографии) // International Journal of Russian Studies (IJORS). 2012. N 5/1. URL: <http://www.ijors.net>.

⁵ Наталия Сергеевна Ушакова – двоюродная сестра П.А. Столыпина. Одна из главных фигур движения русских католиков в начале XX в. Жила в Петербурге на ул. Миллионной, имела дачу в Белоострове, где организовала школу-приют для девочек.

⁶ Православный священник Алексей Зерчанинов в 1896 г. перешел в сущем сане в католическую церковь, оставаясь благочинным в с. Борисово Нижегородской губ.; 3 июля 1898 г. арестован, заключен в Суздальскую тюрьму при Спасо-Евфимиевском монастыре для «духовных преступников». По просьбе императрицы к обер-прокурору К.П. Победоносцеву о. Алексей был выпущен из тюрьмы на свободу, но под условием проживать безвыездно в Нижегородской губ., на хуторе. Н.С. Ушакова, являясь деятельным организатором русского католического движения в Санкт-Петербурге, в стремлении найти для общины священнослужителя не латинского, а русского обряда принимает деятельное участие в судьбе о. А. Зерчанинова. «В 1905 г. революционное движение и общее брожение в России, вызванное неудачной войной с Японией, позволило Н.С. Ушаковой выписать о. Алексея в Петербург. Сначала ему пришлось скрываться и проживать вне столицы, в пограничном с Финляндией местечке Белоострове, где у Наталии Сергеевны была дача» [2, с. 18].

¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Ч. 3: Свод учреждений государственных и губернских. Ст. 3. Этот порядок сохранял свою юридическую силу до начала XX в. и был отменен декретом СНК в ноябре 1917 г.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 3. Л. III–IV.

«Только благодаря вниманию и престижу Столыпина, министра внутренних дел и председателя Совета министров, русскую католическую общину, официально не признанную, все же как-то терпели» [2, с. 27].

После провозглашения указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» в правительство стали массово поступать предложения и ходатайства о регистрации инославных и иноверческих исповеданий. Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г., провозгласивший наряду с другими гражданскими свободами также свободу совести, дал повод задуматься о легитимном статусе и петербургской русской католической общины. Настоятель о. Алексей Зерчанинов не торопился с ходатайством. Весной 1908 г., «видя полную беспомощность о. Алексея, Н.С. Ушакова, со свойственной ей уверенностью и смелостью, решила использовать свое влияние и родственные связи и сама начала хлопоты об открытии общины. Ей удалось добиться более или менее благосклонного отношения Столыпина. Он сказал ей, что община может быть утверждена, если на прошении подпишутся пятьдесят русских католиков». Текст прошения был составлен Наталией Сергеевной, необходимые подписи собраны. В пасхальной поздравительной телеграмме на имя государя императора стоит подпись Ушаковой как «попечительницы общины» [2, с. 43].

Еще один случай соприкосновения П.А. Столыпина с «католическим вопросом» в империи зафиксирован в документах Российского государственного исторического архива. 1 мая 1910 г. в своем докладе правительству начальник Переселенческого управления А.В. Кривошеин отметил, что «среди сотен тысяч переселенцев, водворенных в областях Сибири и Степного края за последние четыре года, имеется множество выходцев из Могилевской, Минской, Витебской, Виленской и Гродненской губерний – русских крестьян католического исповедания»⁷. Кривошеин обратил внимание правительства на то обстоятельство, что «эта категория населения занимает участки, иногда отдаленные от заселенной полосы вообще и, в частности, от городов, в которых имеются католические церкви. Будучи лишены возможности пользоваться для удовлетворения своих религиозных потребностей общением с родной им церковью, целые соседские общества в ряде приговоров и прошений ходатайствовали об оказании им помощи в этом деле»⁸. Председатель Совета министров П.А. Столыпин, признавая желательность и целесообразность удовлетворения действительных религиозных нужд инославных переселенцев Сибири, заметил, что он «признавал бы желательным, дабы в тех местностях, где это окажется выполнимым по состоянию казенных дач, римско-католическим церквям и причтам Сибири, по предварительным сношениям с МВД, отводились земельные участки и отпускался лесной материал на церковностроительные надобности... с тем неперменным условием, чтобы удовлетворение указанных нужд костелов не производилось в ущерб

земельным и строительным интересам православных церквей»⁹.

В итоговой резолюции «О духовном призрении переселенцев-католиков в Сибири» сказано следующее: «Необходимость правительственных мероприятий по содействию духовно-нравственному просвещению сибирских переселенцев обратила на себя высочайшее внимание государя императора, а Государственным советом и Государственной думой выражена готовность идти навстречу правительству в этом деле, так как в смету 1909 и 1910 гг. внесены кредиты на постройку церквей, молитвенных домов, школ при них и домов для причта»¹⁰. Позиция Столыпина по данному вопросу может показаться достаточно странной, так как в бытность свою гродненским губернатором он действовал однозначно и прямолинейно: уже на второй день после своего вступления в должность он закрыл Польский клуб, где были сильны повстанческие настроения [6, с. 19]. В общественном мнении и государственной политике, в соответствии со стереотипами того времени, католическая религия и принадлежность к польской национальности оказывались сцепленными компонентами.

Представитель подведомственного П.А. Столыпину ДДД ИИ МВД отметил «целесообразность польско-католической колонизации Сибири, так как колонизация эта, отвлекая поляков из западных губерний и русских местностей Привисленского края, несомненно, ослабляет польское влияние в указанных окраинах России и вместе с тем не представляет опасности для Сибири с ее подавляющим непольским населением»¹¹. Более того, переселение поляков-католиков, по мнению участников совещания, представлялось «полезным как в целях ослабления земельной тесноты, так и в видах заселения малолюдных сибирских пространств лицами, усвоившими, как это наблюдалось в среде польского крестьянства, основы земледельческой культуры и искони отличавшимися трудолюбием»¹². При последующей разработке методов привлечения католиков в Сибирь и, что немаловажно, закрепления их в новых местах жительства совещанием единогласно было принято заключение о необходимости привлечения денежных и вообще материальных средств для устройства хотя бы самых скромных богослужебных католических зданий и для содержания соответствующих причтов [7].

В августе–сентябре 1910 г. П.А. Столыпин в качестве председателя Совета министров совершил инспекторскую поездку по сибирским областям и губерниям для детального ознакомления с тем, как на практике происходит процесс адаптации крестьян-переселенцев. «После посещения Новониколаевска П.А. Столыпин отправился в губернский город Томск... Из центра губернии поехал в переселенческие пункты на станциях Итат, Боготол, Тайга, и после этого вернулся в столицу» [8, с. 95]. Во всех населенных пунктах, которые посетил глава правительства,

⁹ Там же. Л. 12.

¹⁰ Там же. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² Там же. Л. 10.

⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 690. Л. 1.

⁸ Там же.

имелись католические общины, а в скором времени появились костелы или молитвенные дома. В отличие от костелов, принадлежавших крупным общинам в сибирских городах Томске, Красноярске, Омске, Иркутске, выстроенных соответственно в 1833, 1857, 1862, 1884 гг. и тогда же зарегистрированных губернскими властями¹³, легитимация выстроенных в конце XIX – начале XX в. молитвенных домов и приходских костелов в сельских населенных пунктах Сибири по линии строительства железной дороги происходила в массовом порядке после указанной инспекторской поездки¹⁴.

Анализ публикаций в «Томских епархиальных ведомостях», предпринятый А.В. Новашовым, демонстрирует несовпадение ожиданий сибирских православных клириков с фактическим объемом государственной помощи православным мигрантам [9]. Историк Т.В. Батурина указала на некоторые разногласия между правительством и православными священниками в Сибири, возникавшие в ходе реализации программы крестьянских переселений [10]. Действительно, реализация переселенческой политики в Сибири на рубеже XIX–XX вв. не была лишена целого ряда противоречий [11]. Однако представители неправославных исповеданий, не избалованные вниманием правительства, живо откликнулись на инициативы Переселенческого управления и П.А. Столыпина, отреагировав на положительные изменения в политике позитивным образом.

Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что анализируемые взгляды П.А. Столыпина определялись как характером его государственной деятельности, так и его представлениями об общественном благе. К объективным факторам, повлиявшим на формирование отношения главы правительства к российскому католицизму, примешивались и субъек-

тивные (происхождение, родственные чувства). В конечном итоге представления Столыпина о конфессиональной политике Российского государства были продиктованы требованиями национальной безопасности, экономической и политической выгоды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бок Н.И. Россия и Ватикан накануне революции: воспоминания дипломата. Нью-Йорк, 1962.
2. Бурман В. Леонид Федоров: жизнь и деятельность. 2-е изд. Львов, 1993.
3. Зонова Т.В. Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы. М., 2000.
4. Венгер А. Рим и Москва, 1900–1950 / пер. с фр. Д.В. Власова, предисл. Н. Струве. М., 2000.
5. Шейнман М.М. Ватикан и католицизм в конце XIX – начале XX в. М., 1958.
6. Бородин А.П. Столыпин: реформы во имя России. М., 2003.
7. Недзельюк Т.Г. П.А. Столыпин о значимости поддержки Переселенческим управлением переселенцев-католиков в Сибири // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2002. С. 78–79.
8. Баяндин В.И. 100 лет со дня пребывания в Новониколаевске председателя Совета министров Российской империи Столыпина Петра Аркадьевича (1910 г.) // Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской обл., 2010 г. Новосибирск, 2009. № 2. С. 94–95.
9. Новашов А.В. «Томские епархиальные ведомости» о переселенческой политике П.А. Столыпина // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2002. С. 76–77.
10. Батурина Т.В. Русская православная церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX–XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999.
11. Белянин Д.Н. Противоречия в реализации переселенческой политики в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 27–30.

Статья поступила
в редакцию 6.02.2012 г..

¹³ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1781. Оп. 26. Д. 1504. Л. 102, 125, 201, 322.

¹⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 253. Л. 21–34; Ф. 826. Оп. 1. Д. 1825. Л. 1–8.

АСТРОАРХЕОЛОГИЯ И ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО

УДК 903.26

В.Е. ЛАРИЧЕВ

«НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО» – МЕЗОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ (К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТРАДИЦИЙ В КУЛЬТУРАХ ПОСТПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ ЕВРАЗИИ)

Часть III: Системы счисления времени в культурах мезолита северо-востока Европы¹

д-р ист. наук

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

e-mail: alkin-s@yandex.ru

Статья написана во исполнение программы информационных традиций в культурах постпалеолитической эпохи Евразии. В публикации представлены варианты реконструкций систем счисления времени у мезолитических обитателей северо-востока Европы по материалам числовых знаковых «записей» на трех календарного разряда информоносителях (так называемых *объектах искусства*), обнаруженных при раскопках поселений Нижнее Веретье (Беломорье) и Оса (Прибалтика). Изложенное позволяет сделать вывод о том, что на северо-востоке континента сохранились традиции отслеживания времени, которые сформировались в культурах верхнего палеолита того же региона.

Ключевые слова: эпоха мезолита, северо-восток Европы, астрономия и календари, первобытное искусство, семантика образов и символов, их интерпретация, числовые «записи», протонаука, астральная религия, сохранение традиций в архайческих культурах.

Вводные замечания и постановка проблемы.

Расшифровка числовых знаковых «записей», связанных с отдельными образами, фигурами и сложно организованными композициями наскального искусства святилищ мезолита юго-запада Европы, подтвердила идею о сохранении информационных традиций, которые зародились, сформировались и закрепились (обрели устойчивость) ранее в культурах верхнего палеолита региона. Речь идет о накоплении и успешной передаче от поколений к поколениям *Homo sapiens* ранних этапов каменного века Средиземноморья положительных знаний о Природе, прежде всего, – о закономерностях перемещений в небесном пространстве, «Верхнем мире», Луны и Солнца. Это обстоятельство подтолкнуло человека к осмыслению величайших мировоззренческих понятий – «пространство», «время», ритмы его течения и жизненной необходимости строго следовать этим ритмам в повседневной жизнедеятельности – бытовой, хозяйственной, а затем и религиозной, культово-обрядовой.

Но возникает вопрос – такая эстафетного стиля передача естественнонаучных знаний от эпохи к эпо-

хе происходила лишь в юго-западной части Европы, в Средиземноморье – регионе блестящих культур верхнего палеолита и средоточия грандиозных пещерных святилищ с настенными художественными росписями и гравюрами [3, 482 p.; 4, 424 p.; 5, 445 p.], или аналогичный процесс наблюдался на северных и северо-восточных окраинах континента, в зоне холодных арктических морей? Результаты расшифровки знаковых «записей» на объектах искусства малых форм, найденных на постпалеолитических поселениях севера Европы, позволили сделать вывод о том, что багаж протонаучных знаний по части астрономии и календаристики всецело сохранился [6, с. 158–164; 7, с. 94–111; 8, с. 35–46]. То была, видимо, тенденция общеевропейская и, полагаю, общеазиатская тоже.

Подтвердим эту идею «прочтением» знаковых «записей» на объектах искусства малых форм, обнаруженных при раскопках мезолитических местонахождений северо-востока Европы – Прибалтики и Беломорья. Наследовать их постпалеолитическим обитателям было что: так, при раскопках Мамонтовой курьи, открытой вблизи Полярного круга, удалось

¹ Начало разработки этой темы отражено в двух статьях автора, опубликованных под тем же заголовком (ч. I и II) в журнале «Гуманитарные науки в Сибири» [1, с. 8–13; 2, с. 19–22].

Рис. 1. Изделие из кости поселения Нижнее Веретье I (ранний мезолит):

а – знаковая «запись» чисел 59 (60) и 54 (55) на широкой плоскости лезвия и рукояти; б – «запись» чисел 12 и 13; в – «запись» числа 19.

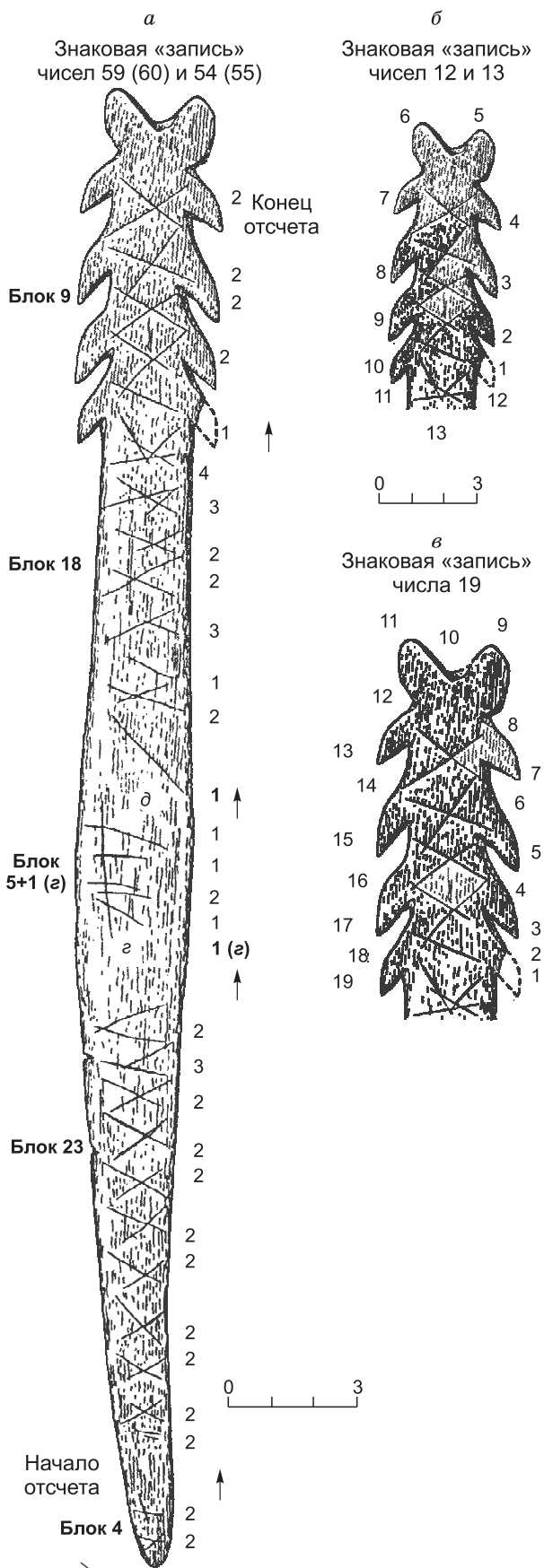
обнаружить древнейший на территории Восточной Европы объект с «записями» систем счисления по Луне (радиоуглеродная датировка – $36\,690 \pm 1310$ (1130) л.н.; $34\,655 \pm 570$ л.н. [6, р. 158–164]), а ненамного южнее, в Сунгири, в погребениях раннего этапа верхнего палеолита найдено множество предметов искусства с числовыми знаковыми «записями» календарно-астрономических циклов (радиоуглеродная дата погребений – $28\,800 \pm 240$ – $19\,160 \pm 270$ л.н.)².

Источники. Их датировка и традиционное восприятие «художественного антуража» изделий. Методические установки исследования. Для анализа выберем (учитывая допустимый объем статьи) только три изделия. На их поверхностях размещено большое количество резных линий, насечек и прочего вида знаков, образующих вместе то, что воспринимается обычно *орнаментальным полем орудий труда*, призванным то ли «художественно облагородить» его, то ли заявить о «правах владения» им, то ли выразить нечто важное «языком символов». Первый объект, найденный при раскопках поселения Нижнее Веретье I, представляет культуру *раннего этапа мезолита Восточного Прионежья* (рис. 1, а; радиоуглеродная датировка памятника – 8750 ± 70 ; 8560 ± 120 ; 8520 ± 130 л.н. [9; 10; 11, с. 32–45; 12]), второй и третий объекты, обнаруженные при раскопках нижнего слоя поселения Оса (Латвия, Лубанская низменность, р. Пиестиня), относятся к культуре *позднего этапа мезолита* южного побережья Балтики (рис. 2, а и б; радиоуглеродная датировка памятника – 6960 ± 80 ; 6760 ± 80 л.н. [13]).

Каждую из «орнаментальных» композиций изучим, используя приемы астроархеологии (анализ числового аспекта структурных подразделений «узоров»; тестирование чисел, отраженных ими, на предмет определения информационной сути цифр; установление порядка «прочтения» строчек счётных единиц «записей»).

Системы счисления времени раннего этапа мезолита Беломорья, зафиксированные на изделии из кости поселения Нижнее Веретье I. К выдающейся ценности находкам относится предмет, описанный С.В. Ошибкиной как нож (рис. 1). Внешне он в самом деле напоминает режущий инструмент с длинным, слегка изогнутым лезвием, приостренным на конце, и непропорционально короткой, с характерными зубчатыми выступами рукоятью. С одной стороны поверхность изделия «орнаментирована» – покрыта резными линиями.

Презентация знаковой системы изделия. Большую часть элементов «узора» составляют Х-об-

² Подробности см. в статьях автора, опубликованных в журн. «Гуманитарные науки в Сибири» (2001, № 3; 2003, № 3; 2004, № 3; 2005, № 3; 2006, № 3).

разные знаки (17), горизонтально или косо ориентированные линии, одиночные (7) или объединенные в пары (2), а также образующие разного вида фигуры (У – два; V – один; и два фигурных знака, составленных из трех и четырех линий). «Узор» подразделён на пять чётко обособленных блоков, из которых четыре размещены на лезвии и один – на рукояти. По правому и левому краям рукояти размещено восемь зубчатых с острыми концами выступов, а конец ее венчают два выступа с закруглёнными концами. Зубья отделены один от другого подтреугольными вырезами (их 9 на рукояти и 2 нижних отделяют ее от лезвия).

Числовой аспект каждого из блоков знаковой системы на лицевой поверхности изделия. Общее количество символов и подразделение их на две счетные структуры. Тестирование чисел. Первый блок, размещённый на конце лезвия, составляют два крестообразных знака (здесь и далее см. рис. 1, а; описание блоков ведётся снизу вверх – от приостренного конца к рукояти). Если каждая из резных линий символизирует единицу, то в блок включены две двоицы (т.е. «запись», как целое, отражает число 4). Во втором блоке, размещённом выше и отделённом от первого пространством без знаков, двоиц 10, а троица одна (рогулька). Всего знаков в блоке – 23. В третьем блоке, перечёркнутом вертикально ориентированной линией (ε), пять знаков (три единицы и одна двоица). В четвертом блоке 18 знаков (две единицы, три двоицы, две троицы и одна четверица), а в пятом (поверхность рукояти) – девять знаков (одна единица и четыре двоицы). Всего знаков на лицевой поверхности изделия:

$$4 + 23 + 5 (\varepsilon - \text{не учитывается}) + 18 + 9 = 59 \\ (\text{с учётом } \varepsilon - 60).$$

Если исключить из этого числа пять перечёркнутых знаков (а вертикально ориентированная линия (ε) намекает на такую возможность), то получим второе число:

$$59 - 5 = 54.$$

При допуске, что каждая единица есть символ суток, оба числа окажутся примечательными календарно-астрономической информативностью – первое из них кратно синодическому, а второе – сидерическому оборотам Луны (соответственно, месячным циклам смещения ночного светила по небосводу относительно Солнца и звёзд):

$$59 \text{ сут} : 29,5306 \text{ сут} = 1,9979 \approx 2 \text{ син. мес.};$$

$$54 \text{ сут} : 27,32 \text{ сут} = 1,9765 \approx 2 \text{ сид. мес.}$$

Первое число отражает классической длительности период, который широко использовался жречеством ранних цивилизаций Средиземноморья и Ближнего Востока при отслеживании годового цикла. Оптимальность его определяется исключительно важным обстоятельством – почти идеальной возможностью автоматически избавляться от неудобства учета дробных частей синодического оборота, составляющих в двух месяцах около суток:

$$0,5306 \text{ сут} \times 2 = 1,0612 \approx 1 \text{ сут.}$$

Что касается второго числа 54, то степень кратности оставляет желать лучшего, хотя такая погрешность допустима (счисление времени по Луне велось, начиная с эпохи палеолита, с точностью около 0,02–0,03 сут):

$$54 \text{ сут} : 27,32 \text{ сут} = 1,9765 \approx 2 \text{ сид. мес.}$$

Возможно, творцы числовой системы использовали как особую счётную единицу вертикальную линию (ε) и принимали в зачёт число 55, а не 54:

$$54 + 1 (\varepsilon) = 55,$$

почти идеально кратное сидерическому обороту Луны:

$$55 \text{ сут} : 27,32 \text{ сут} = 2,0131 \approx 2 \text{ сид. мес.}$$

Изложенное открывает путь к интерпретационной части поиска.

Реконструкция системы счисления лунного года. Способ выравнивания лунного потока времени с потоком времени солнечным. Шестикратное считывание «записей» числа 59 по блокам снизу вверх выведет на рубеж окончания лунного года:

$$59 \text{ сут} \times 6 = 354 \approx 354,367 \text{ сут.}$$

После счисления трёх лунных лет по установленной схеме в счётную систему вводился интеркалярный – три нижних блока знаков с учётом вертикальной линии (ε) и косо ориентированной линии (δ) блока, связанного с рукоятью:

$$(354 \text{ сут} \times 3) + [4 + 23 + 5 + 1 (\varepsilon)] + 1 (\delta) \text{ сут} = 1096 \text{ сут}; \\ 1096 \text{ сут} : 365,242 \text{ сут} = 3,0007501 \approx 3 \text{ солнечных года.}$$

Реконструкция системы счисления сидерического года. Если за базовое принималось число 54, то после шестикратного считывания «записей» его, а затем интеркалирования нижнего блока 4 выйдем на рубеж окончания сидерического года:

$$(54 \text{ сут} \times 6) + 4 \text{ сут} = 328 \approx 327,84 \text{ сут.}$$

Теперь становится понятно, почему блок 4 выделен как обособленная «запись». Примечательно также, что сумма знаков в двух соседних блоках (4 и 23) близка длительности сидерического оборота Луны:

$$27 \text{ сут} \approx 27,32 \text{ сут},$$

а при подсоединении к нему трёх нижних знаков третьего блока 5 (т.е. косо ориентированной единицы и расположенной выше ее двоицы) получаем число, близкое длительности синодического оборота Луны:

$$27 \text{ сут} + (1 + 2) \text{ сут} = 30 \approx 29,5306 \text{ сут.}$$

Реконструкция систем счисления месяцев в лунном трехлетии и лунно-солнечном 19-летии (цикл Метона) по краевым знакам рукояти изделия (см. рис. 1, б и в соответственно). Примем за числовые знаки краевые выступы рукояти, разделяющие их вырезы, а также лезвийную часть предмета, считая их в первом случае символами лунных месяцев, а во втором – лунно-солнечных лет. Этот допуск открывает путь к иным интерпретационным разделам поиска:

1 – реконструкция системы счисления лунного трехлетия по месяцам (рис. 1, б). В двух простых лунных годах отсчёт 12 месяцев вёлся по 10 краевым выступам на рукояти и двум выемкам, отделяющим рукоять от лезвийной части предмета:

$$(5 + 5) \text{ мес.} + 2 \text{ мес.} = 12 \text{ мес.};$$

в третьем году, когда в счетную систему вводился интеркаляционный 13-й месяц с целью выравнивания лунного потока времени с потоком времени солнечным, за символ такового принималась лезвийная часть изделия как особая структура (1):

$$(5 + 5) \text{ мес.} + (2 + 1) \text{ мес.} = 13 \text{ мес.};$$

2 – реконструкция системы счисления лунно-солнечного 19-летия (цикл Метона) по годам (рис. 1, в). Отсчет количества лет самого совершенного периода совмещения («стыковки») времени лунного и солнечного велся по десяти краевым выступам и девяти вырезам (рис. 1, в):

$$(10 + 9) \text{ лет} = 19 \text{ лет.}$$

В конспективном изложении календарно-астрономическая суть 19-летнего цикла Метона (его оптимальная рациональность) сводится к следующему: *если в лунном 19-летии в 12 годах количество синодических месяцев будет 12, а в семи – 13 мес., то при таком раскладе лунное многолетие почти идеально совпадает с той же длительности многолетием солнечным:*

$$\begin{aligned} & (12 \text{ лун. лет} \times 12 \text{ син. мес.}) + \\ & + (7 \text{ лун. лет} \times 13 \text{ син. мес.}) = 235 \text{ син. мес.}; \\ & 235 \text{ син. мес.} \times 29,5306 \text{ сут} = 6939,691 \text{ сут}; \\ & 6939,691 \text{ сут} : 365,242 \text{ сут} = 19,000254 \text{ солнечных лет.} \end{aligned}$$

На практике это означало следующее: *если, допустим, при начале счисления 19-летия летнее солнцестояние совпадало с полнолунием, то такое же явление будет наблюдаться через 19 солнечных лет. Несовпадение (превышение) составит малую часть суток – 0,093, или 2 ч. 13,92 мин. Считается, что дополнительные месяцы включались в следующие порядковые номера 19-летия: 3, 6, 9, 12, 15, 17 и 19-й. Как видим, номера годов, кратные трём, отстоят друг от друга на число 3 и дважды, в конце ряда, на число 2.*

Системы счисления времени позднего этапа мезолита Прибалтики, зафиксированные на изделиях из кости поселения Оса. Протяжённая (многоэлементная) знаковая «запись» размещена на слегка выпуклой поверхности изделия (рис. 2, а), инструментальное назначение которого точно не определено (возможно, отжимник?). Не исключено, однако, что этот предмет представляет собой скульптурный объект искусства, близкий по виду и смыслу двухконечным фаллосовидным изображениям верхнего палеолита Центральной и Западной Европы (см., к примеру, рис. 2, в и г). Такая же скульптура обнаружена в Сибири (Мальта) – центральная подвеска ожерелья из погребения.

Презентация знаковой системы скульптурного изделия. «Записи» подразделяются на два отдела, связанных с правым длинным и левым коротким концами.

По нижнему краю правого конца размещаются строчки (здесь и далее см. рис. 2, а)

$$5 \rightarrow 10 \rightarrow 12 \rightarrow 2 \text{ (разделительные линии).}$$

По верхнему краю правого конца размещаются строчки

$$12 \rightarrow 11,$$

а в средней части изделия – строчка 7 и единичный знак д.

Всего знаков на правом конце

$$\begin{aligned} & (5 + 10 + 12 + 2) + (12 + 11 + 7) = 59 \\ & \text{(или 60, если добавить 1 знак – д).} \end{aligned}$$

По верхнему краю левого конца размещаются строчки

$$14 \text{ (7 двоиц)} \rightarrow 6.$$

По нижнему краю левого конца размещаются строчки

$$12 \rightarrow 12,$$

а в средней части изделия, над ними – одиночная разделительная линия.

Всего знаков на левом конце

$$14 + 6 + 12 + 12 + 1 = 45$$

(или 44, если не считать разделительную линию – 1).

На всей поверхности изделия размещены 104 знака

(если считать 59 + 45 или 60 + 44).

Тестирование выявленных чисел на предмет отражения в них календарно-астрономического контекста. Такая информативность знаковых «записей» становится сразу же очевидной при считывании в определённом порядке нижних строчек правого конца изделия. В самом деле, $5 + 10 + 12 = 27$ близко длительности сидерического месяца (27,32 сут); подключение двух разделительных линий к 27 ($27 + 2 = 29$) определит длительность синодического месяца (29,5306 сут). Количество знаков по верхнему краю и центру изделия ($12 + 11 + 7 = 30$) и общее количество знаков на правом конце, 59, кратно синодическому обороту Луны – $30 \approx 29,5306 \text{ сут}$; $59 : 29,5306 \text{ сут} = 1,99979 \approx 2$ синодических месяца. Количество знаков на левом конце, 45, тоже кратно синодическому обороту Луны, как и сумма всех знаков на изделии (104):

$$45 : 29,5306 \text{ сут} = 1,5238 \approx 1 \frac{1}{2} \text{ син. мес.};$$

$$104 : 29,5306 \text{ сут} = 3,5217 \approx 3 \frac{1}{2} \text{ син. мес.}$$

Изложенное позволяет приступить к интерпретационной части поиска.

Реконструкция системы счисления лунного года. Возможны два варианта:

1 – с использованием 59 знаков «записей» правого конца: шестикратный проход по ним в установленном порядке выведет на рубеж окончания лунного года:

$$59 \text{ сут} \times 6 = 354 \approx 354,367 \text{ сут};$$

2 – с использованием 45 и 44 (вне учёта остается разделительная линия – 1) левого конца изделия: двукратный проход по 45 знакам и шестикратный по 44 выведет на рубеж окончания лунного года:

$$(45 \text{ сут} \times 2) + (44 \text{ сут} \times 6) = 354 \approx 354,367 \text{ сут.}$$

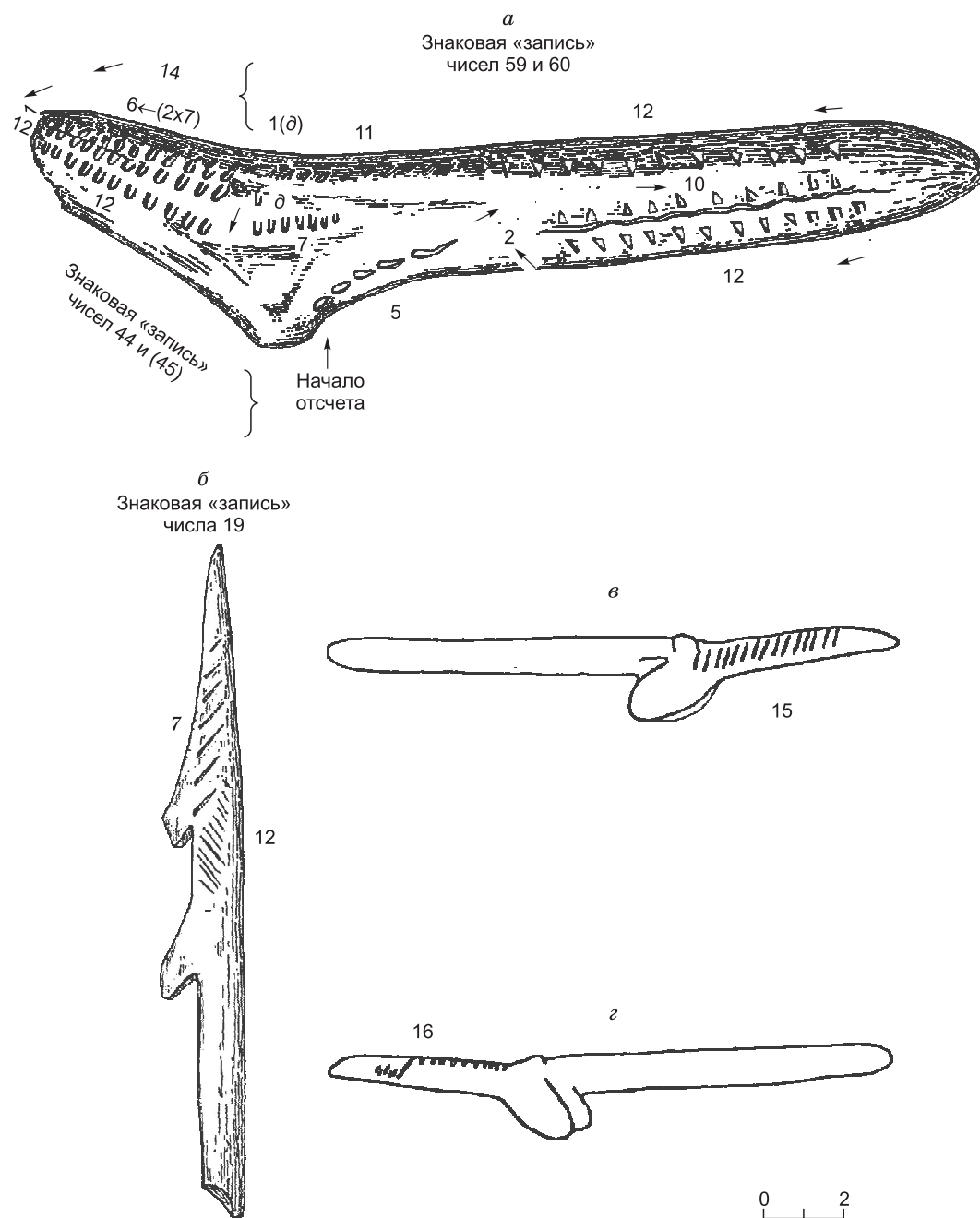

Рис. 2. Изделия из кости поселения Оса (поздний мезолит):

а – знаковая «запись» чисел 59 (60) и 45 (44) на двухконечном скульптурном объекте; *б* – знаковая «запись» числа 19 на обломке двухзубого гарпуна; *в, г* – двухконечная фаллосовидная скульптура с тестикулами (с верхнепалеолитического поселения Долни Вестонице) – возможный аналог двухконечного объекта поселения Оса.

Выравнивание лунного потока времени с потоком времени солнечным осуществлялось следующим образом: после счисления трех лунных лет заведённым порядком в счетную систему вводился интеркалярный $-5 \rightarrow 10 \rightarrow 12 \rightarrow 7 = 34$. В итоге получаем:

$$\begin{aligned} (354 \text{ сут} \times 3) + 34 \text{ сут} &= 1096 \text{ сут.} \\ 1096 \text{ сут} : 365,242 \text{ сут} &= \\ &= 3,00075001 \approx 3 \text{ солнечных года.} \end{aligned}$$

Реконструкция системы счисления лунно-солнечного года. Отсчет периода, среднего между годами лунным и солнечным

$$\begin{aligned} [(354,367 \text{ сут} + 365,242 \text{ сут}) : 2 &= 359,8045 \approx 360 \text{ сут}], \\ \text{велся по 45 знакам левого конца изделия или по 60} & \\ \text{знакам правого:} & \end{aligned}$$

$$45 \text{ сут} \times 8 = 360 \text{ сут}; 60 \text{ сут} \times 6 = 360 \text{ сут.}$$

Эта счётная система позволяла четко и автоматически фиксировать важнейшие моменты солнечного года – *равноденствия, солнцестояния и межсезонья*, время культово-обрядовых празднеств эпохи первобытности.

Реконструкция системы счисления сидерического года. Трёхкратный проход по всем знакам изделия с интеркаляцией в конце «записей» $5 \rightarrow 10$ выводит на рубеж окончания сидерического года:

$$(104 \text{ сут} \times 3) + 5 + 10 \text{ сут} = 327 \approx 327,84 \text{ сут.}$$

Второе изделие со знаковыми «записями», обнаруженное на поселении Оса. Интерпретация числовой системы. Короткие, косо ориентированные линии, составляющие две чётко обособленные «записи», размещены на поверхности обломка двухзубого гарпуна (рис. 2, б). Эту находку следует без колебаний отнести к разряду особой ценности вследствие исключительной информативности чисел, отражённых знаками каждой из «записей» в отдельности и при суммировании обоих чисел. Правую «запись» составляют 12 тонких, варьирующих по длине, близко размещённых друг к другу линий, а левую – 7 более широких, приострённых на верхних концах, сравнительно далеко отстоящих друг от друга линий. Всего знаков на изделии:

$$12 + 7 = 19.$$

«Исключительная информативность» этой формулы заключается в том, что число 19 – это количество лунно-солнечных лет в так называемом цикле Метона и он представлен на сей раз развернуто – с очевидным разъяснением главных временных частей его – 12 простых лунных лет (т.е. 12 лун. лет $\times$ 12 син. мес. = 144 син. мес.) и 7 лет эмболисмических, дополненных 13-м месяцем (т.е. 7 лун. лет $\times$ 13 син. мес. = 91 син. мес.).

Сакральность цифровой комбинаторики заключается вот в чем: в общем количестве синодических месяцев $(144 + 91 = 235)$ содержится столько же дней, сколько их составляет 19 солнечных лет:

$$\begin{aligned} 235 \text{ син. мес.} \times 29,5306 \text{ сут} &= 6939,691 \text{ сут;} \\ 19 \text{ солн. лет} \times 365,242 \text{ сут} &= 6939,598 \text{ сут.} \end{aligned}$$

В том-то и состоит великая суть лунно-солнечного 19-летия: он с наибольшей точностью выравнивает лунный поток времени с потоком времени солнечным.

Краткий итог исследования. Три объекта с числовыми знаковыми «записями», представляющих ранний и поздний этапы культур мезолита Беломорья и Прибалтики, засвидетельствовали факт сохранения астрономических и календарных знаний, накопление

которых восходит в регионе к началу становления культур верхнего палеолита. Эта тенденция наследования протонаучного багажа наблюдений за светилами отчётливо прослеживается и далее – в культурах неолита и палеометалла [7, с. 94–111; 8, с. 35–46]. Отсюда следует вывод – у обитателей Европы эпохи первобытности никакого катастрофического перерыва в поддержании информационных традиций, ориентированных на познание Природы, не было ни на одном из этапов их многотысячелетней культурной эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларичев В.Е. «Недостающее звено» – мезолитическое время (к проблеме сохранения информационных традиций в культурах постпалеолитической эпохи Евразии). Ч. I: Простые по структурам источники // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 8–13.
2. Ларичев В.Е. «Недостающее звено» – мезолитическое время (к проблеме сохранения информационных традиций в культурах постпалеолитической эпохи Евразии). Ч. II: Сложные по структуре источники // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 19–22.
3. Leroi-Gourhan A. Préhistoire de l'Art Occidental. P., 1965.
4. Laming-Emperaire A. La Signification de l'Art Repustre Paléolithique. P., 1962. 432 P.
5. Marshack A. The Roots of Civilization. The Cognitive Beginnings of Man's First Art, Symbols and Notation. N. Y., 1991. P. 445.
6. Ларичев В.Е., Павлов П.Ю. Древнекаменный век Европы: восточно-европейское время раннего этапа верхнего палеолита (реконструкция календарных систем севера Европейской России) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2009. Т. XV. С. 158–164.
7. Ларичев В.Е. Космос, Время и Боги в символах и образах наскального искусства Карелии (методы астроархеологии, палеоастрономии и палеокалендаристики в «прочтениях» сюжетных панно). Ч. I: Интерпретация композиции «Охота на медведя» // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. 2009. Вып. 13. С. 94–111.
8. Ларичев В.Е. Космос, Время и Боги в символах и образах наскального искусства Карелии (методы астроархеологии, палеоастрономии и палеокалендаристики в «прочтениях» сюжетных панно). Ч. II: Интерпретация сцены «Шествие двух групп оленей» святилища Старая Залавруга // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. 2010. Вып. 15. С. 35–46.
9. Ошибкина С.В. Памятники эпохи мезолита в Восточном Прионежье // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 165.
10. Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
11. Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989. С. 32–45.
12. Plucenik M. The Coastal Mesolithic of the European Mediterranean // Mesolithic Europe. N.Y., 2008.
13. Загорска И., Загорскис Ф. Мезолит Латвии // Краткие сообщения Института археологии. 1977. Вып. 149.

Статья поступила
в редакцию 9.02.2012 г..

УДК 903.59+903.27(510+519.3)

В.В. АХМЕТОВ

ПОГРЕБАЛЬНАЯ НАСТЕННАЯ ЖИВОПИСЬ В БОХАЕ*

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск
E-mail: akhmetovladimir@yandex.ru

Бохайские погребения с фресками – важный источник для изучения погребальной обрядности бохайцев. Погребальная настенная живопись была распространенным явлением для государств ареала дальневосточной цивилизации. Неудивительно, что традиция нанесения живописи в погребениях проникла и в Бохай. Лучше всего погребальная настенная живопись сохранилась в могиле принцессы Чжэнь Сяо. Анализ фрески показал сильное влияние традиции погребальной живописи танского Китая. Однако если рассматривать в целом и погребальную живопись, и элементы бохайских погребальных комплексов, то становится очевидно, что в самобытной бохайской культуре органично переплетались культурные традиции и танского Китая, и Когурё.

Ключевые слова: Бохай, могила Чжэнь Сяо, погребения с фресками, погребальная настенная живопись, империя Тан, Когурё.

Бохайские погребения с фресками являются важным источником для исследования духовной культуры бохайской знати, которая в полной мере нашла отражение в погребальной обрядности. При изучении данного феномена бохайской культуры необходимо учитывать, что на Дальнем Востоке погребения с фресками были распространенным явлением задолго до возникновения бохайской государственности. Следовательно, говорить об автохтонном происхождении этого феномена не приходится.

За точку отсчета можно принять эпоху Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), когда такие погребения появились в большом количестве в самой империи, а затем распространились на соседние территории, чему способствовала агрессивная политика ханьского государства [1, с. 46]. Например, протогосударственное образование Древний Чосон на территории Маньчжурии и Корейского полуострова было уничтожено, а на его месте образованы ханьские округа, один из которых – Лолан – просуществовал довольно длительное время (108 г. до н.э. – 313 г. н.э.). Погребальные конструкции лоланских могил схожи с конструкциями когурёских могил с фресками [2, с. 28]. Могильные фрески появляются в самых ранних когурёских погребениях III–IV вв. н.э. и прослеживаются вплоть до VII в., т.е. до гибели государства Когурё. Традиция погребальной настенной живописи продолжает бытовать и в самом Китае во времена Вэй (220–266 гг.) и Цзинь (266–420 гг.), в эпоху Южных и Северных династий [3, с. 134]. В последующее время эта традиция ярко проявилась в погребениях правящей династии империи Тан (618–907 гг.) [4, р. 39]. Неудивительно, что в Бохае также появились погребения с фресками.

В историографии, касающейся погребальной настенной живописи в Бохае, существуют разные мнения.

Китайские авторы, резонно указывая на схожесть бохайских фресок с танскими, утверждают на основании этого и политическую зависимость Бохая от Китая [5, с. 42]. Корейские исследователи полагают, что культура танского Китая влияла на весь Восток Азии. Ее влияние прослеживается и в духовной, и в бытовой сферах: например, одежда танского образца была известна и в Японии, и в Объединенном Силла. Однако из этого не следует, что государства, находившиеся под таким влиянием, были политически несамостоятельными [6, с. 357–359].

В настоящее время известно несколько бохайских погребений с настенной живописью. Это могила Хэнантунь, могила Чжэнь Сяо (обе – в уезде Хэлун), могила Чжэнь Хуэй в уезде Дуньхуа (все – провинция Цзилинь, КНР), могила Саньлинтунь № 2 в уезде Нинъюань провинции Хэйлунцзян, КНР; могила в местечке Кымсонни в уезде Хвадэ, могила Ёнчаголь № 1 в окрестностях г. Чхонджин (обе – провинция Северная Хамгён, КНДР) [5, с. 38; 7, с. 16]. Однако большинство из этих фресок на момент раскопок были очень плохой сохранности. Лишь в отдельных погребениях остались фрагменты настенной живописи. От фрески в могиле в районе Кымсонни сохранилась небольшая часть с изображением ноги человека [8, с. 17]. Фреска в Саньлинтунь № 2 очень плохой сохранности, позволяет судить лишь об основных чертах композиции. В могильном коридоре перед входом в могильную камеру справа и слева имелись полнофигурные изображения людей. В самой камере на южной стене было изображено 2 чел., на восточной и северной – по 4, и на северной – 3 чел. Всего в погребальной камере и коридоре находится 15 изображений людей. На стены погребальной камеры нанесен цветочный узор, складывающийся из правильных шестиугольников, пространство между которыми

* Работа выполнена в рамках Интеграционного проекта СО РАН № 39.

заполнял растительный узор [9, с. 236]. Вероятно, это буддийский узор (кор. *посанхва*), в котором комбинировались изображения цветков пиона и лотоса. Узор такого типа встречается на кирпичах с раскопок Верхней столицы Бохая [10, с. 216], на черепице времен Объединенного Силла [11, с. 384]. На наш взгляд, эта фреска очень близка художественному стилю когурёских фресок [12, с. 34–38].

Лучше всего сохранилась фреска в погребении принцессы Чжэнь Сяо. Памятник расположен в центральной части небольших гор Лунтоушань к западу от с. Лунхай вблизи г. Хэлун Яньбянь – корейского автономного округа провинции Цзилинь. При вскрытии могилы в 1980 г. в ней была обнаружена стела с эпитафией, из текста которой следовало, что здесь в 792 г. похоронена принцесса Чжэнь Сяо – четвертая дочь третьего правителя Бохая Вэнь-вана. Погребальное сооружение состоит из коридора и погребальной камеры. Фрески имеются как на стенах коридора, так и внутри камеры. В коридоре – небольшом помещении перед входом в камеру – изображены 2 чел. В самой камере изображено еще 10 чел.: на северной стене – 2, на западной и восточной – по 4 чел. Всего 12 чел. Высота фигур колеблется от 0,98 м до 1,17 м.

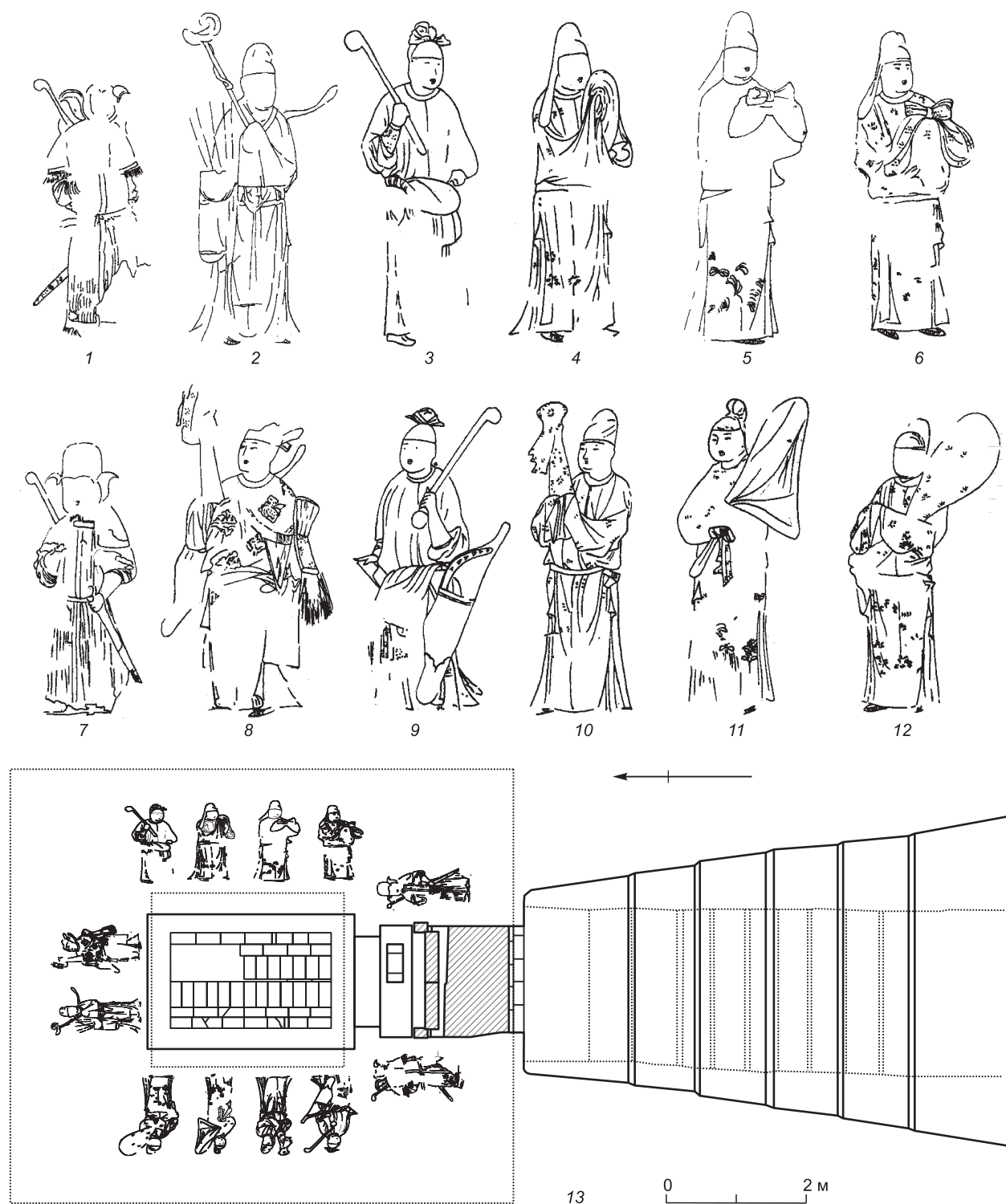
Остановимся на них подробнее. Фрески в коридоре изображают людей, на которых надеты шлемы и доспехи. Высота изображений – 0,98 м. На шлемах в районе ушей подвешены украшения. Оба опоясаны черными ремнями. На одежде в некоторых местах виднеется чешуйчатый узор, что позволяет говорить о том, что на них надет ламеллярный доспех. Левая рука каждого придерживает висащие с левой же стороны туловища ножны с мечом, правой рукой удерживают за рукоять палицу, положив ее на плечо. На ногах обувь с высоким голенищем. Условно этих людей можно назвать *воинами*, которые, учитывая место нахождения изображений, видимо, охраняли вход (рисунок, 1, 7).

В погребальной камере на восточной стене, в дальней от входа части, изображен человек с собранными в пучок волосами. На голове платок, завязанный на макушке. Лицо выбелено, губы выделены красным цветом. Его одежда представляет собой красновато-коричневого цвета костюм с округлым воротом и поясом. Он держит палицу, положив ее на плечо. Очевидно, это тоже *воин* (рис. 1, 3). Рядом с ним, ближе к входу, изображен человек в головном уборе со спадающими концами. Его лицо выбелено, костюм украшен узором в виде листьев красного цвета на белом фоне. Пояс чёрного цвета. В руках у него бронзовое зеркало (рисунок, 4). По всей видимости, это придворный. Еще один человек также имеет головной убор со спадающими концами. Его лицо выбелено, губы выделены красным. Он одет в подпоясанный костюм, украшенный узором в виде листьев синего цвета. В руках сверток белого цвета. Вероятно, это тоже изображение придворного (рисунок, 5). На восточной стене погребальной камеры ближе к входу изображен человек в головном уборе со спадающими концами. Лицо выбелено. Светлый костюм украшен узором в виде листьев синего цвета, в руках он также держит сверток. Различия между двумя последними изображениями минимальны (рисунок, 6).

На западной стене склепа изображены четыре фигуры, высота которых колеблется от 1,13 до 1,17 м. Ближе всего к входу нарисован человек с волосами, собранными на макушке в пучок, с повязанным на голове платком. Его лицо выбелено, губы выделены красным цветом. Спадающие концы одежды собраны и заткнуты за пояс. С левой стороны у пояса висит лук в чехле для лука, с правой – колчан для стрел и меч.левой рукой он держит палицу, положив ее на плечо. Очевидно, что это тоже *воин* (рисунок, 9). Еще один человек изображен в головном уборе со спадающими двумя концами. Его лицо также выбелено, губы выделены красным цветом, тонкие брови подчеркнуты. Белый костюм украшен узором из красных листьев, талия подпоясана черным поясом. На ногах плетеная обувь. Он держит двумя руками коричневый мешок, по форме мешка можно предположить, что в нем находится музыкальный инструмент-трещотка из деревянных дощечек, связанных на конце (кит. *nai*) (рисунок, 10). Дальше от входа видна фигура еще одного человека в головном уборе со спадающими двумя концами. Его лицо выделено белым цветом, губы – красным. Костюм украшен узором из темно-синеватых листьев. Он держит в руках мешок, в котором предположительно находится щипковый струнный инструмент *кунхоу* (рисунок, 11). Четвертый человек, изображенный на этой стене, также в головном уборе со спадающими двумя концами. Его лицо выделено белым цветом, губы – красным. Светлый костюм украшен узором из листьев. Он держит в руках мешок, в котором, по всей видимости, находится *пина* – щипковый музыкальный инструмент типа лютни (рисунок, 12). Эти три фигуры обычно называют *музыкантами*.

На северной стене погребальной камеры изображены два человека, фигуры которых повернуты друг к другу. Их высота составляет 1,17 м. На западной части стены изображен человек в головном уборе со спадающими двумя концами. Костюм светло-желтого цвета украшен узором в виде листьев. На правой стороне висит чехол для лука. А сам лук виднеется из-за спины. Человек держит перед собой некое подобие трости с двумя концами наверху. Обувь на нем плетеная (рисунок, 2). На восточной части стены также изображена фигура в головном уборе со спадающими двумя концами. Лицо выбелено, губы выделены красным цветом. Желтоватый костюм украшен узором в виде листьев. Слева висит чехол для лука и сам лук на левом плече. Обими руками перед собой он держит нечто, похожее на зонтик, защищающий от солнечных лучей (рисунок, 8) [13, с. 28–31].

Придворные со свертками и зеркалом, изображенные на восточной стене, скорее всего, евнухи, которые могли прислуживать в женских покоях. В загробном мире они должны были продолжать свою службу. Воины на входе и в погребальной камере должны были беречь покой принцессы, а музыканты улаживать слух (рисунок, 13). Некоторые исследователи указывают на любопытное совпадение по количеству изображенных людей с фреской в погребении корёского Конмин-вана (1330–1374 гг.). Считается, что 12 персонажей на корёской фреске являются символами 12 знаков зодиака

Могила Чжэнь Сяо в у. Хэлун, пров. Цилинь, Китай: 1, 2, 3, 7-9 – воины; 4-6 – придворные; 10-12 – музыканты; 13 – схема погребения.

и будхисатвами [14, с. 90; 15, с. 57]. Однако проводить какие-то явные параллели между этими погребениями нужно очень осторожно, учитывая значительный хронологический разрыв.

Бохай, как и любое другое государственное образование того времени, активно заимствовал элементы танской культуры. Этот процесс сказался и на погребальном обряде бохайской знати. Предпосылки к этому возникли еще до создания Бохая. Ли Цзиньсин, сын Тудици – вождя мохэских племен, перекочевавших на территорию Тан в начале VII в., за военные заслуги был удостоен в 682 г. погребения в императорском могильнике в Цяньлине [16, с. 312]. Впоследствии эти мохэские племена ушли обратно в Маньчжурию, где и создали государство Бохай. Неудивительно, что ближайшие аналогии фреске в могиле Чжэнь Сяо обнаруживаются в погребениях высших представителей танской империи. Фрески в погребениях из мавзолея Цяньлин изображают бытовые сцены и сцены охоты, процессии чиновников, придворных, евнухов, воинов, буддистские и даосские храмы, но там отсутствуют мифические животные, причудливые орнаменты, так характерные для поздних когурёских фресок. Бытовые сюжеты обычны как раз в ранних когурёских фресках [17, с. 195].

Детальный анализ изображений в могиле Чжэнь Сяо приводит к следующим выводам. Костюмы музыкантов, придворных по своему фасону схожи с костюмами чиновников из могилы танского принца Идэ [4, р. 63]. Платки воинов с луками идентичны головным уборам охранников-лучников из гробницы танского принца Ли Сяня (653–684 гг.) [4, р. 86]. Головные уборы со спадающими концами детально изображены в могиле танской принцессы Юнтай [5, 1983, с. 41]. Сама манера изображения слегка одутловатых, полных лиц в могиле Чжэнь Сяо напоминает танскую живопись.

Очевидно, создатели фресок могилы Чжэнь Сяо выбрали за образец для подражания танскую живопись. На наш взгляд, это свидетельствует о том, какого могущества достигло бохайское государство, чьи правители хоронили своих родственников, пытаясь соответствовать погребениям династии Тан. Причем, если учесть тот факт, что третья дочь бохайского Вэнь-вана Чжэнь Хуэй похоронена в погребальном комплексе, конструктивно схожим с когурёской Большой могилей Кансо [18, с. 33], а эпитафия обнаруженная в могиле Чжэнь Хуэй различается с эпитафией из могилы Чжэнь Сяо только в шести местах [19, с. 218], то станет ясно, что погребальная обрядность элитных слоев бохайского общества формировалась под влиянием различных культурных традиций. В погребальной настенной живописи Бохая прослеживается сильное влияние культуры танского Китая, хотя отдельные элементы указывают и на влияние когурёской культуры (пример, фреска из могилы Саньлинтунь № 2). Если же рассматривать в целом и погребальную живопись, и элементы погребальных комплексов, то становится очевидно, что в бохайской культуре органично переплетались культурные традиции соседних государств. При этом говорить о приоритетном влиянии какой-то одной из них не имеет смысла. Тунгусо-маньчжур, создав государство Бохай, перешли на новую стадию соци-

ально-политического развития. Они создавали свою самобытную бохайскую культуру, активно заимствуя достижения у соседей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терехова Н.Н. Погребальные конструкции эпохи Хань // Сов. археология. 1959. № 3. С. 28–47.
2. Гилев А.А. Происхождение многокамерных гробниц Когурё // Материалы XXXIX Междунар. науч. студ. конф. Востоковедение. Новосибирск, 2001. С. 28–31.
3. Лю Сюаньтан. Сравнительное исследование когурёских гробниц с фресками, расположенными в районе г. Цзиань, и погребений с настенной живописью эпох Хань, Вэй, Цзинь в Ляодуне и Ляоси (Чжунго Цзиань Гаоцзюйли бишуму юй Ляодун Ляоси Хань Вэй Цзинь бишуму бицзяо яньцзю) // Когурёэнгу (Изучение Когурё). 1997. Вып. 4. С. 133–168 (на кит. яз.).
4. Eckfeld Tonia. Imperial Tombs in Tang China, 618–907: The Politics of Paradise. L.; N.Y., 2005.
5. Ли Дяньфу. Сравнительное исследование фресок в могиле бохайской принцессы Чжэнь Сяо эпохи Тан с фресками Когурё // Хэйлун цзян вэньу цункань. 1983. № 2. С. 38–42 (на кит. яз.).
6. Чон Хотхэ. Бохайские гробницы с фресками и бохайская культура // Пархэгонгук 1300 чунён (698–1998) (1300-летие основания государства Бохай (698–1998)). Сеул, 1999. С. 347–370 (на кор. яз.).
7. Хан Индок. Новые материалы по пархэскому погребению уровня вана Ёнчаголь № 1 // Чосон когоёнгу. 1998. № 4. С. 15–20 (на кор. яз.).
8. Ким Минджэ. Изображение костюма на фреске в могиле в районе Кымсонни уезда Хвадэ пров. Сев. Хамгён // Хангукпоксик-хакхвэджэ. 2007. № 9. С. 16–31 (на кор. яз.).
9. Вэй Цуньчэн. Бохай каогу (Археология Бохая). Пекин, 2008 (на кит. яз.).
10. Людиншань юй Бохайчжэнь – Тандай Бохайго дэ гуйцзю муди юй дучэн ичжи (Людиншань и Бохайчжэнь – могильник знати и столичный город государства Бохай эпохи Тан). Пекин, 1997 (на кит. яз.).
11. Хон Посик. Объединенное Силла // Хангук когохак каный (Лекции по археологии Кореи). Сеул, 2007. С. 367–393.
12. Ким Ёнсук. О лotosовых узорах когурёских гробниц, украшенных настенной живописью (Когурёмудомпёкхваи ёнкок-муни-е тэхаё) // Чосонкогоёнгу (Изучение археологии Кореи). 1988. № 3. С. 29–38.
13. Хан Чонин. Пархэ чонхёгонджумё ёнгу (Изучение бохайского погребения принцессы Чжэнь Сяо). Сеул, 2009 (на кор. яз.).
14. Ан Хвиджун. Хангукый мисульгва мунхва (Корейское изобразительное искусство и корейская культура). Сеул, 2008 (на кор. яз.).
15. Лим Ёнэ. Кёрюро пон хангук пульгё чогак (Корейская буддийская скульптура: влияние традиций соседних стран). Сеул, 2008 (на кор. яз.).
16. Ивлиев А.Л. Китайские летописи об образовании мохэского государства Чжэнь // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (Материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока): Третья междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск, 2003. С. 310–318.
17. Гилев А.А. Путешествие в чосын и культ Семи звезд в Коре // Рос. корееведение: Альманах. М., 2004. Вып. 4. С. 194–208.
18. Чан Чольман. Когурёские черты в бохайских погребениях // Чосонкогоёнгу. 1998. № 4. С. 32–36 (на кор. яз.).
19. Цилинь шэн чжи: Вэньу чжи (Описание пров. Цилинь: описание памятников материальной культуры). Чанчунь, 1991 (на кит. яз.).

Статья поступила
в редакцию 4.02.2012 г.

УДК 903.27

Е.П. МАТОЧКИН

ПЕТРОГЛИФЫ НИЖНЕГО ИНЕГЕНЯ В СВЕТЕ МИФОВ И ВЕРОВАНИЙ АЛТАЙСКИХ ОХОТНИКОВ

д-р искусствоведения, чл.-кор. Российской академии художеств,
Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина,
г. Горно-Алтайск
e-mail: pallady@ngs.ru

Статья посвящена изучению нового петроглифического памятника из долины р. Нижний Инегень в Горном Алтае. Наскальные рисунки, выбитые и гравированные, создававшиеся в течение трех тысячелетий, образовали своеобразный наскальный фриз с изображениями животных и их мифических хозяев. Семантика петроглифов отражает традиционные представления тюрков Южной Сибири, связанные со зверовым промыслом.

Ключевые слова: петроглифы, выбивка, гравировка, хозяйка зверей, охотничьи поверья.

В июле 2006 г. Николай Михайлович Казатов – житель с. Инегень Онгудайского района Республики Алтай показал мне петроглифы, расположенные на гребне скального отрога на левом берегу небольшой речки Нижний Инегень. Эти рисунки я изучал в 2007 г. Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N – 50°21'04,1"; E – 086°38'18,2"; высота 941 м над ур. моря (по балтийской системе высот). В местах этих располагается целый ряд археологических памятников. В уютной долине среднего течения Нижнего Инегеня находятся могильник и уникальное каменное изваяние эпохи бронзы [1], а на окружающих скалах – петроглифы. Нами была опубликована плита с рисунками и руническими надписями [2]. Настоящая статья посвящена самому крупному петроглифическому памятнику из долины Нижнего Инегеня. Он представляет собой вертикальную плоскость из сланца высотой около 1 м и шириной 2,7 м с выбитыми и гравированными рисунками. Это своеобразный горизонтальный фриз с петроглифами. На нем естественным образом выделяются три участка.

Участок 1. Расположен в левой части плоскости. В его центре изображена компактная группа из 4 маралов; у 2 из них рога в виде вертикальных стволов с отростками. Два верхних животных обращены влево, на север, вверх по течению реки, два нижних – на юг. Над маралами, немного левее, выбиты 2 козла, обращенные влево.

Участок 2. Расположен в правой части плоскости за трещиной. Здесь представлено шесть изображений. Пять из них, кроме крайнего левого, частично или полностью оказались под слоем лишайников. В силу этого некоторые изображения были выявлены лишь с помощью микалентного эстампажа. Просматривается безрогий олень, козел с необычайно большим рогом и

2 марала с вертикальными рогами. Возле ноги правого верхнего марала имеется аморфное пятно из отдельных точечных лунок. Можно предположить, что тут выбито изображение маленькой собаки. Животные обращены вправо, за исключением нижнего марала, смотрящего влево. В центре этой группы выбита во фронтальной проекции антропоморфная фаллическая фигура. Ее верхняя часть заросла лишайником и не просматривается. На эстампаже в районе правого плеча фигуры проявилось некое углубление, напоминающее по форме силуэт сидящей птицы. Однако не исключено, что это углубление имеет естественное происхождение.

Участок 3. Расположен в правом нижнем углу плоскости. Здесь выбиты фигуры двух козлов, обращенных вправо. Голову крайнего козла продолжает выбивка в форме зигзага. Вокруг – более мелкие резные изображения: 6 козлов с большими рогами, 5 безрогих животных, фронтальная антропоморфная фигура с подчеркнутым женским половым органом, а также два всадника. Ездовые животные представлены в виде совмещенных изображений коней и диких зверей. Помимо фигуративных изображений присутствует ряд линий, подчас образующих некие схематичные геометризованные формы.

Хронологический диапазон рисунков на фризе из Нижнего Инегеня охватывает примерно три тысячелетия. Вероятно, еще в конце эпохи бронзы были выбиты антропоморфный фертообразный персонаж и самая крупная статичная фигура козла с огромным полукруглым рогом. Маралы с вертикальными рогами – наследие раннескифского времени. Они напоминают аналогичные изображения из урочища Булан-Кобы, расположенного неподалеку от рассматриваемого памятника [3]. Эти ранние петроглифы выбиты аккуратной мелкоточечной техникой и по своей патинизации

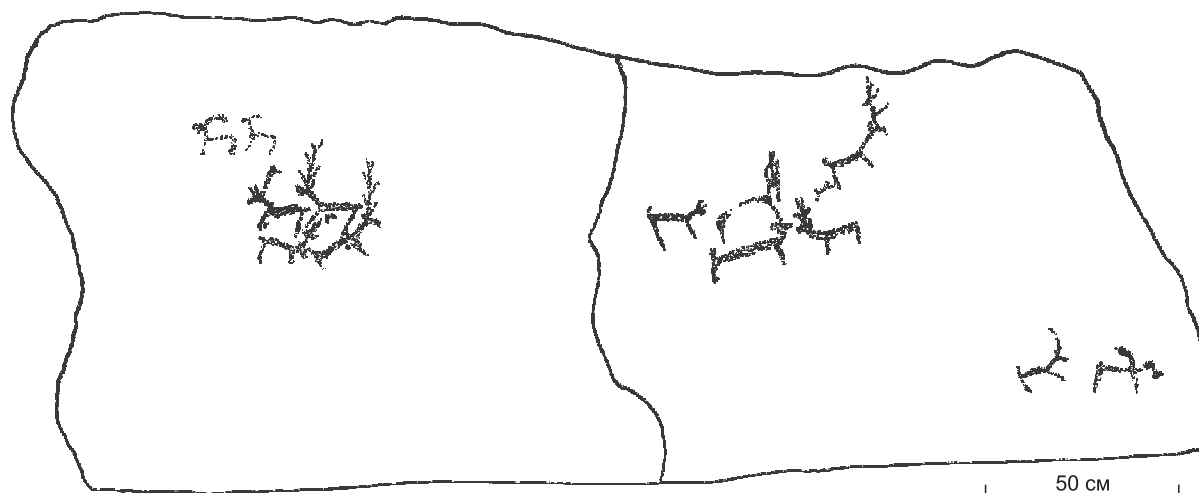

Рис. 1. Фриз из Нижнего Инегеня. Выбитые петроглифы. Шкала 50 см.

почти не отличаются от загара скалы. Рисунок маралов присуще особое изящество: тонкое, удлиненное туловище и непомерно высокие древовидные рога. Ноги же выбиты слегка наклонно, что придает образам зверей некоторую динамику.

Сравнительно недавно многие из ранних рисунков были заново пробиты глубокими грубыми ударами, отчего поновленные изображения смотрятся теперь значительно более темными на светлом фоне скалы (на рис. 1 и рис. 2 мы попытались отразить этот контраст новой и старой выбивки).

Следующий хронологический период связан со скифским временем. К нему можно отнести изобра-

жения двух козлов в левом верхнем углу на участке 1. Фигуры животных здесь еле заметны; они выбиты широкой линией, состоящей из отдельных мелкоочечных лунок и по загару почти не отличающейся от цвета скалы.

Резные изображения на участке 3 – это рисунки алтайцев. Нельзя сказать, что все они появились одновременно. Резные линии несколько отличаются по патинизации, а сами рисунки животных – по иконографии и стилистике. Временной диапазон их измеряется, надо полагать, несколькими столетиями – от этнографического времени до начала XX в. В частности, такие же изображенные в виде кружков копытца, что

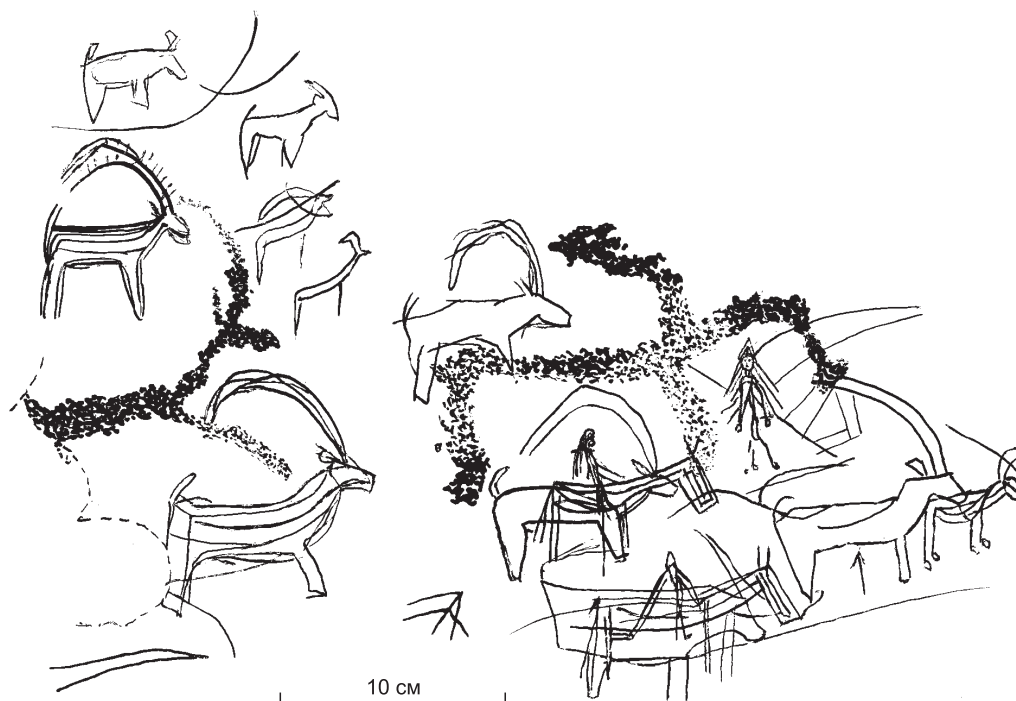

Рис. 2. Фриз из Нижнего Инегеня. Участок 3. Шкала 10 см.

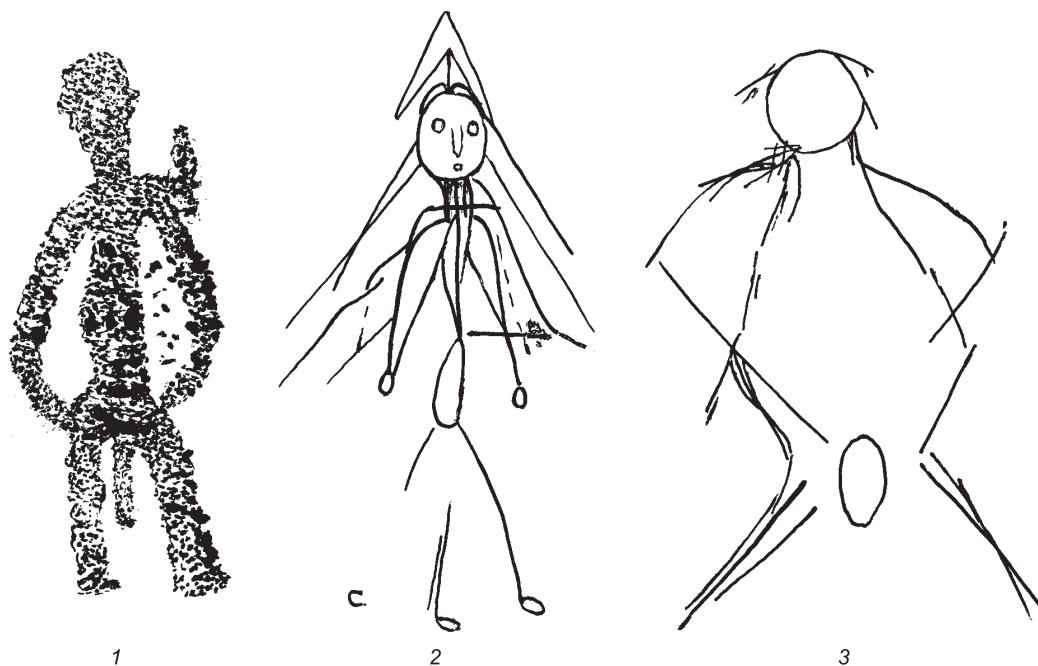

Рис. 3. Хозяева гор, тайги и зверей: 1, 2 – петроглифы Нижнего Ингеня; 3 – петроглифы Поперечной Красноярки.

у крайнего правого животного, мы встретили среди петроглифов Калтака на рисунке, датированном 1937 г. [4, рис. 4, 1].

Репертуар петроглифов нижнеингенского фризa отражает представления местных жителей, связанные с животными. Нельзя не отметить парность древних образов; это наводит на мысль о главенствующей идее плодородия-плодовитости зверей. Роль антропоморфного персонажа в этой связи остается неясной.

Художники, поновлявшие выбивкой древние изображения и вырезавшие новые, надо полагать, добивались того, чтобы в целом нижнеингенский фриз представлял одну многофигурную композицию с определенным содержанием. В сложившемся виде его назначение вписывается в круг традиционных представлений алтайцев, связанных с поверьями и обрядами зверового промысла. Считалось, что вырезанные, гравированные, процарапанные и прочие изображения животных на каменных плоскостях принадлежат хозяевам гор, так же как принадлежат им сами животные. Охотники верили, что во время промысла духи-хозяева незримо присутствуют рядом с ними. Строго следя за соблюдением профессиональной этики и ритуалов, принимая жертвенное угощение, слушая музыку и сказки и, возможно, любуясь рисунками, они посылают избранныкам своих животных [5, с. 68].

Тюрки Южной Сибири верили, что удача на охоте напрямую зависит от расположения духов-хозяев отдельных гор и местностей. Земные горные божества, именуемые обычно *ääzi* – «хозяева», выступали в представлениях алтайцев в антропоморфном облике [6, с. 180]. Иногда они являлись охотнику как в женском

так и в мужском образах [7, с. 124]. Кроме того, в нормативной сфере охотников Саяно-Алтайского региона большое место занимала сексуальная тема [8, с. 55]. Отправляясь на промысел, охотник не мог вступать в супружескую связь со своей женой. Мотивировалось это тем, что иначе ему не повезет на охоте, так как выходить на промысел надо «чистым» [6, с. 181]. Если во время сна охотник вступает в интимную связь с хозяйном тайги в образе женщины, то его ждет удача на охоте [7, с. 139]. В системе традиционных ценностей, как пишут исследователи, мужская потенция является гарантией производительных успехов, а удача в промысле оборачивается приращением потомства [5, с. 69].

Живучесть этих представлений подтвердил наш проводник Амыр Николаевич Самойлов в зимней экспедиции по Аргуту в 1998 г. Тогда же мы стали свидетелями необычного происшествия. Недалеко от нас вдруг появился большой старый козел-ала. Он стоял горделиво и неподвижно. Казалось, подстрелить его не стоило труда. Амыр спокойно прицелился и дважды нажал на курок. После осечек он отставил ружье в сторону и сказал: «Больше нельзя. Значит, это не простой козел». Возможно, что вот такого большого козла с огромными рогами и запечатлел древний мастер на участке 2. Вместе со стоящим на его рогах антропоморфом выбитый козел воспринимается, согласно охотничьей мифологии, в качестве ездового животного [9, с. 134]. Сама же фаллическая фигура, надо полагать, является изображением архаичного образа мужского горного духа.

Резчик недавнего времени выгравировал *таг-ээзи* в женском облике. В данном случае ее нечеловеческая природа проявляется в чрезвычайно длинных грудях. Хозяйка может их закидывать за плечи или зажимать подмышками [9, с. 135]. Молодой обнаженной женщиной с большими грудями она предстает также в фольклоре северных хакасов (кызыльцев) и шорцев [10, с. 88]. Нельзя не отметить, что выбитый визуальный образ хозяйки близок к фольклорным образам женских отпрысков божества Нижнего мира. В алтайском героическом эпосе «Маадай-Кара» внешний облик дочери Эрлика предстает в следующем виде:

Из перьев филина шапка на ней,
Из холщевых лент ее одежда
Развевается [в разные стороны]... [11, с. 332].

В шаманских камланиях у дочерей Эрлика женская сексуальность подчеркивается в довольно неприглядных красках:

С vulva'ми, как земная трещина,
С грудями, как холмики [12, с. 9].

Акцентация в изображении таг-ээзи полового органа имеет давнюю традицию; в частности, он отчетливо выделен и в нижеинегеньском фаллическом персонаже, и в рисунке окруженной животными женской антропоморфной фигуры в петроглифах Поперечной Красноярки эпохи бронзы [13, рис. 15]. А последнюю, в свою очередь, можно сопоставить с изображением владычицы зверей из расположенного неподалеку святилища Зеленого Озера той же каракольской культуры [14, рис. 14].

Естественно возникает вопрос о смысле двух всадников и совмещенных животных, на которых они восседают. Раскрытию их семантики помогают полевые записи Л.П. Потапова. Он услышал от алтайцев рассказ, в котором фигурируют трое горных хозяев. Все они были в образе голых девиц [7, с. 126]. Надо полагать, и в нижеинегеньском фризе изображены три горные хозяйки, причем две из них доставляют зверей охотнику. Наложение контурных изображений животных также находит свое объяснение в записях Л.П. Потапова. В том же рассказе говорится о том, что горные хозяйки решили откупиться лошастью. Однако на утро охотники убивают марала [7, с. 126]. В подобном шорском рассказе горный хозяин отдает охотнику лошадь, а утром в его петле оказывается сохатый [7, с. 126]. В совмещенных контурных изображениях с прямоугольными очертаниями голов трудно не узнать выступающих вперед лошадей, которых пригоняют

хозяйки гор, а вслед за ними – промысловых зверей, предназначавшихся охотнику. Не случайно эти трофеи еще раз изображены на скале несколько правее, но уже со стрелой, которая поразит зверя.

В целом на создававшемся в течение тысячелетий фризе из Нижнего Инегеня представлен в наглядном виде охотничий миф, отразивший традиционные представления алтайцев о священном для них промысле зверей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Изваяние эпохи бронзы из долины реки Нижний Инегень (Центральный Алтай) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. С. 33–36. (Тр. САИПИ; Вып. 3).
2. Маточкин Е.П., Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Петроглифы и рунические надписи на плитах из Кезек-Елани // Вопр. филологии. Сер.: Урало-алтайские исследования. 2010. № 2. С. 17–22.
3. Маточкин Е.П. Петроглифы Булан-Кобы // Комплексные исследования древних и традиционных сообществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 399–402.
4. Маточкин Е.П. Петроглифы Калтака // Древности Сибири и Центральной Азии: сб. науч. тр. Горно-Алтайск, 2009. № 1–2 (13–14). С. 59–73.
5. Октябрьская И.В., Черемисин Д.В. Охота среди скал (Древние и современные петроглифы Джурамала) // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 3. С. 63–71.
6. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991.
7. Потапов Л.П. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // Культура и письменность Востока. Баку, 1929. Кн. V. С. 123–149.
8. Октябрьская И.В., Черемисин Д.В. Оружие, достойное мужчин (по материалам петроглифики Алтая и сопредельных территорий) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 3. С. 51–56.
9. Тюхтенева С. Культ гор // Алтай – сокровище культуры. М., 2004. С. 134–139.
10. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988.
11. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М., 1973.
12. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск, 1994.
13. Маточкин Е.П. Петроглифы Поперечной Красноярки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4. С. 83–91.
14. Маточкин Е.П. Петроглифы Зеленого Озера – памятник эпохи бронзы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2. С. 104–115.

Статья поступила
в редакцию 4.02.2012 г.

УДК 903.08

Г.В. КУБАРЕВ

**ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В КОСТОРЕЗНОМ ИСКУССТВЕ ДРЕВНИХ ТЮРОК
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ***

канд. ист. наук
Институт археологии и этнографии СО РАН
г. Новосибирск
e-mail: gvkubarev@gmail.com

В статье рассматриваются орнаментальные мотивы, получившие наибольшее распространение в среде тюркоязычных кочевников на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древнетюркскую эпоху (VI–X вв.). Автор приходит к выводу о том, что наряду с такими орнаментами, как имитация узла и плетенки, циркульный и геометрический орнаменты, наибольшую популярность в оформлении роговых и костяных изделий у древних тюрок получили различные варианты растительной орнаментации в виде извивающегося побега, пальметт и т.п. Растительная орнаментация во второй половине I тысячелетия н.э. не только доминирует в искусстве древних тюрок, но и получает поистине евразийское распространение.

Ключевые слова: орнамент, косторезное искусство, древние тюрки, Центральная Азия, Южная Сибирь.

Сорок лет назад Б.И. Маршак отмечал, что степное искусство древнетюркского периода остается практически неизвестным [1, с. 51]. За прошедшие годы было исследовано большое число погребальных и поминальных памятников древних тюрок на территории Южной Сибири и Центральной Азии. Значительная часть материалов из этих памятников уже введена в научный оборот, многие из них содержат образцы декоративного косторезного искусства, реже – резьбу по дереву, бересте и камню.

К настоящему времени мы располагаем достаточной представительной серией образцов декоративного искусства древних тюрок в центрально-азиатском регионе. Наиболее многочисленную их группу наряду с металлическими деталями поясной и уздечной гарнитуры составляют предметы, выполненные из рога (кости): накладки на переднюю луку седла, детали украшения колчанов, наконечники плетей, игольники, гребни (рис. 1, 2). Эти предметы происходят из погребальных, а в редких случаях и из поминальных памятников древних тюрок. Перечислим лишь некоторые из них: Катанда II, к. 5 [2, рис. 8,1], Узунтал, к. 3 [3, рис. 10,1], Юстыд XII, к. 29 [4, табл. 32, 4,5], Джолин I, к. 10 [4, табл. 66, 2], Сутту-Булак, к. 54 [5, рис. 21, 2], Уйбат II, к. 2 [6, рис. 115].

Художественную резьбу по кости разделяют по технике обработки на объемную, рельефную и гравировальную [7, с. 97]. Эти разновидности обработки кости (рога), а также их сочетание в одном изделии в полной мере характерны и для резных роговых предметов древнетюркской эпохи. Как правило, роговые предметы имели сугубо утилитарное назначение. Их поверхность могли украшать гравированным или рельефным

орнаментом, а навершие или окончание – выполнено в виде объемного изображения узла, головы животного и т.д. К таким предметам принадлежат, прежде всего, наконечники и рукояти плетей, гребни, игольники. Пожалуй, специально для украшения древними тюрками изготавливались лишь роговые пластины – накладки на луки седла (рис. 2, 1, 3, 5). Часто эти роговые пластины, повторявшие форму лук седла, покрывались растительной орнаментацией, реже – многофигурными композициями, включающими изображения животных, всадников и т.д. В этой небольшой по объему публикации мы не претендуем на исчерпывающую сводку всех образцов декоративного косторезного искусства древних тюрок. Попытаемся, тем не менее, охарактеризовать наиболее распространенные в древнетюркскую эпоху орнаментальные мотивы. Редко встречаемые в древнетюркских материалах роговые предметы, навершия которых выполнены в виде голов животных, а также многофигурные гравированные сцены, включающие животных, всадников, изображения юрты и т.п., в данной статье не рассматриваются. Они представляют собой уникальные произведения косторезного искусства древних тюрок и не попадают под определение орнамента как узора, основанного на повторе и чередовании составляющих его элементов.

Одним из наиболее популярных орнаментальных мотивов в эпоху раннего средневековья являлся т.н. циркульный орнамент (рис. 1, 6). Он представляет собой серию из кружков с точкой в центре. Им часто украшались поверхности роговых накладок на берестяные колчаны, роговые подвески для пояса, навершия стеков, кочедыки. Необходимо отметить, что данный орнаментальный мотив является очень

* Работа выполнена в рамках ГК № 14.740.11.0766 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

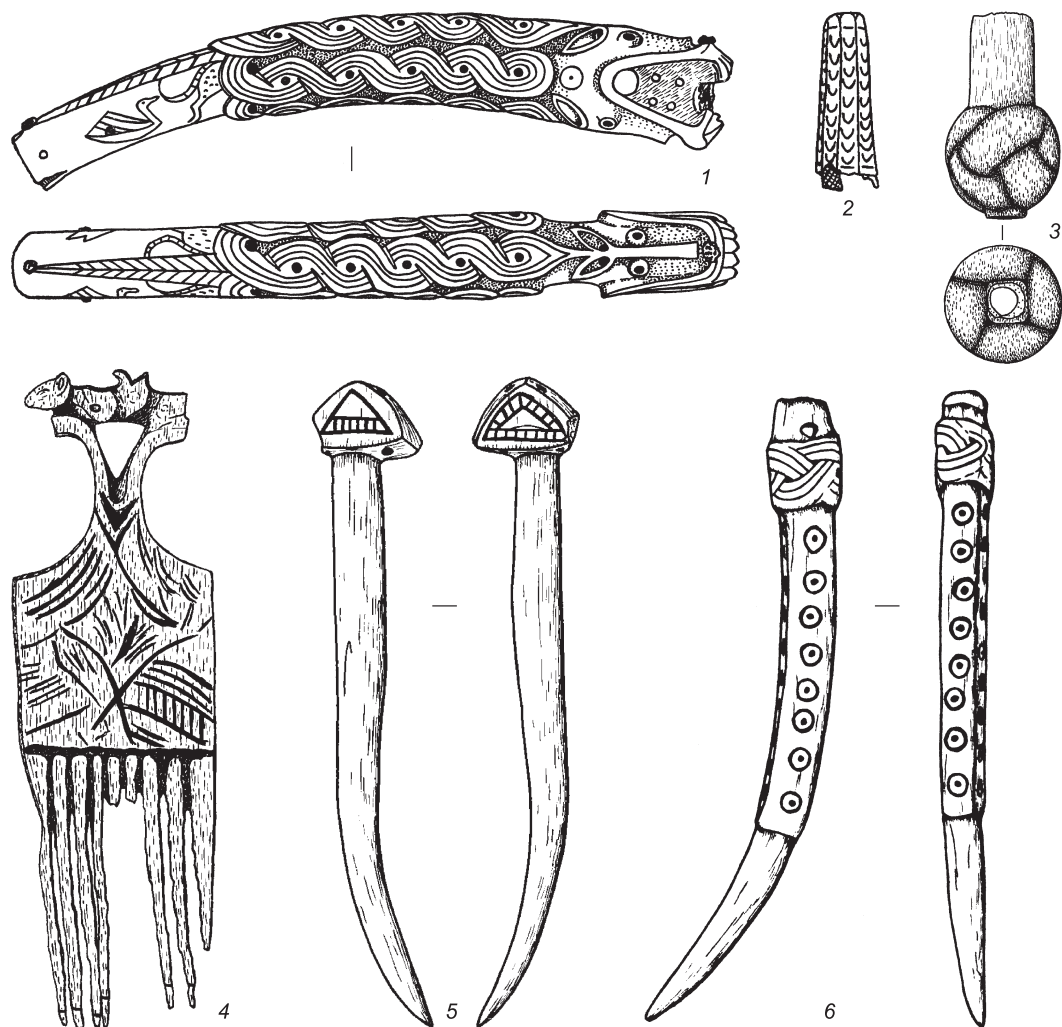

Рис. 1. Различные типы орнаментов в косторезном декоративном искусстве древних тюрков: плетенка (1), узел (3, 6), геометрический (4, 5) и циркулярный (6) орнаменты, насечки (2). Алтай. 1 – Курай IV, к. 1; 2 – Юстыд I, к. 8; 3 – Юстыд XII, к. 28; 4 – Балык-Соок I, к. 34; 5 – Юстыд XII, к. 29; 6 – Кадрин, скальное захоронение.

древним, он был распространен на территории Южной Сибири и Центральной Азии, по крайней мере, с эпохи ранних кочевников. Не исключено, что возникновение этого символа уходит своими корнями в эпоху бронзы. Традиционно и совершенно справедливо данный символ рассматривается как солярный, а также как символ плодородия [8, с. 32]. Невозможно не согласиться с мнением А.Д. Грача о том, что огромная территория распространения этого знака свидетельствует о его конвергентном возникновении у разных народов [8, с. 32]. Тем не менее наличие этого символа-орнамента на предметах скифской эпохи и древнетюркского времени на территории Алтая позволяет говорить о преемственности некоторых орнаментальных мотивов как следствии генетической связи населения различных исторических эпох. Этот символ продолжали использовать вплоть до этнографического времени.

Примером другого популярного в раннем средневековье орнаментального мотива является имитация плетенки (несколько кожаных ремешков, сплетенных

в одно целое) (рис. 1, 1) и узла (рис. 1, 3, 6). Объемная резьба в виде узла украшает очень многие изделия из рога и, прежде всего, навершия плетей (рис. 1, 3). Подобный мотив был известен и в более позднее время. Так, например, он воспроизведен на роговой рукояти плети XIV в. с Болгарского городища [9, рис. 2]. В одном из древнетюркских погребений на территории Алтая (Юстыд XII, курган 29) были обнаружены остатки халата, который застегивался с помощью галунов. Галун представляет собой шнурок, имеющий узел без видимого окончания. По нашему мнению, такой узел на одежде и его имитации в роговых изделиях использовались в качестве оберега, они имеют прямую аналогию с олзий – нитью счастья или бесконечным узлом у монголов [10, с. 190]. Значительно реже древними тюрками использовались различные варианты геометрических орнаментов (рис. 1, 4) и насечек (рис. 1, 2).

Наибольшее распространение и популярность в косторезном декоративном искусстве древних тюрков получила растительная орнаментация. Во второй по-

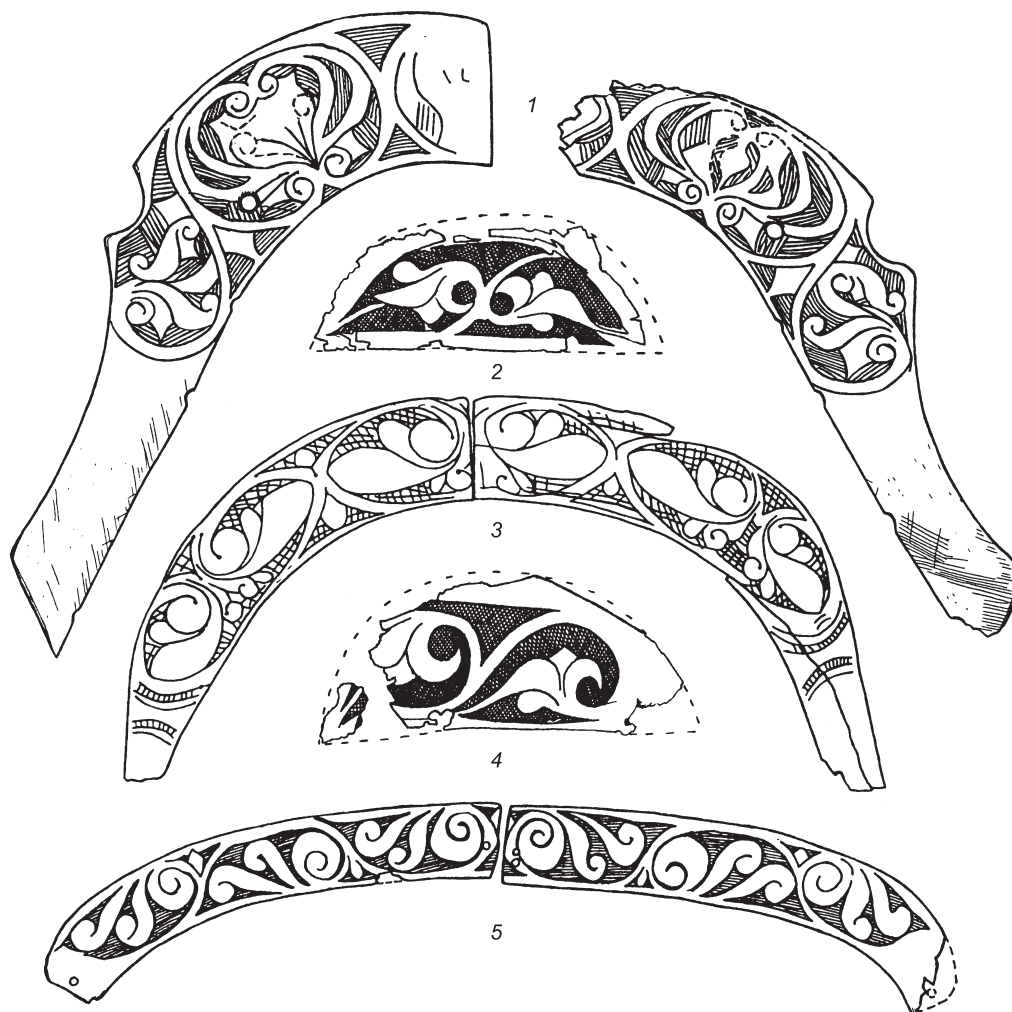

Рис. 2. Растительная орнаментация в декоративном искусстве древних тюрков.

1 – Юстыд XII, к. 29; 2, 4 – Яломан II, к. 4; 3 – Джолин I, к. 10; 5 – Катанда II, к. 5.

ловине I тысячелетия н.э. она доминирует не только в искусстве древних тюрков, но и получает поистине евразийское распространение – у многих других кочевников степной зоны, в суйском и танском Китае, Согде, Византийской империи. Она нашла свое воплощение и многократно тиражировалась не только на роговых предметах, но и на изделиях высокохудожественной тюревтики – в золоте, серебре и бронзе, в резьбе по камню и дереву, наконец – при украшении ковров и шелковых тканей. Растительная орнаментация становится своеобразным художественным «языком» древнетюркской эпохи и отражением социального престижа и имущественного положения. Ею украшены согдийские серебряные сосуды и древнетюркские серебряные и позолоченные пояса, дорогое клинковое оружие и китайский шелк. Мы находим ее на одежде суйского императора Вэньди и золотом головном уборе тюркского Бильге-кагана. Феномен столь широко используемой растительной орнаментации можно сопоставить лишь с былым распространением звериного стиля в евразийских степях в скифскую эпоху.

Наиболее популярным орнаментальным мотивом у древних тюрков выступал извивающийся побег с попеременно отходящими от него цветками. У детально прорисованных цветков можно различить бутон ромбической формы и три значительно более длинных и закрученных лепестка (рис. 2, 2). Именно эта деталь образовывала большое число вариантов растительного орнамента. Например, два симметрично «связанных» цветка составляли пальметту. Из них могли складываться S-образные фигуры либо разнонаправленные побеги (рис. 2, 2). Иногда побег образует сложное симметричное сочетание лепестков (рис. 2, 1). На некоторых образцах цветки заметно стилизованы и имеют только два лепестка, а на других они уже деградировали в запятые. Известна композиция, в которой растительный орнамент стилизован под изображение бабочек (рис. 2, 3). Извивающийся побег, как нельзя кстати, подходил для окантовки либо для орнаментации длинных и узких по форме предметов, таких как накладки на лук седла, рукоять плети и т.п. Сложные и строго симметричные композиции служили для украшения всего орнаментального поля изделия.

Традиционно и совершенно справедливо расцвет в использовании растительной орнаментации древними тюрками, а также другими кочевыми и оседло-земледельческими этносами большинство исследователей относят к VIII в. Однако находка железной накладки на луку седла из Бугутского памятника на территории Монголии позволяет предположить знакомство древних тюрков с подобной орнаментацией уже в VI в., т.е. в эпоху Первого Тюркского каганата. В свете этого заимствование древними тюрками в VII в. согдийской пальметты и ее трансформации в «растрепанную пальметту» [1, с. 52] представляется не достаточно убедительным. Скорее наоборот, согдийцы заимствовали у китайцев и древних тюрков указанную растительную орнаментацию и творчески ее переработали. Данная орнаментика была известна в уже сложившемся виде в Китае в эпоху Северная Вэй (386–534 гг. н.э.) и в правление династии Суй (581–618 гг. н.э.), а у древних тюрков под влиянием китайцев распространилась, по-видимому, в VI в.

Трудно согласиться с мнением ряда ученых о том, что рассматриваемая растительная орнаментация у авар Центральной и Восточной Европы обязана своим происхождением Византии и позднее была распространена арабами вплоть до Китая [11, с. 129; 12, с. 246, 247]. В целом проблема происхождения такой растительной орнаментации далека от своего решения. Как на возможный источник ее происхождения можно указать на декор, известный еще в пазырыкской культуре Алтая [13, рис. 127, 30-132]. В то же время многие из элементов растительной орнаментации скифской эпохи имеют ближневосточное происхождение [14, с. 71].

В декоративном искусстве древних тюрков в сравнении с искусством других кочевников эпохи раннего средневековья (например, кыргызами или аvaraми) господствует растительная орнаментация. В нем, за редким исключением, отсутствуют зооморфные и антропоморфные персонажи, сложные композиционные сцены. Растительная орнаментация, несмотря на чрезвычайно широкое распространение, может в определенной степени служить этнокультурным индикатором древнетюркских памятников. На наш взгляд, именно создание Первого Тюркского каганата спо-

собствовало распространению в числе прочего моды на украшение предметов специфической растительной орнаментацией. Археологические памятники Средней Азии, Восточной и Центральной Европы, содержащие образцы подобной орнаментики, напрямую либо генетически связаны с древними тюрками.

Сложившаяся в эпоху раннего средневековья растительная орнаментация и, в частности, орнаментация в виде извивающегося побега оставалась такой же популярной у многих народов евразийской степной зоны и в эпоху развитого и позднего средневековья, а также вплоть до этнографической современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маршак Б.И. Согдийское серебро: очерки по восточной тюркитике. М., 1971.
2. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
3. Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102–122.
4. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.
5. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996.
6. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
7. Бородавский А.П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск, 2007.
8. Грач А.Д. Новое о добывании огня, происхождении и семантике циркульного орнамента // КСИА. 1966. Вып. 107.
9. Полубояринова М.Д. Костяные детали снаряжения средневекового всадника и лучника из Болгара // Сов. археология. 1986. № 2.
10. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
11. Daim F. Das awarische Gräberfeld von Leobersdorf, NÖ. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1987. Bd 1. 470 S.; Bd 2. 323 S.
12. Balint Cs. Die Awaren und der Osten aus historischer Sicht // Hunnen und Awaren. Eisenstadt, 1996. S. 229–235.
13. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
14. Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.

Статья поступила
в редакцию 21.02.2012 г.

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 930.26 (510+519)

М.А. ЯКУПОВ

КЕРАМИКА КОГУРЁ

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток
e-mail: lab39@mail.ru

В статье рассматривается керамика когурёской культуры. Вопросы, связанные с керамикой Когурё, практически не рассматривались в отечественной науке. С 2005 по 2009 г., обучаясь в магистратуре по археологии при университете Корё, автор имел возможность работать с керамическими коллекциями таких когурёских памятников, как Хон Ренбон 1-2, Ачасан 4, Гуыйдон, Сирубон, Хорогору, Ёнмасан 1-3. На основе полученных данных и опубликованных материалов автор представляет основные типы керамики и выделяет ее ведущие признаки.

Ключевые слова: Когурё, керамика Когурё, Гуыйдон, Мончхон, Ачасан, р. Ханган.

Благодаря проводившимся в течение последних нескольких десятилетий исследованиям археологических памятников Когурё китайскими, японскими и корейскими археологами накоплен и опубликован к изучению обширный материал, касающийся многих аспектов хозяйства и культуры когурёсцев, в том числе гончарства. Имеющиеся материалы и в особенности открытия новых когурёских памятников, сделанные в последние годы, позволяют осветить производство посуды у когурёсцев в таких аспектах, как типология сосудов, истоки и эволюция отдельных форм, связи с гончарством других культур.

До 1980-х гг. комплексных исследований керамики не производилось, так как предпочтение преимущественно отдавалось изучению гробниц и фортификации Когурё. Гэн Техуа и Линь Чжидэ на основе найденных при раскопках гробниц в Цзиане 96 керамических артефактов провели типологический анализ когурёской керамики. Опираясь на датировки гробниц, керамику исследователи отнесли к трем хронологическим этапам [1, с. 55–63].

В 1977 г. на территории г. Сеула, на северном берегу р. Ханган был раскопан памятник Гуыйдон, определенный как пэкческий могильник. Оказаки Такаси указал на необходимость сравнения керамики из Гуыйдона, с когурёскими сосудами из окрестностей Пхеньяна [2, с. 174–184]. В то же время Огата Идзуми отметил сходство высоких ваз с ручками, происходящих из Гуыйдона, с когурёскими [3, с. 28]. Но на тот

момент из-за недостатка в материалах вопрос о соотношении керамических материалов этномогиляника с когурёским остался до конца не решенным.

Поворотный момент в исследованиях когурёской керамики связан с началом исследований крепости Мончхон в Сеуле [4]. Керамика из раскопа в юго-восточной части крепости была разделена на четыре группы: серо-дымчатую плотную круговую керамику, серую рыхлую лепную керамику, красно-коричневую рыхлую лепную керамику и темно-желтую плотную круговую керамику. Три первые группы стали именоваться типом *мончхон*, а последняя группа по сходству с керамикой из Гуыйдона – типом *гуыйдон*. Ким Вонён отметил необходимость детального изучения серой плотной по структуре керамики из Гуыйдона и Мончхона, так как такая керамика встречается среди когурёской керамики в бассейне р. Амнокан. В дальнейшем тип керамики *мончхон* стал относиться к пэкческой, а тип *гуыйдон* – к когурёской культурам. Чхвэ Джонтхэк указал на то, что памятник Гуыйдон является не пэкческим могильником, а когурёским укрепленным пунктом [5, с. 73].

В 1993 г. Чхвэ Джонтхэк классифицировал формы керамики памятников бассейна р. Хан. В частности, для когурёских сосудов он выделил четыре способа оформления венчика: отогнутый с округлым краем, отогнутый с горизонтально срезанным краем, отогнутый с вытянутым вниз краем, отогнутый приотсранный [6, с. 32].

Когурёская керамика подразделяется на глазурованную и не глазурованную. Не глазурованные сосуды по составу теста делятся на две группы: изготовленные из крупнозернистой и тонкозернистой формовочной массы. Сосуды первой группы представлены немногочисленными слабопрофилированными невысокими лощеными лепными горшками. Для них характерно широкое устье, короткая шейка, слабопрофилированные плечики и тулово овальной формы. Сосуды второй группы изготовлены с использованием гончарного круга. Среди них выделяются: вазы, вазовидные сосуды, корчаги, тазовидные сосуды, пароварки, котловидные сосуды, миски, чаши на поддоне, крышки, тарелки, бутылки, сосуды на трех ножках (рис., 10). В настоящей статье работе рассматриваются наиболее распространенные типы сосудов, не покрытые глазурью.

Слабопрофилированные невысокие горшки высотой до 15 см по форме аналогичны лепным горшкам. На внутренней поверхности имеют хорошо сохранившиеся следы от наковальни, применявшейся во время формовки сосудов, а также следы вращения на круге в виде параллельных борозд. Несмотря на хорошо лощеную внешнюю поверхность, в верхней части тулова большинства таких сосудов сохранились следы от колотушки в виде рельефных субпараллельных неглубоких вмятин. Это связано с небольшой толщиной черепка (до 0,4 см) в этой части тулова. Часто на внутренней поверхности сосудов, в месте соединения дна и нижней ленты тулова остаются следы стыка в виде небольшого наплыва, на внешней стороне они тщательно затирались. Кроме того, внешняя поверхность многих сосудов имеет следы нагара и копоти, что может свидетельствовать об их использовании в качестве кухонной посуды.

Вазы (рис., 1) включают в себя вытянуто-округлые широкогорлые вазы с блюдовидно отогнутым венчиком и четырьмя ленточными ручками, прикрепленными выше наибольшего диаметра тулова. Диаметры венчиков таких сосудов варьируются в пределах 28–40 см, а высота 30–59 см. Находки такой керамики связаны либо с погребениями, либо с ритуальными местами. Согласно Чхвэ Джонтхэку подобные сосуды датируются IV–V вв. [7, с. 34].

Вазовидные сосуды – наиболее типичные когурёские сосуды. Они подразделяются на три типа. Для первого типа характерно высокое тулово и узкая горловина с отогнутым венчиком, высотный показатель тулова для них составляет 1,453. В свою очередь среди этого типа выделяются два подтипа: сосуды, у которых наибольший диаметр находится в средней части тулова либо ниже его, а плечики плавно переходят в горловину (рис., 2), и сосуды с наибольшим диаметром, расположенным выше средней части тулова, и крутыми округлыми плечиками, переходящими в прямую высокую горловину (рис., 3). На внутренней поверхности большинства вазовидных сосудов в месте стыка горловины и тулова сохранились следы вращения на круге. На небольшой части сосудов на внешней поверхности тулова зафиксированы различные следы от колотушки. В большинстве случаев с внутренней стороны тулова места соединения лент

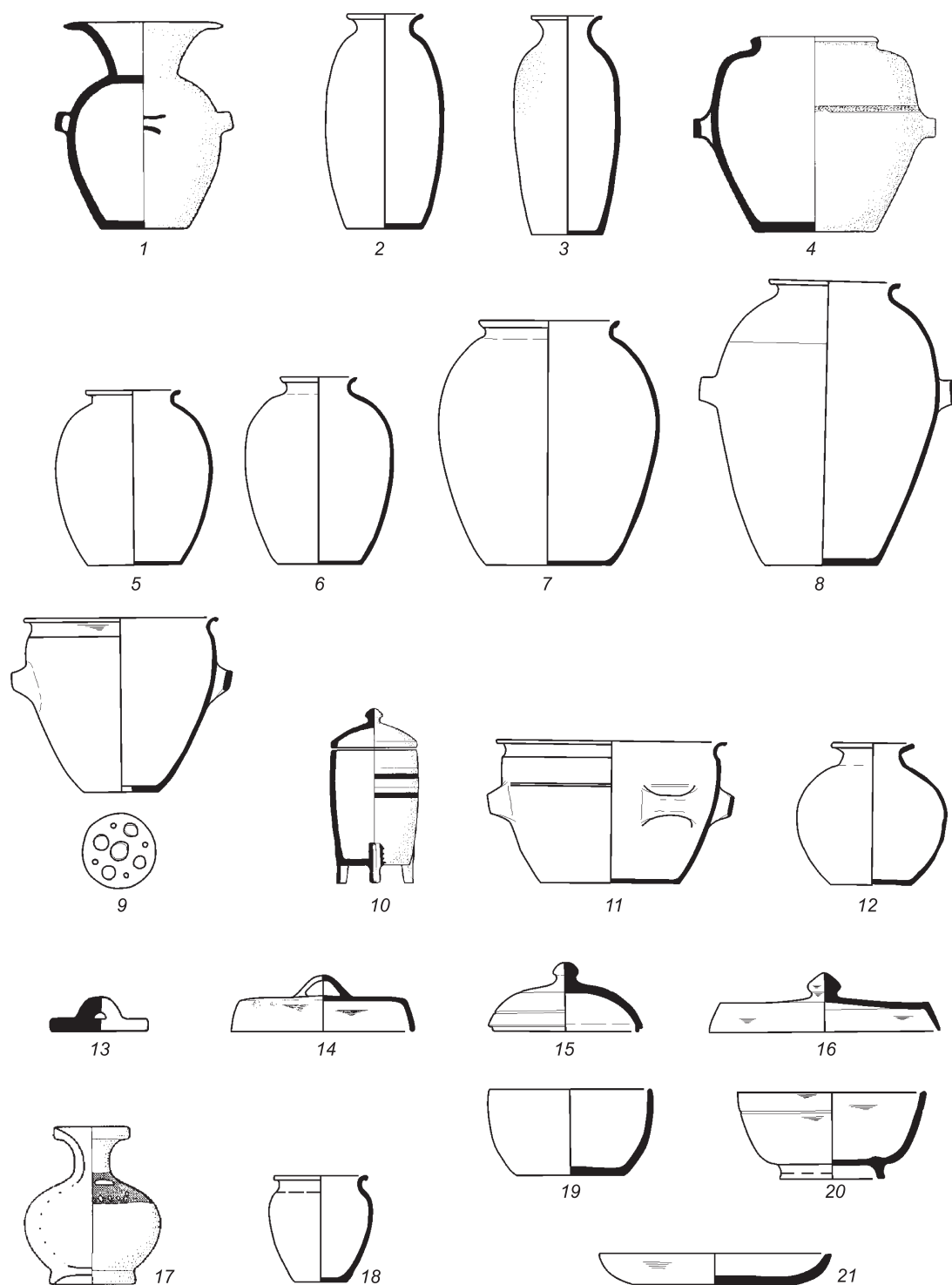
носят следы округлых вмятин от наковальни. На горных городищах Хон Ренбон 1, 2 и Ачасан 4 известны сосуды обоих подтипов с двумя прикрепленными ленточными ручками.

Наиболее распространенным орнаментом таких сосудов было горизонтально-полосчатое лощение в верхней и средней частях тулова, причем в одной из частей тулова. Сосуды с ручками, кроме горизонтального, украшались спиральным лощеным орнаментом либо имели одну прочерченную линию над ручками. Первый подтип известен по могильникам Сок Тханри [8] и Пон Донри, а также из памятников бассейна р. Ханган и р. Имчжинган. Сосуды второго подтипа наиболее часто встречаются на памятниках бассейна р. Ханган, единичные экземпляры известны в Цзиане. Если опираться на хронологические рамки существования памятников, то сосуды этого типа в целом можно отнести к среднему периоду Когурё, т.е. к IV–V вв. Следует однако отметить, что один сосуд, найденный в Цзиане на городище Куннэ (рис., 2), при сходстве с сосудами второго подтипа, все же имеет более округлые формы и пропорции, характерные для бохайских сосудов. Таким образом, сосуд из Куннэ может быть отнесен к финальному периоду Когурё.

Вазовидные сосуды (второй тип) со средним туловом по форме близки к вазовидным сосудам первого типа, но более приземистые и широкогорлые. Высотный показатель тулова для них равен 1,079. Это наиболее распространенная форма сосудов на когурёских памятниках. Внутри этого типа выделяются два подтипа. К первому можно отнести сосуды с наибольшим диаметром, расположенным ниже средней части тулова, и невысокой отогнутой горловиной, сразу переходящей в венчик (рис., 5). Сосуды второго подтипа имеют наибольший диаметр в средней или верхней части тулова, выделенную прямую горловину и отогнутый венчик (рис., 6). Сосуды первого подтипа известны по раскопанной в Цзиане гробнице Юйшаньха М3162, датируемой V в., и гробнице Анак 3 в Пхеньяне, датируемой IV в. На памятниках в бассейне р. Ханган, датируемых согласно летописным данным 475–551 гг., встречаются сосуды обоих подтипов. Отсюда можно предположить, что сосуды второго подтипа могли появиться не ранее V в.

Вазовидные сосуды с шаровидным туловом (третий тип) (рис., 12) имеют хорошо выделенную горловину, заканчивающуюся отогнутым округлым венчиком. Высотный показатель тулова для сосудов этого типа составляет 0,775. Во всех случаях они имеют стандартные размеры – высоту 18 см и диаметр венчика 11 см.

Корчаги, будучи очень крупными (высотой 40–80 см и диаметром венчика 25–50 см) тарными сосудами, в погребениях не встречаются, они известны по раскопкам горных и равнинных городищ в бассейне рек Хан, Имчжин, Амноккан, Тэдон. По форме они близки к сильнопрофилированным горшкам. Среди них можно выделить два типа: сосуды с наибольшим диаметром, расположенным в средней части тулова (рис., 7), и сосуды с наибольшим диаметром выше середины тулова (рис., 8). У некоторых образцов на

Когурёская керамика

1 – Масынгоу № 1; 2, 6–7, 11, 13, 16, 21 – Ачасан 4; 3, 9, 14, 18, 20 – Сирубон; 4 – Гаэрсанчэн; 5, 17 – Гуыйдон; 8, 15, 19 – Хонрёнбон 2; 10 – Мончхонтхосон; 12 – Хорогору 3.

тщательно лощеной внешней поверхности сохранились следы от выбивки колотушкой. Отличительная особенность больших корчаг состоит в том, что они собирались не из лент, а из лоскутов размерами 10–15 см. Ряд сосудов в месте наибольшего диаметра имеют по

две прикрепленные ленточные ручки. Датируются подобные сосуды средним и поздним Когурё.

Сосуды с вертикальной горловиной и прямым венчиком (рис., 4) по форме тулова близки к вазовидным сосудам второго типа и корчагам. Их отличии-

тельной особенностью является наличие невысокой прямой горловины, оканчивающейся вертикальным либо немного загнутым внутрь венчиком. Сосуды крупных размеров имели по 2–4 прикрепленные ленточные ручки, над которыми во всех случаях прочерчивалась неглубокая линия. Помимо прочерченного применялись различные виды лощеного орнамента: горизонтальный, спиральный и сетчатый. Причем сетчатый орнамент наносился на плечиках сосудов, а спиральный – в зоне крепления ручек. Сосуды этого типа появляются на ранних когурёских памятниках, но все они небольших размеров и не имеют ручек. Основываясь на этом, сосуды крупных форм с ручками можно датировать средним и поздним Когурё.

Тазовидные сосуды (рис., 11) при относительно низких размерах (18–34 см) имеют невысокую слабо выделенную горловину и широкое устье (20–60 см), заканчивающееся отогнутым венчиком. Высотный показатель для таких сосудов – 0,516. Внешняя и внутренняя поверхности сосудов тщательно залощены. Многие из них имеют по две, реже четыре ленточные ручки. В качестве орнаментации использовался прочерченный орнамент в виде линии над зоной крепления ручек, реже в нижней части тулова. Примечательно, что линию над ручками в большинстве случаев мастера старались затереть, по-видимому, она носила технологический характер. Наиболее распространенным был горизонтальный, спиральный и сетчатый лощеный орнамент. У сосуда из Хон Ренбон 2, помимо комбинации трех видов лощения на внешней поверхности, была украшена и внутренняя поверхность. Такие сосуды обнаруживались в основном при раскопках поселений и городищ и являлись тарными сосудами, хотя известны случаи их обнаружения при раскопках гробниц в Цзиане и в районе Пхеньяна. Самый ранний сосуд этого типа известен по материалам гробницы Юйшань М3103 в Цзиане, датируемой V в., соответственно время существования таких сосудов можно ограничить серединой – концом Когурё.

Пароварки при внешнем сходстве с тазовидными сосудами имеют немного вытянутое тулово и отверстия в днище (рис., 9). В большинстве случаев у сосудов по две ленточные ручки, но у пароварки из Гуьйдона ручки уплощенные конусовидные, по всей видимости, это заимствование из культуры Пэкче. В днищах пароварок прорезаны круглые или овальные отверстия диаметром 2,5–4 см количеством от 3 до 9, наиболее часто встречаются пароварки с 7, реже с 5 отверстиями. Единичны случаи с отверстиями менее 1 см.

Миски имеют округлые стенки, заканчивающиеся прямым либо скошенным внутрь венчиком (рис., 19). Высота их обычно не превышает 9 см, а диаметр устья варьируется в пределах 12–15 см, но отдельные экземпляры достигают в диаметре 18 см. Сосуды этого типа орнаментировались обычно одной горизонтально прочерченной линией, реже двумя.

Чаши на поддоне по форме аналогичны мискам крупных размеров с диаметрами венчиков 15–20 см и прикрепленным кольцевым поддоном (рис., 20), в отдельных случаях поддон сплошной.

Тарелки (рис., 21) характеризуются широким дном и низкими стенками, оканчивающимися округлым, прямым, скошенным внутрь или наружу венчиком. Самые ранние когурёские тарелки найдены в гробнице Анак 3.

Крышки представлены четырьмя типами: плоские без бортов с ленточной ручкой (рис., 13); с плоской верхней частью и расходящимися бортами (рис., 14); конусовидные с закраиной с внешней стороны в нижней части борта и шлемовидной ручкой (рис., 15); с отвесными бортами без закраины и с шлемовидной ручкой (рис., 16). Диаметры крышек – в пределах 12–40 см.

Бутылки представлены единичными экземплярами либо фрагментами, не позволяющими определить их форму. У сосуда, найденного на Гуьйдоне, шаровидное тулово, высокая расширяющаяся горловина и прямой венчик (рис. 1, 17). Внешняя поверхность тщательно залощена.

Подводя итог описанию различных типов когурёской глиняной посуды, можно выделить ее основные характерные признаки: преобладание керамики, изготовленной на гончарном круге, деление сосудов на изготовленные из крупнозернистой и тонкозернистой формовочной массы, наличие таких ведущих форм для гончарной посуды, как вазовидных, тазовидных сосудов, корчаг, пароварок, а также преобладание лощеного орнамента, использование выбивки при формовке сосудов.

По мнению большинства исследователей, истоки когурёской керамической традиции лежат в древних культурах бронзового и раннего железного века региона. Многие ее черты могли появиться в результате культурных заимствований. Так, на городище Унъюшаньчэн и в гробнице Юйшань 3241, датируемых не позже среднего периода Когурё, известны высокие горшки с четырьмя ручками, имеющие ближайшие аналогии на территории Внутренней Монголии в культуре сяньби [9, с. 890–893, 928] и не встречающиеся на когурёских памятниках после IV в.

Еще одна интересная проблема, возникающая при изучении когурёской керамики, это связь ее с последующей бохайской гончарной традицией. Несомненно, многие черты когурёского гончарства, такие как форма сосуда, технология изготовления керамики, орнаментация, были заимствованы и получили дальнейшее развитие в бохайской культуре. Однако этот вопрос пока не достаточно изучен в отечественной и зарубежной археологии и остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гэн Техуа, Линь Чжидэ. Преварительные итоги исследования когурёской керамики, обнаруженной на памятниках у г. Цзиань // Вэньбу. 1984. № 1. С. 55–63 (на кит. яз.).
2. Оказаки Такаши. Кокури Доки Токи Гива (Керамика и черепица Когурё). Токио, 1979. С. 174–184 (на яп. яз.).
3. Огата Идзуми. Кокури копуникансуру ситико-чугокусюан хаккацу часа-о тёса – тюсим нисте (Об археологических раскопках когурёских гробниц в Китае в районе Цзиань). Токио, 1985 (на яп. яз.).

4. Ким Вонён, Лим Хвечжэ, Пак Сунбаль. Мончхунтхосон-донгнам чигу палгуль чоса пого (Отчет о раскопках в юго-восточной части городища Монгчхун). Сеул, 1989. 302 с. (на кор. яз.).

5. Чхвэ Джонтхэк. Гуыйдон – тхогирюе тэхан гочаль // (Об исследовании керамики Гуыйдона) // Сб. науч. стат. музея Сеул. унта. Сеул, 1993. № 2 (на кор. яз.).

6. Чхвэ Джонтхэк. Исследование когурёской керамики бассейна р. Ханган // Хангук когохакпу. Сеул, 1995. № 33. С. 29–89 (на кор. яз.).

7. Чхвэ Джонтхэк. Когурё тоги ёнгу (Исследования когурёской керамики). Сеул, 1999. С. 34 (на кор. яз.).

8. Соктханри южок палгуль пого (Отчет о раскопках памятника Соктханри) // Сборник отчетов о раскопках археологических памятников. Б.м., 1980. № 12. С. 64 (на кор. яз.).

9. Чжао Юэ. Нэймэнгу Ююци Лабудалинь фасянь сяньби му (Погребения сяньби, обнаруженные в Лабудалинь, хошун Эю (Ар-гунь-Юци), Внутренняя Монголия) // Каогу. 1990. № 10. С. 890–893, 928 (на кит. яз.).

Статья поступила
в редакцию 10.02.2012 г.

УДК 902/904

Н.Л. БОЛДЫРЕВА¹, Д.П. ВОЛКОВ²

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ХЭЙШУЙ МОХЭ В ЗАПАДНОМ ПРИАМУРЬЕ

¹Благовещенский государственный педагогический университет,
г. Благовещенск

e-mail: nelyta@mail.ru

²Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области,

г. Благовещенск

e-mail: volk-d@yandex.ru

В статье рассматривается история археологических исследований памятников хэйшуй мохэ (найфельдская группа мохэской археологической культуры) востока Азии. Выделяются этапы изучения культуры, освещаются основные работы по данной проблеме.

Ключевые слова: Приамурье, Приморье, раннее средневековье, найфельдская группа мохэ.

Приамурье – регион России, изучение которого началось сравнительно недавно. Вместе с тем его история составляет не одно столетие. На территории Приамурья существовали различные культуры, оставившие после себя заметный след. Не случайно это богатое археологическое и этнологическое наследие не может оставить равнодушным ни одного исследователя, которого интересует прошлое Приамурья.

В публикации пойдет речь об археологических исследованиях памятников найфельдской группы мохэ в Западном Приамурье (см. рисунок), сыгравшей важную роль в процессе формирования этносов последующего периода.

Выделение мохэской археологической культуры связано с именем А.П. Окладникова, который определенным памятникам первого тысячелетия, открытым в Приамурье и Приморье, дал этническую характеристику как мохэских. Главным признаком, положенным в систему идентификации мохэских объектов, стала керамика. Классификация мохэских керамических сосудов впервые была выполнена ученым на материале приморского памятника у д. Осиновки. Тогда им были выделены горшковидные, баночные, вазовидные, чашевидные, блюдовидные формы сосудов. Исследователь в основу их характеристики положил три существенных признака: форму, особенности декора,

технику изготовления. По мнению А.П. Окладникова, «типично мохэский» сосуд изготавливался вручную, без применения гончарного круга, имел вазовидную или горшковидную форму и наlepной валик – карнизик, расположенный под венчиком [1, с. 184–187]. Это определение оказалось достаточно универсальным и было принято другими исследователями.

В Приамурье активные археологические исследования мохэской культуры были начаты в 1960–1970 гг. Они позволили открыть десятки памятников, отнесенных к мохэской культуре, часть которых была отнесена к найфельдской группе: Благословенное-2, Петровское Озеро, Амурсетский могильник, Кочковатка, Найфельд, Сикачи-Алян, Некипеловская Сопка, Гася. Исследования проводили А.П. Окладников, А.П. Деревянко, Н.Н. Забелина, В.Е. Медведев, С.В. Глинский и др.

Большой вклад в исследование мохэских памятников и изучение мохэской культуры в целом внесла Е.И. Деревянко. Тщательно осмыслив весь накопленный материал, она дала всестороннюю этнокультурную характеристику мохэской общности как глобальному историческому явлению средневекового Дальнего Востока, отметив, что уже в IV в. на территории юга Дальнего Востока существовали локальные варианты единой мохэской группы [2].

В начале 1980-х гг. О.В. Дьяковой был поставлен вопрос о месте мохэских сосудов в керамических комплексах культуры, что повлекло за собой пересмотр типологии сосудов, относимых к мохэским. Обнаружилось, что признаки «типично мохэского сосуда» встречаются только на лепной керамике и традиции ее изготовления отличаются четко выраженными особенностями (характер оформления краев лент, стыковка дна и тулова, выделка венчика и пр.). Это позволило О.В. Дьяковой сделать вывод о том, что «типично мохэский сосуд» является исконным для культуры, а керамика, как доработанная на круге, так и гончарная, несет в себе инокультурные традиции. Работая с лепной керамикой мохэской культуры, О.В. Дьякова предложила выделить пять групп памятников: михайловскую, гладковскую, троицкую, благословеннинскую и найфельдскую [3; 4, с. 13–15]. Особенности в традиционном керамическом производстве исследователь объясняет различной хронологией отдельных мохэских групп, обширностью региона распространения памятников, что предполагает некоторую их изолированность, и влиянием на мохэские племена разных аборигенных групп с их гончарными традициями. Следует отметить, что технологическое изучение керамики найфельдской группы мохэской культуры проводилось только на материалах могильников Найфельд и Кочковатка, расположенных в Еврейской автономной области, не относящейся к Западному Приамурью.

Одной из важнейших проблем, связанных с найфельдской группой памятников, является определение ее верхней хронологической границы. В Приморье найфельдские памятники в основном укладываются в рамки V–VII вв. В отличие от Приморья, для приамурских памятников этой группы абсолютные даты отсутствовали, поэтому верхняя граница определялась по аналогиям [5, с. 55].

Проследить процесс генезиса отдельных групп мохэской археологической культуры стало возможно лишь с появлением археологического материала с территории Западного Приамурья.

В 1964 г. А.П. Окладников и А.П. Деревянко обнаружили и произвели раскопки Новопетровского могильника, который располагался на правом берегу р. Дунайки при ее впадении в Амур. Всего было исследовано 5 могил. Найденные разрозненные человеческие кости позволили установить характер погребального обряда как вторичный. Раскопки могильника дали ценный керамический материал, в большей степени представленный сосудами найфельдской группы [6, с. 47–50]. В то же время среди коллекций Новопетровского могильника присутствуют формы сосудов, наиболее характерные для сосудов троицкого типа мохэской культуры, – банки, прямые по форме, со слабо выделенными плечиками, налепным валиком по венчику, рассеченным косой насечкой. Тулово сосуда украшено налепным валиком [6, с. 47–50; 7, с. 159]. Наличие такой керамики в найфельдских памятниках свидетельствует о взаимовлиянии двух соседствующих на одной территории групп населения.

Одно погребение найфельдской группы мохэ случайно обнаружено северо-западнее с. Сергеевки Благовещенского района, в 1 км западнее моста через

р. Маньчжурку. Был найден целый сосуд, железные наконечники стрел, половина нефритового кольца (диаметр 12 см), кости лошади и человека, в том числе фрагменты черепа.

Следующим шагом в изучении найфельдских памятников на территории Западного Приамурья стали раскопки городища на горе Шапка и одноименного могильника в начале 1980-х гг.

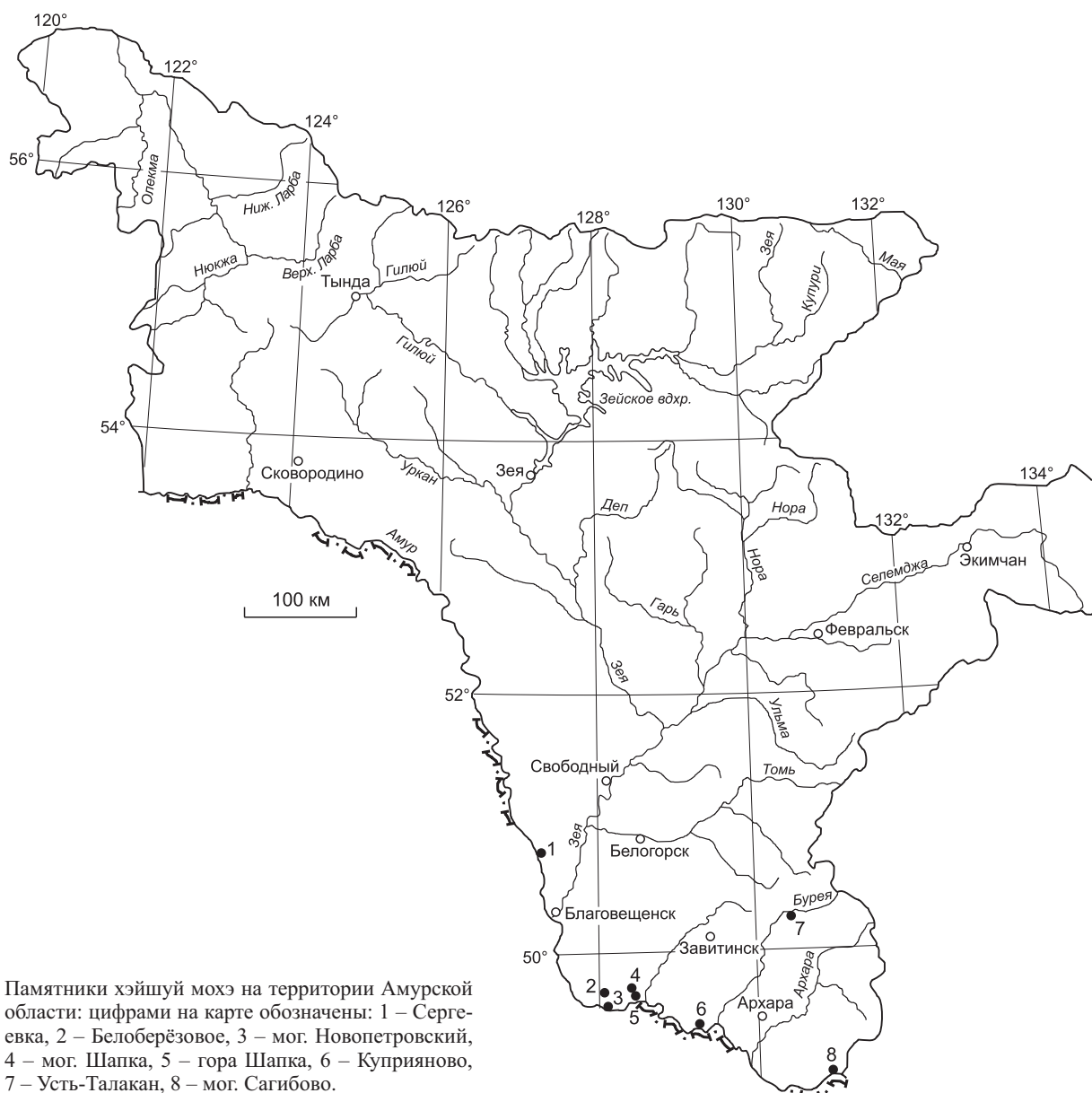
В 1981 и 1983 гг. под руководством Е.И. Деревянко проводились исследования на городище Шапка, которое являлось укрепленным форпостом амурских чжурчжэней. На основании нумизматического материала и радиоуглеродного датирования оно было отнесено к XI–XIII вв. В основной, западной, части городища было исследовано 4 жилища с каменными каналами [8, с. 110–126; 9, с. 145].

В 2 км к северу от горы Шапки обнаружен могильник Шапка, где в 1983 г. проводились раскопки под руководством С.П. Нестерова. Всего на памятнике было исследовано 41 погребение найфельдской группы мохэской культуры. Все захоронения, кроме одного труположения и одного трупосожжения, являются вторичными. Одной из характерных черт погребального обряда на могильнике является преднамеренная порча сопогребаемых вещей.

Сопроводительный инвентарь представлен: лепной керамической посудой; серебряными и бронзовой серьгами с нефритовыми дисками; одной железной серьгой с железным диском-подвеской; нефритовыми и яшмовыми кольцами; звеньями железных цепочек; стеклянными, каменными и железными бусами; поясами бронзовыми и железными бляшками; палашами, наконечниками копий и стрел; панцирными пластинами; фрагментом пластинчатого доспеха и шлемом; поясами и подпружными железными пряжками. В первой публикации материалов из могильника Шапка он был отнесен к кругу памятников троицкой группы и датирован IX–X вв. [10, с. 53].

Наиболее массовым материалом на могильнике Шапка является керамика, представленная в виде горшковидных, чашевидных и реже баночных сосудов. На вскрытой площади могильника в 250 кв. м обнаружено 30 археологически целых керамических сосудов (из них пять реконструируются только графически), одна крышка и 931 отдельный фрагмент [11, с. 158–159; 12, с. 286–293]. Изучение керамики позволило пересмотреть высказанное ранее мнение о принадлежности этого могильника к троицкой группе памятников. По морфологическим признакам и орнаменту шапкинская керамика отнесена к найфельдской группе памятников, а раскопанные погребения – к концу VII – IX в. [5, с. 57].

Исследования на Бурее в 1980–1990-е гг. позволили предложить новую концепцию этнокультурной принадлежности мохэского археологического материала. Объекты мохэской культуры здесь обнаружены на памятнике Усть-Талакан, Большие Симичи, Сухие Протоки-1, -2. На поселении Усть-Талакан были раскопаны жилище-2 и яма-погреб-2 с погребением ребенка найфельдской группы мохэ. На остальных памятниках обнаружены отдельные артефакты троицкой группы мохэ. Найфельдское жилище-2 не имело котлована, оно

возведено непосредственно на древней дневной поверхности. Представляло собой каркасную конструкцию из рамы квадратной формы (4×4 м) и четырех стропил, образующих четырехскатную кровлю пирамидальной формы. Покрытием скатов служила скорее всего береста или шкуры. Очаг сильно смещен от центра к одной из стенок и имел прямоугольную форму [13].

В 2002 г. на левом берегу Амура найден памятник найфельдской группы Куприяново. Обнаруженная здесь керамика по ряду признаков (орнаменту, венчикам) имеет прямые аналоги из могильников Новопетровского и Шапка. Что касается памятника Куприяново, то его тип однозначно пока не определен. В пользу могильника говорят небольшие западины. Однако ни во время раскопочных работ, ни при сборе подъемного материала здесь не были обнаружены кости человека. Наличие культурного слоя, насыщенного артефактами, большой западины, выявленной в обрыве берега, может

свидетельствовать о наличии поселения, но этому предположению противоречит большое количество небольших западин, которые, как показали раскопки западины № 1, не являются жилищами [14].

В 2008 г. сотрудники Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области под руководством Д.П. Волкова провели стационарные исследования поселения найфельдской группы на южном берегу оз. Белоберезового в Константиновском районе. Памятник представляет собой поселенческий комплекс, имеет на поверхности более 40 западин округлой формы с размерами 6–8 м, глубиной 0,4–0,5 м [7; 15]. Обнаруженные фрагменты сосудов, развалы и целые формы относятся к найфельдской группе, хотя на некоторых сосудах имеются элементы, характерные для гончарных изделий троичской группы мохэ, что и на посуде из Новопетровского могильника в устье р. Дунайки, вытекающей из оз. Белоберезового [6, с. 204].

Ранее на этом же памятнике на береговой полосе был найден развал сосуда найфельдской группы – с косым устьем [16].

В результате проведенного исследования двух жилищ памятника Белоберезового были определены основные конструктивные особенности домостроительства найфельдской группы мохэ. Жилища были каркасными без рамы-основы, но с дополнительными подпорными столбами под стропила в углах котлована, имели форму пирамиды. Выход из жилища находился в скате кровли, он был оборудован дополнительной земляной ступенью внутри котлована [17, с. 254–255].

В 2009 г. археологические работы были возобновлены на городище на горе Шапка. Исследователи уточнили фортификацию памятника, определили структуру и стратиграфию вала, начали раскопки в восточной части памятника, отгороженной дополнительно внутри основного периметра городища небольшим валом высотой 0,3–0,4 м и рвом глубиной до 1,8–2 м [18, с. 355; 19]. В 2010–2011 гг. здесь был обнаружен слой, относящийся к найфельдской группе мохэ, а также жилища с котлованом, засыпанные более поздними обитателями городища.

Исследованные А.П. Окладниковым, А.П. Деревянко, Е.И. Деревянко, Б.С. Сапуновым, В.В. Сухих, С.П. Нестеровым, Д.П. Болотиным, Н.Н. Зайцевым, Д.П. Волковым и другими археологами памятники мохэской культуры в Приамурье в целом и в Западном Приамурье в частности позволяют проследить развитие данной культуры, в том числе найфельдской группы, на протяжении раннего и отчасти развитого средневековья. Раскопки на Буре новых памятников михайловской группы, их датировка III–VII вв. и сопоставление археологического материала с данными письменных источников дали возможность исключить ее из мохэской общности и выделить в самостоятельную михайловскую культуру, датируемую III–X вв. Возросший объем информации позволил С.П. Нестерову сделать вывод о том, что собственно мохэскую культуру представляют найфельдская и троичская группы памятников. В найфельдскую он включил благословеннинскую группу. Сравнение их радиоуглеродных дат показало, что благословеннинская группа является локальной. В Западное Приамурье найфельдская группа мохэ мигрировала в VII в., потеснив носителей михайловской культуры. В VIII в. сюда же переселились бохайские сумо мохэ из Южной Маньчжурии. Последние после слияния с населением михайловской культуры оставили археологическую троичскую группу памятников. Проживание на одной территории троичских и найфельдских мохэ в некоторых случаях приводило к незначительному взаимопроникновению отдельных элементов их керамических традиций (в морфологии и орнаментике).

С.П. Нестеров предложил выделить три хронологических этапа, характеризующих найфельдскую группу памятников: IV–V–VII; VIII–IX и X–XIII вв. Что касается этнической принадлежности носителей найфельдской группы памятников, ученый придерживается мнения о том, что они относились к племенам хэйшуй мохэ [20, с. 162].

Одним из этапов изучения мохэской культуры в целом и найфельдской группы памятников в частности стала предложенная О.С. Кудрич новая классификация форм сосудов [21].

Типология лепной посуды найфельдской группы мохэской культуры, данная О.В. Дьяковой, включает три типа сосудов: вазовидные, горшковидные, чашевидные [3, с. 40–60]. Накопившийся амурский материал позволил ее расширить. Изучение керамических комплексов найфельдской группы мохэской культуры Западного Приамурья (всего 33 археологических целых сосуда и множество фрагментов керамики с памятников: мог. Шапка, Новопетровский, городище на горе Шапке, пос. Усть-Талакан) позволило О.С. Кудрич выделить шесть основных морфологических типов сосудов – горшковидные, баночные, чаши, вазы, крышки и сосуды с косым устьем, а также несколько вариантов в рамках одного типа [21].

В настоящее время к памятникам найфельдской группы мохэской археологической культуры в Западном Приамурье относятся: могильники Новопетровский, Шапка, Куприяновский, могильник у с. Сагибово (напротив о. Урильского), погребение у с. Сергеевки, сезонная стоянка Усть-Талакан (жилище-2 и яма-погреб-2), поселения на горе Шапке, на оз. Белоберезовом. Это несравненно меньше, чем количество памятников троичской группы мохэ. Различия гончарных традиций, особенности домостроения троичской и найфельдской групп мохэ, их антропологическое отличие [22; 23] подводят к мысли о существовании двух археологических культур мохэ в Западном Приамурье [24, с. 162–163].

ЛИТЕРАТУРА

1. Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.
2. Деревянко Е.И. Племена Приамурья. 1 тысячелетие нашей эры. (Очерки этнической истории и культуры). Новосибирск, 1981.
3. Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV–X вв. М., 1984.
4. Дьякова О.В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока (по материалам керамического производства). Владивосток, 1993. Ч. I–III.
5. Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск, 1998.
6. Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975.
7. Волков Д.П., Зайцев Н.Н. Предварительные итоги археологического изучения жилищ найфельдской группы мохэ на озере Белоберезовом в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2008. Т. 14. С. 157–159.
8. Деревянко Е.И. Городище на горе «Шапка» // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск, 1988. С. 110–126.
9. Нестеров С.П., Кузьмин Я.В. Периодизация культур раннего железного века и Приамурья // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 1999. Вып. 2. С. 140–152.
10. Нестеров С.П., Росляков С.Г., Тетерин Ю.В. Могильник Шапка – памятник эпохи средневековья на Среднем Амуре // Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре. Новосибирск, 1987. С. 46–72.
11. Нестеров С.П. Керамика могильника Шапка // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск, 1990. С. 157–171.

12. Нестеров С.П., Кудрич О.С., Комарова Н.А. Коллекция керамической посуды из могильника Шапка // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: Материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока. Благовещенск, 2003. С. 286–293.

13. Древности Бурей. Новосибирск, 2000.

14. Нестеров С.П., Кудрич О.С., Сапунов И.Б., Шеломихин О.А. Новый памятник хэйшуй мохэ на Амуре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. С. 408–413.

15. Волков Д.П. Домостроение найфельдской группы мохэ в Восточной Азии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. Новосибирск. 2011. С. 176–182.

16. Кудрич О.С., Наумченко Б.В. Сосуд редкой формы с озера Белоберезового // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. С. 389–391.

17. Волков Д.П. Строительные традиции найфельдского поселения на озере Белоберезовом в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2009. Т. 15. С. 252–256.

18. Щербинский Е.В. Фортификационные сооружения на горе Шапка // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология. Иркутск, 2010.

19. Зайцев Н.Н., Волков Д.П., Щербинский Е.В. Городище на горе Шапка. Особенности фортификации // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск, 2011. С. 281–287.

20. Нестеров С.П. Этнокультурная история народов Приамурья в эпоху раннего средневековья: Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2001.

21. Кудрич О.С. Керамические традиции племен Приамурья в древности и средневековье: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005.

22. Алексеев В.П. Материалы по краниологии мохэ // Палеоантропология Сибири. М., 1980. С. 106–130.

23. Чикишева Т.А., Нестеров С.П. Некоторые результаты антропологического исследования могильника Шапка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 458–462.

24. Болотин Д.П. Мохэские традиции в Западном Приамурье // Традиционные культуры востока Азии. Благовещенск, 2010. Вып. 6. С. 156–164.

Статья поступила
в редакцию 06.02.2012 г.

УДК 902/904+913

А.С. КРАВЦОВА¹, А.В. ТАБАРЕВ²

ЗАГАДОЧНЫЙ РЕГИОН: АРХЕОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: olmec@yandex.ru

² Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: toksotes@yandex.ru
д-р ист. наук

В статье приводятся данные о степени освещенности в российской археологической литературе доколумбовых культур Центральной Америки. Этот регион никогда не изучался отечественными исследователями в рамках экспедиций или специальных проектов, имеющаяся информация весьма эскизна и во многом устарела.

Ключевые слова: археология, Центральная Америка, культуры, доколумбова эпоха.

Еще совсем недавно вопрос к большинству коллег о том, что они знают про археологию Центральной Америки, вызывал определенное замешательство. Кто-то неуверенно говорил о гигантских каменных шарах в джунглях Коста-Рики, кто-то вспоминал слово «кастик», связанное с вождями карибских племен времени конкисты.

За последние годы благодаря развитию туристической индустрии, информационных возможностей Интернета и разнообразных телепрограмм, посвященных Центральной Америке, интерес к древностям этой части света значительно возрос.

В Новосибирском научном центре американистика представлена как образовательная дисциплина (кур-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00092 «Ритуально-обрядовая посуда культуры дземон: особенности и тихоокеанские параллели».

сы лекций для бакалавров и магистров на отделении археологии НГУ, учебные пособия) и как научное направление (сектор зарубежной археологии Института археологии и этнографии СО РАН), ведется работа по нескольким научным проектам, налаживается сотрудничество с коллегами из стран Мезоамерики, Южной и Центральной Америки [1; 2; 3].

С другой стороны, отечественные американисты (в том числе сибирские) практически не имеют специальных площадок для презентации материалов и дискуссии по проблемам доколумбовых культур. В России нет ни одного периодического издания (журнала, альманаха) по данной теме. Исключение составляет, пожалуй, журнал «Латинская Америка», но он публикует статьи по всему спектру научных проблем – от политики и экономики до истории и культуры. Нет даже формального объединения (общества) российских американистов, конференции или симпозиумы указанных специалистов проходят крайне редко, сборники статей выходят раз в пять-шесть лет.

Итак, *географически* центральноамериканский регион включает в себя территорию, простирающуюся от границы Мексики на севере до границы с Колумбией на юге (524 000 кв. км, что больше, чем площадь таких стран как, например, Япония или Швеция). Здесь расположены семь самостоятельных государств (Гватемала, Белиз, Сальвадор, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа и Панама), в которых проживает около 45 млн чел.

Гораздо сложнее с границами Центральной Америки как *историко-культурной зоны*. Территория доколумбовой Центральной Америки являлась связующим звеном, своеобразным мостом между двумя нуклеарными зонами Нового Света – Мезоамерикой и Перу. Доколумбовые культуры этого региона испытывали сильное влияние вышеобозначенных очагов высокоразвитых цивилизаций. Неслучайно в зарубежных археологических исследованиях Центральная Америка определяется как «промежуточная область» (Intermediate Area), однако это несколько не умаляет ее значение в области археологических исследований Американского континента.

По мнению одних исследователей, южная граница Мезоамерики совпадает с границей распространения культуры майя, включая территории Гватемалы, Белиза, Сальвадора и западной части Гондураса. Таким образом, на собственно Центральную Америку приходятся восточные районы Гондураса, Никарагуа (целиком или юго-восточной частью), а также территории Коста-Рики и Панамы. Другие специалисты указывают на условность южной границы Центральной Америки, поскольку накануне конкисты на территории Панамы и большей части Колумбии существовали культуры, принадлежавшие к одному этносу (чибча).

В отечественной археологической литературе Центральной Америке, по сравнению с Мезоамерикой, Южной Америкой и Карибским бассейном, уделено гораздо меньше внимания. В энциклопедии «Всемирная история» [4] при характеристике процесса первоначального заселения Нового Света Центральная Америка как регион не фигурирует вообще, а при описании культур последующего периода в контексте

«Центральной Америки» упоминаются лишь Мексика и Гватемала в классический и постклассический периоды (300–900 гг. н.э. и 900–1521 гг. н.э. соответственно).

В «Советской Исторической Энциклопедии» [5; 6] статья о «Центральной Америке» вовсе отсутствует, исторические очерки предельно сжатые – в одно предложение, без хронологической привязки, а сведения о заселении, культурах и особенностях региона практически отсутствуют.

Фактически первая обзорная статья по древнейшим периодам Мексики и Центральной Америки (в переводе с испанского В.А. Башиловым) появилась в сборнике «Проблемы археологии и древней истории стран Латинской Америки» [7].

Наибольший вклад в освещении древних культур Центральной Америки сделан В.И. Гуляевым. Упоминания об отдельных находках и памятниках имеются уже в первом издании его научно-популярной книги «Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху» [8]. В 1992 г. вышла его работа «Археология Центральной Америки» [9], которая явилась первым в советской исторической литературе обобщающим исследованием по древним культурам так называемых малых стран Центральной Америки – Сальвадора, Гондураса, Никарагуа и Коста-Рики. Хронологические рамки исследования охватывают всю доколумбовую историю региона – от эпохи первоначального заселения первобытным человеком до испанского завоевания. В ней также приводятся общие сведения о регионе, дается его природно-географическая характеристика, освещается значение Центральной Америки в контексте археологии Нового Света. Сам автор указывает, что работы по доколумбовой истории рассматриваемых им территорий в советской историографии «вообще практически отсутствуют».

Область интересов В.И. Гуляева (культура майя) во многом определила географические рамки его исследования: все четыре рассматриваемые им страны находятся на южной периферии мезоамериканской цивилизации, в сфере ее непосредственного культурного влияния. Из повествования выпали исследования археологии Панамы, которая имеет непосредственное отношение к Центральной Америке, но в облике своих культур запечатлела скорее влияние южноамериканской цивилизации.

В рассматриваемой монографии В.И. Гуляев обосновывает свою хронологическую периодизацию, выделяя для этой территории обширные периоды. Впервые эта схема изложена им в более ранней работе [10], здесь же она приведена с некоторыми модификациями: с описанием культурных особенностей каждого периода применительно к территории Центральной Америки (преимущественно в связи с установлением торговых связей и влиянием цивилизации Мезоамерики). Весьма символично, что его книга вышла в свет в год столетия одного из основоположников «тропической археологии» – С.К. Лотропа (1892–1965 гг.), многие годы плодотворно работавшего на раскопках стоянок и поселений древних культур Коста-Рики, Панамы, Сальвадора и Никарагуа.

С момента публикации книги В.И. Гуляева прошло 20 лет, а источникам, которыми он пользовался при написании книги (публикации 1960 – середины 1980-х гг.), – уже около полувека. За это время корпус данных по археологии региона принципиально обновился, появились новые тематические журналы на английском и испанском языках, вышел ряд обобщающих публикаций как по отдельным странам, так и по региону в целом [11; 12; 13]. На территории Центральной Америки ежегодно работают многочисленные совместные экспедиции и археологические полевые школы. Например, экспедиция Университета Калгари (Канада) в Никарагуа, экспедиция Университета Канзас (США) в Коста-Рике, филиал Смитсоновского института (США) в Панаме и др.

В 2008 г. В.И. Гуляев опубликовал монографию «Древние цивилизации Америки» [14], в которой подводятся итоги его более чем тридцатилетних исследований. Историко-культурной области Центральной Америки посвящена последняя небольшая глава, но речь в ней идет исключительно об археологии Никарагуа (история завоевания, природно-географические условия, колониальный период, археологические культуры). Автор по-прежнему уверен, что археологически регион Центральной Америки изучен очень плохо, а его история представляет сплошную загадку, что, безусловно, не соответствует истине.

Другой российский исследователь – Е.Г. Дэвлет – посвятила свои работы художественным изделиям из камня с территории Центральной Америки [15; 16; 17]. В своей монографии «Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки» автор не ограничивается описанием искусства племен, населявших этот регион. Она также определяет границы понятия «Центральная Америка», дает краткую характеристику природно-географическим и культурным аспектам. В своей работе автор пользуется хронологией, данной В.И. Гуляевым [9, с. 22].

Целый ряд полезных ссылок и сюжетов, связанных с древними культурами Центральной Америки, содержится в публикациях Э.Г. Александренкова – крупнейшего отечественного специалиста по Карибскому региону [18; 19; 20]. На основе многочисленных археологических и этнографических материалов им доказывается активное взаимовлияние и взаимодействие народов Мезоамерики, Центральной Америки и Южной Америки с островной частью Карибского бассейна в доколумбову эпоху (Куба, Гаити, Ямайка и др.).

В 2002 г. Издательством Тульского государственного педагогического университета был выпущен учебник В.Г. Зубарева «История древней Центральной и Южной Америки» [21]. Во введении к нему дается территориальное и общее хронологическое деление для этих регионов. Однако, как становится понятно из содержания учебника, под Центральной Америкой автор понимает в первую очередь Мезоамерику, включающую в себя Центральную Мексику и Юкатан, Гватемалу, Гондурас, Сальвадор и часть Никарагуа. Кроме того, выделена промежуточная область, в которую включены «остальные страны Центральной Америки, а также андские районы Колумбии и Эква-

дора» [21, с. 4]. Данное определение промежуточной области не находит в тексте никаких обоснований и не соответствует ни одному территориальному делению из зарубежной историографии.

Собственно говоря, сегодня скромная библиография работ по археологии Центральной Америки в отечественной литературе указанными изданиями и ограничивается. Есть ли основание для изменения этой ситуации и насколько важен центральноамериканский регион для сибирских исследователей?

Напомним, что Центральная Америка – это тропический регион, обращенный к огромному тихоокеанскому миру, заселение и освоение которого во многом определялось культурными импульсами с территории северо-востока Азии. Согласно одной из наиболее актуальных гипотез, проникновение человека в Новый Свет происходило вдоль побережья (преимущественно тихоокеанского) Северной Америки, Мезоамерики и Центральной Америки, согласно другой – по континентальной части Северной Америки в Южную, через территорию Центральной. И в том, и в другом случае получается, что на территории Центральной Америки сосредоточены немаловажные свидетельства ранних миграций.

В раннем голоцене (архаический период) в этом регионе возникают интереснейшие хозяйственно-культурные типы с преобладанием присваивающей и производящей экономики. Значительно раньше, чем в Мезоамерике, здесь появляется керамическая посуда и антропоморфная пластика (формативный период), а впоследствии и технология изготовления изделий из золота (Коста-Рика, Панама). Последние по своему качеству и разнообразию соперничают на равных с шедеврами искусства астеков, мочика и миусков. Семантика различных форм центральноамериканского искусства находит удивительные аналогии в культурах дальневосточного региона. Оригинальные формы социальной организации древних культур Центральной Америки послужили основой для разработки популярных ныне моделей среднемасштабных обществ и вожеств, которые могут быть использованы в реконструкциях на сибирско-дальневосточном материале.

Сюжет о раннекерамических традициях в Центральной Америке заслуживает особого внимания. Здесь много сходств с ситуацией, известной для начального неолита Приамурья, Приморья и Японского архипелага – керамика появляется в обществах с акцентом на эксплуатацию акваторических ресурсов, явно прослеживается ритуальный контекст возникновения технологии производства керамической посуды, в орнаментике и декоре посуды прослеживаются сходные образы (змеи, танцующие фигурки, маски).

В настоящее время начинают обрисовываться перспективы исследовательских проектов по центральноамериканской тематике – ведется диалог с рядом научных центров в Коста-Рике и Панаме, которые заинтересованы в контактах, открыты для изучения музейные коллекции, доступны материалы и публикации. На повестке дня – восстановление позиций российской археологии в изучении древних культур «загадочного региона».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Табарев А.В.* Древние ольмеки. История и проблематика исследований: учеб. пособие. Новосибирск, 2005.
2. *Табарев А.В.* Введение в археологию Южной Америки. Анды и тихоокеанское побережье: учеб. пособие. Новосибирск, 2006.
3. *Табарев А.В.* Некоторые итоги и перспективы развития американистики в Новосибирском научном центре // Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии: Материалы докл. ведущих ученых на V (L) Российской (с междунар. участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых 4–9 апр. 2010 г. Иркутск, 2010. С. 119–129.
4. Народы Америки до начала европейской колонизации // Всемирная история: энциклопедия. М., 1958. Т. 4. Гл. III.
5. Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 7. С. 997–1000.
6. Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С. 202–207, 768–776.
7. *Лоренсо Х.Л.* Каменный век Мексики и Центральной Америки // Проблемы археологии и древней истории стран Латинской Америки. М., 1990. С. 19–60.
8. *Гуляев В.И.* Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху. М., 1968.
9. *Гуляев В.И.* Археология Центральной Америки. М., 1992.
10. *Гуляев В.И.* Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972.
11. Archaeology of Ancient Mexico and Central America. An Encyclopedia / Eds. S.T. Evans, D.L. Wedster. N.Y.; L., 2001.
12. Pacific Latin America in Prehistory: the Evolution of Archaic and Formative Cultures. Pullman; Wash., 1999.
13. *Evans S.T.* Ancient Mexico & Central America: Archaeology and Culture History. London, 2004.
14. *Гуляев В.И.* Древние цивилизации Америки. М., 2008.
15. *Дэвлет Е.Г.* Подвески «топоры-идолы» из Нижней Центральной Америки // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. СПб., 1995. Вып. 2. С. 116–145.
16. *Дэвлет Е.Г.* Скульптура стиля «мерседес» из Коста-Рики // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. СПб., 1995. Вып. 4. С. 90–131.
17. *Дэвлет Е.Г.* Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки. М., 2000.
18. *Александренков Э.Г.* Индейцы Антильских островов до европейского завоевания. М., 1976.
19. *Александренков Э.Г.* Ареалы собирателей-рыболовов-охотников и земледельцев на Антилах в доколониальную эпоху // Экология американских индейцев и эскимосов: проблемы индеанистики. М., 1988. С. 180–195.
20. *Александренков Э.Г.* Пути золотых «орлов» (древние связи обитателей земель Карибского бассейна) // Американские индейцы: новые факты и интерпретации. М., 1996. С. 116–128.
21. *Зубарев В.Г.* История древней Центральной и Южной Америки: учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «История». Тула, 2002.

*Статья поступила
в редакцию 09.02.2012 г.*

УДК 903.2

И.В. БАЛЮНОВ

ОБУВНЫЕ ПОДКОВКИ Г. ТОБОЛЬСКА XVII В.

Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
e-mail: balyunoff@mail.ru

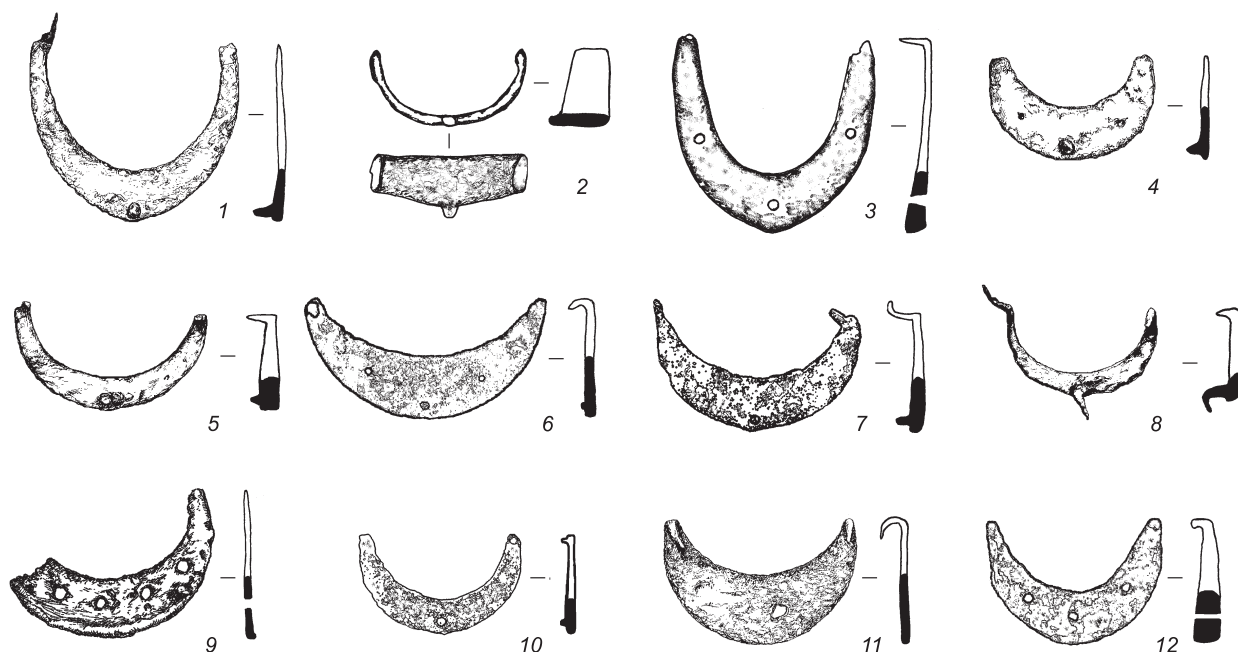
Целью статьи является изучение обувных железных подковок XVII в., найденных в г. Тобольске. Эти находки позволяют частично охарактеризовать кузнечное и сапожное ремесла древней столицы Сибири. Анализ научной литературы позволяет выделить ряд проблем, связанных с классификацией и хронологией подковок на территории Московского государства и сопредельных территориях. Автором проведен статистический анализ, разработана классификация тобольских находок.

Ключевые слова: обувные подковки, классификация, тип, хронология, Тобольск, XVII в.

На современной территории Тобольска выявлено значительное количество археологических памятников, наиболее ранние из которых относятся к эпохе поздней бронзы. Большую площадь города занимает культурный слой, сформировавшийся вследствие проживания здесь русского населения. Первый тобольский острог был построен в 1587 г. на высоком берегу Иртыша недалеко от места его слияния с Тоболом. Город становится административной и духовной столицей Сибири и значительно расширяет свои границы. Формируется так называемая «историческая часть» Тобольска, где уже неоднократно проводились археологические исследования.

Первые раскопки в исторической части Тобольска были предприняты П.А. Беляевым в 1986 г. на участке Земляного вала города (1688 г.). А в 1998 г. Л.Н. Сладкова проводила исследования на территории усадьбы купца Неудачина. В 2000 г. А.А. Адамов заложил раскоп на месте строительства Иконной лавки в Тобольском кремле [1]. С 2003 по 2008 г. объемные работы по изучению культурного слоя г. Тобольска выполнялись А.А. Адамовым, И.В. Балюновым, П.Г. Даниловым (совместно) [2, с. 25–26].

Благодаря этой деятельности исследователей уже сформировалось несколько предметных комплексов, связанных со слоями, имеющими достаточно узкие

Обувные подковки XVII в. из раскопок Тобольского кремля.
1, 2, 4, 5, 7, 8, 10 – тип 1; 3, 6, 9, 11, 12 – тип 2. Все – железо.

временные рамки (в границах одного столетия). Это позволило с помощью формально-типологического метода выявить ряд хронологических особенностей, характеризующих материальную культуру Тобольска в разные периоды.

В археологических коллекциях XVII в. особого внимания заслуживают находки обувных подковок. Следует отметить, что они представлены сравнительно чаще, чем некоторые другие изделия из железа, и количественно могут уступать лишь строительным гвоздям. Например, в раскопе, заложенном на территории Софийского двора Тобольского кремля на месте возведения иконной лавки, найдено 32 подковки. Для сравнения: другой распространенной категорией находок являются железные ножи, которых найдено всего 6 экз. [1, с. 20–22]. Данный факт интересен еще потому, что выполненные из кожи предметы сохраняются в слое достаточно редко, и именно подковки являются свидетельством широкого распространения в древнем Тобольске сложной обуви жесткой конструкции. В целом найденные подковки позволяют нам частично охарактеризовать как кузнечное ремесло, так и кожевенно-сапожное производство в городе.

Аналогичная ситуация характерна и для многих других памятников позднего средневековья на территории Московского государства и на сопредельных землях. Материалы, полученные при их раскопках, уже легли в основу некоторых публикаций, посвященных обувным подковкам. Однако имеется ряд спорных моментов, возникающих при изучении этих находок.

В частности, не разработана единая классификация. Наиболее ранняя попытка систематизировать подковки была предпринята на новгородских материалах Б.А. Колчиным [3, с. 108–110], который по способу

крепления подразделил их на два типа: на шипах и на гвоздях. По тому же признаку А.В. Никитин выделил крепление на шипах, которое в его материалах было характерно для врезных подковок, и комбинированное крепление, сочетающее шипы и гвозди, – для накладных подковок [4, с. 42].

Более подробная классификация предложена в статье 1997 г. А.Г. Векслера, Ю.А. Лихтера и Д.О. Осипова, посвященной московским обувным подковкам (позднее практически без изменений использованной Д.О. Осиповым в своей монографии 2006 г.) [5, с. 114–118; 6, с. 76–77]. Авторы выделяют первоначально врезные, набивные, комбинированные подковки. Вместе с тем используются и такие признаки, как размер изделия (низкая/высокая, широкая/узкая), что вместе с учетом способов крепления позволяет подразделить подковки на восемь групп и сделать хронологическую привязку каждой.

Несколько иной взгляд на систематизацию находок предлагает А.А. Адамов, который в своей статье 2002 г. отмечает, что по классификации московских исследователей к врезным подковкам относятся любые пластины (даже имеющие незначительную толщину), но крепящиеся на шипах. На материалах городища Искер А.А. Адамовым создана еще одна классификация: по форме подковок выделяются группы изделий – округлые и приостренные, по размерам – малые и большие, по способу – врезные и накладные. Интересной особенностью системы является выделение дополнительно двух вариантов: уплощенные и ладьевидные. Для последней формы характерна плавная изогнутость пластины вовнутрь сапога. По мнению автора, такие подковки крепились на носок обуви, защищая перед подошвы от изнашивания [7, с. 116–118].

Типология тобольских подковок XVII в.

Тип	Подтип	Дополнительные признаки	Кол-во	%
Тип 1	А (накладные)		50	48,6
	Б (врезные)	Вариант 1 (подковка-скоба)	6	5,8
		Вариант 2 (подковка-брус)	7	6,8
Тип 2	А (накладные)	Соотношение гвоздевых отверстий и шипов (гв. / шип)		
		1/2	2	1,9
		2/2	6	5,8
		2/3	16	15,5
		3/2	12	11,7
		5/2	4	3,9

Достаточно подробную классификацию подобных находок предложили Г.П. Визгалов и С.Г. Пархимович в монографии 2008 г., посвященной археологическим исследованиям заполярного города XVII в. Мангазеи. Авторы используют для характеристики обувных подковок по способу крепления уже привычные три типа, но выделяют внутри типов многочисленные варианты, в которых учитывается, прежде всего, сочетание метрических параметров – ширина / высота / толщина, а также количество шипов и/или количество гвоздевых отверстий [8, с. 82–83].

При обработке нашей коллекции всего было учтено 112 экз., которые происходят из раскопов разных годов, заложенных преимущественно на территории Тобольского кремля. Поскольку в ряде случаев находки имеют плохую сохранность и представлены небольшими фрагментами, для создания общей классификации использовалось только 103 подковки. Для их систематизации нами используется и такой признак, как способ крепления. На его основании выделяется три типа: 1) на шипах; 2) комбинированные; 3) на гвоздях (набивные). Следует сразу отметить, что пластины, крепившиеся к подошве только на гвоздевом соединении (тип 3), в культурном слое XVII в. не обнаружены, а известные их находки принадлежат к более позднему времени. И можно утверждать, что они либо вообще не использовались в первое столетие существования Тобольска, либо не получили в нем сколько-нибудь значительного распространения.

Тип 1. Подковки, крепящиеся на трех шипах, могут быть дополнительно разделены на два подтипа: накладные и врезные.

Подтип А. Накладные подковки (50 экз.). Образуют наибольшую часть типа 1, представляют собой плоскую пластину (рис., 1, 4, 7, 10).

Подтип Б. Врезные подковки (13 экз.). Обладают значительной толщиной, они использовались для обуви на каблуке, составляя с ним единое целое. В свою очередь врезные подковки можно разделить на два варианта.

Вариант I (6 экз.) образуют подковки, у которых высота заметно превосходит ширину (подковка-скоба), плоскость основания расположена вертикально (рис., 2). Функция таких предметов заключалась, видимо, еще и в том, что они защищали каблук от стирания не только снизу, но и с боков.

Вариант II (7 экз.) образуют подковки, у которых высота примерно равна ширине (подковка-брус). Предметы этой группы имеют вертикальное сечение, близкое к квадратной или ромбической форме (рис., 5, 8).

Тип 2. Комбинированные подковки (40 экз.), все без исключения относятся к подтипу накладных (рис., 3, 6, 9, 11, 12). Дополнительным признаком их классификации является соотношение гвоздей и шипов. Чаще всего встречается вариант с двумя гвоздевыми отверстиями и тремя шипами (рис., 6). Несколько реже использовались пластины с тремя гвоздевыми отверстиями и двумя шипами (рис., 3, 12). Подковки, крепившиеся при помощи двух шипов и одного, двух, пяти гвоздей, представлены в собранной коллекции немногочисленными экземплярами (рис., 9, 11).

Ко всему сказанному следует добавить, что тобольские находки, все без исключения (согласно классификации А.А. Адамова), относятся к варианту уплощенных. Следовательно, русское население (в отличие от жителей соседнего Искера) не использовало обувь с приподнятым носом. Данный факт находит подтверждение и в коллекциях фрагментов кожаной обуви XVII в., обнаруженных в Тобольске. Их осмотр позволяет утверждать, что подковки могли крепиться либо к каблуку, либо к подошве – там, где функцию каблука выполняла серия подпяточных кожаных прокладок [2, с. 67]. Тобольские подковки отличаются от искерских также тем, что при их изучении не удалось определить существенных разрывов в метрических параметрах, на основании которых можно было бы выделить отделы – большие и малые. Это обстоятельство указывает на то, что не существовало каких-то устойчивых стандартов в определении размеров и, возможно, подковки (а соответственно и обувь) изготавливались на заказ, что в свою очередь помогает охарактеризовать уровень развития сапожного ремесла в городе. Стоит только указать, что по такому показателю, как ширина дуги, размер может варьироваться от 4,5 до 8 см.

При анализе нашего материала необходимо учитывать, что в вопросе о хронологических рамках использования обувных подковок исследователи придерживаются разных точек зрения. В наиболее ранних работах их появление относят к XIV в. [3, с. 110]. Это мнение в статье 1999 г., посвященной мангазейской обуви, оспаривает А.В. Курбатов, который считает, что использование подковок могло начаться лишь в середине XVI в., поскольку именно в то время на территории Московского государства получает широкое распространение обувь с жесткой подошвой [9, с. 265–268]. Указанная нижняя граница для данных изделий находит подтверждение в исследованиях Д.О. Осипова, который полагает, что в московских коллекциях подковки не встречаются в слоях ранее XVI в. Кроме этого, на основании выполненной им хронологической классификации он даже делает предположение о том, что «вначале изготавливались лишь врезные подковки;

затем начинается использование комбинированных пластин, которые сосуществуют с врезными, постепенно их вытесняя. И лишь затем появляются набивные подковки» [6, с. 77]. Но подобным широким выводам противоречит точка зрения того же А.В. Курбатова, доказывающего, что для обувных подковок не может быть выделено каких-либо признаков, позволяющих сделать для них точные хронологические привязки [9, с. 265–267].

Следует отметить, что вопрос о том, когда обувные подковки начинают использоваться, на археологических материалах Тобольска решить невозможно, поскольку первый острог, давший начало формированию города, был построен в конце XVI в. Обзор же приведенного материала позволяет прийти к выводу о том, что схема развития хронологических признаков обувных подковок, предложенная Д.О. Осиповым, может быть принята лишь условно. Считая мнение А.В. Курбатова о появлении обувных подковок в середине XVI в. достаточно аргументированным, мы наблюдаем отсутствие сколько-нибудь значительного временного разрыва между началом использования врезных и комбинированных подковок. Последние неоднократно обнаруживались в слоях XVI в. Москвы [5, с. 17], Искера [7, с. 117–118], Лозьвинского городка [10, с. 140]. Например, в материалах последнего поселения, существовавшего в пределах XVI в., найдены подковки сразу трех типов. И хотя тобольские находки (в отличие от московских, учтенных Д.О. Осиповым), не могут быть разделены на существовавшие в первой или во второй половине XVII в., мы все-таки попытаемся провести некоторое сопоставление этих двух коллекций. Обращает на себя внимание тот факт, что в московской коллекции этого столетия комбинированные пластины обладают количественным преимуществом. Преобладают они, например, и в культурном слое Мангазеи [8, с. 83]. А в тобольских материалах такое преимущество характерно для подковок на шипах. При этом использование последних не ограничивается лишь XVII в., в Тобольске их находки неоднократно происходят из слоя XVIII в.

Появившаяся на Руси в середине XVI в. обувь сложной конструкции получила широкое распростра-

нение на всей территории Московского государства. Вместе с ней изготавливались в значительном количестве и сапожные подковки, которые практически сразу приобретали определенное разнообразие по целому ряду параметров. И не следует ожидать, что кузнецы на столь обширной территории придерживались какого-то одного стандарта при их изготовлении. Сравнение московских, мангазейских, лозьвинских, искерских и тобольских материалов показывает, что коллекции обувных подковок разных памятников имеют значительные отличия друг от друга по целому ряду параметров. Поэтому вопросы хронологии и классификации этих находок должны решаться для каждого памятника в отдельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адамов А.А.* Отчет о работах на территории Тобольского кремля в 2000 г. // Науч. архив Тобольск. историко-архитектурного музея-заповедника. 2001. № 1731.
2. *Адамов А.А., Балунов И.В., Данилов П.Г.* Город Тобольск: археологический очерк. Тобольск, 2008.
3. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 65. С. 7–119.
4. *Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О.* Обувные подковки XVI–XVIII вв. (по материалам раскопок в г. Москве) // Рос. археология. 1997. № 3. С. 114–119.
5. *Никитин А.В.* Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // Свод археологических источников. М., 1971. Вып. Е1–34.
6. *Осипов Д.О.* Обувь Московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. М., 2006. Т. 7.
7. *Адамов А.А.* Обувные подковки с городища Искер (по материалам Тобольского музея-заповедника) // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 116–122.
8. *Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008.
9. *Курбатов А.В., Овсянников О.В.* Изделия кожанного производства в городах Русского Заполярья XVI–XVII вв.: (Мангазея) // Археологические вести. 1999. № 6. С. 245–271.
10. *Пархимович С.Г.* Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI–XVII вв.) // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. Вып. 18. С. 138–143.

Статья поступила
в редакцию 9.02.2012 г.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 397.4

А.А. БАДМАЕВ

ЖИЛИЩНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС БУРЯТ ВОСТОЧНОГО ПРИСАЯНЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.*

канд. ист. наук
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: badmaevaa@ngs.ru

В статье рассматривается развитие жилищно-поселенческого комплекса присаянских бурят во второй половине XIX – начале XX в. Анализ источников показал, что у данной этнотерриториальной группы бурят происходил количественный рост поселений, возникали их новые формы, появлялись новации в архитектуре бревенчатых юрт, наряду с заимствованием домов русско-сибирского типа создавались гибридные типы жилищ.

Ключевые слова: жилищно-поселенческий комплекс, буряты, Восточное Присянье.

В изучении жилищно-поселенческого комплекса бурят актуальными представляются изыскания на уровне субэтносов с учетом исторической ретроспективы. Цель настоящей статьи – выявление трансформаций, которые произошли в жилищно-поселенческом комплексе присаянских бурят во второй половине XIX – начале XX в. Источниками для исследования послужили архивные, статистические, литературные и полевые материалы.

Во второй половине XIX в. подавляющая часть присаянских бурят тяготела к полуоседлому и полукочевому образу жизни – например, по данным на 1868 г., 92,7 % бурят Тункинское ведомства представляли эти категории, причем численно доминировали полуоседлые буряты.

Оседлые являлись относительно небольшой по численности группой в составе тункинских бурят – в 1868 г. их было 857 чел.¹ (7,3 %). Они компактно проживали в нескольких деревнях, расположенных в низменной части Тунки. Доля оседлых у окинских и закаменских бурят была существенно ниже, чем у тункинских бурят, что объяснялось отсутствием в Закамье и Горной Оке мест с подходящими природно-климатическими условиями для ведения земледельческого хозяйства.

В зависимости от района проживания полуоседлые и полукочевые буряты совершали различное количество сезонных перекочек. В низинах тункинские буряты кочевали дважды в год с зимних стоянок на летние и обратно [1, с. 18–19]. При этом расстояние между сезонными поселениями составляло 3–15 км². У закаменских бурят (у с. Ключевское (Санага)) тоже имелось две перекочки. Их зимники располагались поблизости от селения, но с июня по сентябрь включительно они находились в самом селе [2, с. 17].

В высокогорных районах из-за недостатка пастбищных земель число кочевков возрастало до четырех – в соответствии с сезонами в календарном году. У окинских бурят сезонных переездов было от двух до десяти в году, а дальность достигала 5–50 км [3, с. 57].

Сроки проживания полуоседлых бурят на сезонных поселениях были разными, от них зависело строительство того или иного типа жилища на каждом из поселений.

Особенностью, характерной для большинства присаянских бурят в прошлом, была четко выраженная вертикальная система кочевания: зимние поселения находились в низине, а межсезонные стоянки располагались по пути следования на летние поселения, находившиеся в высокогорных долинах. Причем, по словам некоторых информаторов, межсезонные стоянки устраивались поблизости от зимников, всего в 1–1,5 км, а по рассказам других очевидцев, они

* Работа выполнена в рамках ГК № 14.740.11.0766 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», НИР 1.5.11 и 1.31.11 Тематического плана НИР Минобрнауки.

¹ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 171. Оп. 1. Д. 130. Л. 18.

© Бадмаев А.А., 2012

² Там же. Д. 29. Л. 70.

находились примерно посредине между зимними и летними стоянками.

Критерии выбора мест под сезонные поселения у присаянских бурят не изменились по сравнению с предшествующим периодом: выбирались возвышенные местности, а также находившиеся у подошвы гор, прикрытые от ветра холмами, обязательным условием было близкое расположение естественного водоема (для водоснабжения), заболоченных территорий (в качестве пастбищ), лугов (для покоса) и леса (для получения отопительного, строительного и поделочного материала) [4, с. 235].

По данным Первой всеобщей переписи 1897 г., в Хоймарском ведомстве значилось 16 селений, в том числе 13 улусов, 1 село (Тальское), 1 выселок (Кутульский) и Коймарский Парфеньевский миссионерский стан [5, с. 445–446]. Градация населенных пунктов ведомства по размеру была следующей: поселений, состоявших до 20 хозяйств, было 7; от 21 до 50 – 3; от 51 до 100 – 2; свыше 100 – 4. Самым крупным являлся Коймарский улус, население которого достигало 725 чел. Два других бурятских административно-территориальных образования, возникших, как и Коймарское ведомство, в конце XIX в. в результате реформирования Тункинской степной думы – Торская и Харбятская управы, были более населенными, чем упомянутое ведомство. В Торском управлении имелось 33 поселения (25 улусов, 4 селения, 2 зимовья-улуса, 1 мельница, 1 выселок) [5, с. 449–451] с общим числом жителей 3825 чел., а в Харбятском – 52 населенных пункта (43 улуса, 1 селение, 2 деревни, 1 выселок, 1 буддийский дацан, 2 православных миссионерских стана, 1 заштатная мужская пустынь, 1 казачий караул) [5, с. 451–453], в которых всего проживало 5822 чел. Структура поселений в названных управах была следующей: в Торском управлении поселений с числом хозяйств до 20 было 17, от 21 до 50 – 11, от 51 до 100 – 3, свыше 100 не имелось; в Харбятском управлении поселений первой группы было 31, второй – 14, третьей – 5 и четвертой – 1. Наиболее населенным в Торской управе являлось Еловское селение (320 чел.), в Харбятской – улус Хойтогол (586 чел.).

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что к концу столетия у тункинских бурят несколько расширился спектр разного рода поселений, среди которых доминировали улусы: первые строчки среди крупных населенных пунктов занимали, как правило, улусы. Заметим, что у данной этнотерриториальной группы превалировали малонаселенные (до 50 жителей) поселения.

В Горной Оке, административно входившей в Окинское родовое управление, согласно переписи 1897 г., имелось 22 поселения (21 улус и Окинский миссионерский стан) [5, с. 447–448], которые делились по числу хозяйств на: 17 населенных пунктов с числом хозяйств до 20; 5 – от 21 до 50; поселений, имевших свыше 50 хозяйств, не было. Наиболее населенным являлся улус Бурин-гол (143 чел.). Как видим, в отличие от тункинских бурят окинские жили только в небольших поселениях.

В конце XIX в. в ходе административно-территориального переустройства многие бурятские ведом-

ства перешли к сомонно-булучной системе и на языке присаянских бурят улусы стали обозначать термином *булэг* ‘часть, группа’ [6, с. 123]. Слово *булэг* (в русском написании *булак*) вошло в названия ряда новообразованных поселений.

В относительно крупных улусах и селах имелись деревянные здания экономических магазинов, пожарных сараев, ледников, были выстроены часовни и водяные плотинные мельницы, во многих улусах работали кузницы. Для примера, в с. Торы помимо прочих построек располагались здание степной думы и тюремная изба.

Вследствие того, что на летниках семьи селились на расстоянии 0,5–1 км друг от друга, такие поселения, занимая значительное земельное пространство, имели дисперсный характер. Названия этим поселениям обычно давали по местности, где они находились (топонимы). В языке окинских бурят имелся специальный термин, определявший сезонную стоянку, – *тиирган* и, говоря о местоположении той или иной стоянки, они обозначали ее как восточная *тиирган*, южная и т. д.

К концу столетия в некоторых улусах, где проживало, как правило, неоднородное бурятское население, появились русские: в частности, в Торском улусе их было 13, в Тоэтском – 12 [5, с. 450]. В начале XX в. в с. Ключевском Закаменской инородной управы из более чем 2 тыс. жителей русских было около 30 чел., при этом они являлись, в отличие от местных бурят, постоянными насельниками [2, с. 17]. Наибольшая концентрация русского населения отмечена в Туранском карауле (77 чел.), зимовьях-улусах, а также на православных миссионерских станах и Ниловой пустыне. В деревнях, мельницах и выселках русских было меньше.

Войлочные юрты у данной этнотерриториальной группы бурят были редким явлением. Согласно Н.М. Астыреву, в конце 1880-х гг. у тункинских бурят не сохранилось даже воспоминаний о существовании когда-либо войлочной юрты [7, с. 207]. В Горной Оке этот тип жилища встречался только в Гарганском сомоне [3, с. 57].

Судя по материалам Тункинской степной думы, в 1868 г. местные буряты имели 2206 деревянных домов и 4137 юрт³. В 1874 г. у них на 12 318 чел. было 2201 деревянных домов и 4178 юрт⁴. В 1860–1870-е гг. пропорция между домами и юртами у тункинских бурят была следующей: в 1868 г. дома составляли 32,5 % жилья, юрты – 67,5, а в 1874 г. – 34,5 и 65,5 %. Несмотря на тенденцию строительства бревенчатых юрт, более распространенных по сравнению с домами, к концу века доля домов в структуре жилья все же заметно выросла.

В среднем каждое бурятское хозяйство владело деревянным домом и примерно одной–двумя юртами. Но так было не везде: к примеру, у окинских бурят практически единственным видом жилища в течение почти всего XIX в. являлась бревенчатая юрта.

Бревенчатые юрты в основном были четырех–восьмистенные, но бытовали также пяти–шестистен-

³ Там же. Д. 130. Л. 194.

⁴ Там же. Д. 157.

ные, шести–восьмистенные варианты, различавшиеся прежде всего конструкцией кровли, наличием или отсутствием опорных столбов и настеленных полов. Как и в прошлом, оклад бревенчатых юрт старались делать из лиственничных бревен, а стены складывали из нетолстых сосновых бревен.

В зависимости от экономического положения буряты выбирали определенные виды зимних юрт. Восьмистенные строения могли позволить себе состоятельные люди. В архитектуре таких юрт появились навесы-козырьки *һарабиша* над входным проемом и лестницы из двух ступенек. Датируют распространение этих новшеств 1870-ми гг. [8, с. 26]. Спецификой юрт жителей высокогорных районов являлось изготовление сруба из лиственницы. У части окинских бурят юрты были самыми низкими среди всех бурят. Объяснялось это относительной суровостью Горной Оки – частые низкие температуры зимой требовали максимально сохранять тепло в жилище, а это обеспечивалось благодаря небольшой высоте жилой постройки и толщине бревен.

Сруб юрты тункинских бурят имел 10–12 венцов, что было достаточно типично для такого рода строений у других групп бурят. Новациями в планировке их юрт стали устройство слева и справа от входа чуланчиков для хозяйственных вещей и продовольствия [7, с. 207], установка высоких дверей [1, с. 90].

В начале XX в. у тункинских бурят получили некоторое распространение шестистенные юрты с застекленными высокими окнами, обрамленными ставнями и наличниками, с четырехскатной крышей из теса. Следует обратить внимание на то, что в конце XIX – начале XX в. вместо смотровых щелей стали устанавливать в юртах пару небольших остекленных окон. Помещение отапливалось железной печкой, металлическая труба которой выводилась из светодымового отверстия. К входному проему пристраивалась закрытая дощатая веранда, поставленная на оклад из трех бревен и защищенная двускатной крышей. Такая веранда завершалась лестницей с перилами [8, с. 145].

Малоимущие буряты строили на зимниках архаичного типа четырехстенные юрты, каркас стен представлял собой систему из восьми несущих столбов, поддерживавших потолочные балки. Стены были сложены из коротких тонких бревен, суженные концы которых вставляли в прямоугольные желоба, выдолбленные с двух сторон в несущих столбах. Крыша юрты была плоской и сложенной из дранок, поверх которых набрасывалась широкая береста и укладывался дерн. Особенностью внутреннего устройства этого типа юрт было наличие справа от входа чувала с наклонно установленным к стене дымоходом в виде широкого полого внутри соснового бревна, иногда обмазываемого глиной, и с открытым очагом, представлявшим невысокий сруб, заполненный утрамбованной глиной. Труба дымохода выводилась через круглое отверстие на крыше. Заметим, что такой чувал не обнаруживает аналогий у народов Сибири, более того, использование чувалов с дымоходом из тонких жердей, обмазанных глиной, якутами и обскими уграми исследователи относят только к 1920–1930-м гг.

Четырехстенные юрты предбайкальского обряда являлись зимним жильем части присаянских бурят. Они представляли собой квадратные в плане, относительно высокие срубные постройки, их кровля покоилась на четырех опорных столбах, пространство между которыми занимала очажная площадка с открытым очагом. Интересно, что такие юрты иногда служили обителью даже для представителей родовой знати [1, с. 90].

К концу XIX в. буряты низменной части Тункинской долины уже перестают использовать бревенчатые юрты в качестве зимнего жилища [7, с. 207].

Чаще всего на летниках строились небольшие четырехстенные юрты *тираг* с козырьком из выпусков бревен над входом, с двускатной крышей, не имевшей потолочных перекрытий, с кровлей самцовой конструкции. Обычно стена такой юрты имела 8–9 венцов, т.е. была чуть ниже стандартной шести–восьмистенной юрты. Летним жилищем служила четырехстенная юрта старого типа. Состоятельные люди обычно строили восьмистенные юрты.

В 1890-е гг. в юртах начали устанавливать глинобитные печи и железные печи *яндан*. Производством этих печей занимались местные кузнецы. В отдаленных местах Восточного Присаянья, там, где не было возможности завозить кирпич или производить его на месте, кирпичных печей не знали, использовались только железные печки.

Следует отметить, что межкультурное взаимовлияние нашло проявление и в заимствовании русскими (жившими в контактной зоне с бурятами) бревенчатой юрты, которая использовалась ими как разновидность летнего жилища [7, с. 208].

По сообщениям информаторов, избы в западной части Тункинской долины появились достаточно поздно – только в 1920-е гг., между тем на остальной территории Тунки такое жилище было известно уже с начала XIX в. Появление у окинских бурят однокамерных срубных домов П.Г. Полтараднев относит к концу XIX в. [3, с. 57]. По нашим данным, избы в начале XX в. не были известны в южной и центральной частях Оки, первоначально они появились на севере края – в местах, прилегавших к современной Иркутской области. В прошлом это был своеобразный коридор, связывавший окинских бурят с предбайкальскими сородичами. География распространения этих домов указывает на то, что они были заимствованы окинскими бурятами от русских через переселившихся из Предбайкалья аларских и других бурят.

Первоначально побудительной причиной строительства домов было желание выпекать домашний хлеб, и функциональное их назначение ограничивалось использованием в качестве кухонного помещения. В дальнейшем стремление изобрести нечто среднее, сочетавшее в себе достоинства бурятской юрты и русского дома, привело к появлению гибридных построек [4, с. 250]. Вероятно, к началу 1870-х гг. такого рода жилища уже стали прочными реалиями. Владельцами этих домов были состоятельные люди.

В конце XIX в. другие богатые буряты заводили большие двухкамерные дома из нескольких комнат:

большая кухня, где располагались и русская печь, и печка *малхан* с установленным котлом; комната для женской половины и детей; столовая [7, с. 185]. Нередко такие дома имели резные перегородки и изразцовые голландские печи [7, с. 208–209]. Аналогично предбайкальским бурятам стены складывали здесь «в лапу», на шипах по углам, а не «крюком», как было принято у русских [7, с. 185].

На межсезонных стоянках не строили основательных жилых зданий, обычно обходились небольшими четырехстенными юртами из тонких бревен или дощатыми сараями, крытыми дранкой и сосновой корой.

В улусах жилища близких родственников располагались, как правило, по соседству, их юрты, по сути, имели единую усадьбу, так как обносились общей оградой. Летнее поселение не огораживалось.

Для содержания крупного рогатого скота и овец на летниках возводили трехстенные навесы, позволявшие животным укрыться во время солнцепека и непогоды. Отдельно отстояли телятники *тугалай хурэ* и загоны.

В горно-таежной зоне, помимо скотного двора со стайками, навесами и загонами, на зимниках устраивались амбарчики *тумпун*, которые предназначались для хранения пищевых запасов, домашней утвари и одежды. В улусах тункинских бурят амбары строили по типу русских амбаров, постепенно такие постройки стали популярны и у окинских бурят [4, с. 235].

Новым явлением, правда достаточно редким, было строительство бань, топившихся «по-черному».

Зимние стайки *хотон* в основном представляли старые перепрофилированные четырех–шести–восьмистенные юрты. Хотоны у окинских и тункинских бурят строились на определенное число голов крупного рогатого скота. Огородив небольшое пространство перегородкой из жердей *ирьенег*, в них помещали телят. В стайке *хониной хотон* содержали ягнят и овцематок. Причиной использования юрт для зимнего постоя скота было отсутствие у бедной части бурят скотных дворов [7, с. 208]. В другие сезоны овцы находились в

загоне под открытым небом. Закаменские буряты укрывали взрослый скот под крышей трехстенного хлева *дал*. Кровля такой стайки была покрыта жердями *олэр*, поверх которых укладывалась солома. Обычно в летнее время солома убиралась, и жерди высушивались для последующего использования, заново кровля крылась осенью с началом стойлового содержания скота.

На плане двора амбары отстояли от юрты примерно на расстоянии 5–10 м к западу, а стайки – на 15–60 м к юго-западу. На незастроенном пространстве перед юртой, к востоку от дверного проема, традиционно находилась коновязь. Справа от юрты устанавливали обычные или конские кожемялки *эрюулгэ*. Такая планировка была типичной для других этнотерриториальных групп бурят.

Подводя итоги исследованию, можно утверждать, что во второй половине XIX – начале XX в. жилищно-поселенческий комплекс, хотя и претерпел определенные трансформации (как правило, локального характера), но в целом сохранил свой традиционный облик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кропоткин П.А. Поездка в Окинский караул // Зап. Сиб. отд. ИРГО. Иркутск, 1867. Кн. IX, X. С. 1–94.
2. Моллесон М. Краткий отчет о весенней экскурсии по р. Джиде в 1912 году // Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамур. отд. ИРГО. М., 1914. Т. 15, вып. 3: 1912. С. 11–24.
3. Полторацков П.Г. Окинский край // Жизнь Бурятии. 1930. № 5–6. С. 54–65.
4. Ровинский П. Очерки Восточной Сибири. Ч. 4, 5 // Древняя и новая Россия. СПб., 1875. № 11. С. 230–255; № 12. С. 381–388.
5. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Приморская обл. и о. Сахалин. С. 433–1002.
6. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов. М., 1973.
7. Астырев Н. На таежных прогалинах: очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891.
8. Нацов Г.Д. Материалы по истории и культуре бурят. Улан-Удэ, 1995. Ч. 1.

Статья поступила
в редакцию 10.02.2012 г.

УДК 394.2+726.03

Н.К. ДАНИЛОВА

САКРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА НАРОДА САХА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

канд. ист. наук

Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
e-mail: tachika@mail.ru

В данной статье рассматриваются культовые объекты и сооружения праздника Ысыах. Особое внимание уделяется проблеме духовного освоения пространства, соотносённости объектов ритуала с мифологической картиной мира. На основе различных источников анализируется символическое и функциональное значение сооружений Ысыаха.

Ключевые слова: якутский праздник Ысыах, символы пространства, культовые объекты.

* Статья подготовлена в рамках Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России: Духовная культура саха: традиции, современное состояние и перспективы развития».

Архитектура представляет собой материализованную летопись народа; отражает эстетические и культурные предпочтения своих создателей, их религиозно-мировоззренческих системы. Среди строений повышенным семиотическим статусом обладают культовые постройки. В традиционной культуре якутов – это, прежде всего, объекты праздника *Ысыах*. Как справедливо подчеркнула известный исследователь Е.Н. Романова, праздник *Ысыах* является символом якутской культуры. Его пространственная организация формирует систему координат, с которой начинается духовное освоение природы [1, с. 4].

Для праздника *Ысыах* выбирают красивую широкую поляну, которую тщательно окуривают дымом можжевельника, тем самым очищая пространство от всего нечистого. Выделенное место *тосюлгэ* окружают свежерубленными березками *чэчир* [1, с. 54; 2, с. 134]. В восточной части *тосюлгэ* оставляют вход.

По традиции на все березки нанизывались пестрые веревки из конских волос, украшенные цветными лоскутками, миниатюрными берестяными турсучками и телячьими намордниками, берестяными фигурками лошадей и коров; между ними привязывались пучки из белого конского волоса *сиэл*. В центре ставили ритуальные столбы, соединенные перекладиной *аар багах*, на которую подвешивали кожаный сосуд *сири иһит* с кумысом, рядом с ним ставили *чороны* – деревянные кубки для распития кумыса. На восточной стороне сооружали коновязи *сэргэ*. На южной части *тосюлгэ* находилась *Могол ураса*, которая выступала главным символом праздника *Ысыах*.

Могол ураса – коническое жилище, покрытое берестяными полотнищами; состояла из трех частей, поэтому о ней говорили: *Юс курдуулаах Могол ураһа* ‘С тремя опоясками Могол ураса’. Высота *урасы* достигала 10–12 м, внутри могли находиться одновременно до 100 чел. Появление *Могол урасы* традиция приписывала *Эллэй Боотуру* – первопредку якутов, он же являлся первым *айыы* – шаманом, устройтелем праздника *Ысыах* [3, с. 38].

Первоначально берестяную *Могол урасу* *Эллэй* воздвиг для совершения обряда благословления *Айах тутуу*, в честь небесных божеств *айыы*¹. В обряде участвовали только старейшины *ага ууһа* и знатные люди, а простой народ, в том числе женщины и дети, не должны были находиться внутри *урасы*. Расположение людей во время проведения ритуала было строго регламентированным. Почетное место, которое занимал сам устройтель *Ысыаха*, находилось напротив раскрытых дверей, обращенных на восход солнца. Во время совершения обряда никто не имел права проходить мимо дверей *урасы*, так как, по представлениям якутов, с восточной стороны спускается на землю тропа/дорога *сиэл намылга аартык* ‘дорога небесных божеств’.

При *айыы*-шамане находился жрец-помощник, обязанность которого сводилась к разбрызгиванию кумыса особой священной ложкой *эбир хамыйах* духам предков. *Чороон* с кумысом держали на вытянутых

руках и при этом призывали божеств, называя их имена в порядке значимости. Предполагалось, что небесные божества должны были незримо прикоснуться к священному напитку. После совершения обряда гадали, обращаясь к предкам с мольбой оказать содействие [1, с. 116–117].

В данном ритуале, как и в других ритуалах, направленных на моделирование космического порядка, акцентировалось восточное направление. Восток (как место восхода солнца) становился точкой отсчета «воссоздания» Мира. Далее, постепенно продвигаясь по направлению солнца, *айыы*-шаман совершал моление небесным божествам – покровителям рода и домашнего очага²; поочередно обращался ко всем сторонам света и находившимся там светлым божествам-*айыы*. Затем, поднимая чашу с кумысом, прикреплял березовую веточку к главным столбам *Могол урасы*³. Таким образом, *айыы*-шаман символически замыкал круг пространственно-временного континуума. Затем начиналось распитие освященного кумыса сначала участниками обряда, а потом всеми собравшимися.

По архивным сведениям, внутри *Могол урасы* во время праздника *Ысыах* – могли также совершать обряд отправления души старого человека к предкам. Во время этого обряда распитие кумыса осуществлялось против хода солнца. По имевшимся представлениям, старики, участники данного ритуала, могли спокойно отправиться в мир предков. Согласно якутским преданиям, кумысопитие в честь предков стало последним угощением *Омогой бая*, которого похоронили внутри *урасы* [4, с. 231].

Слово *могол* А.А. Попов переводил как «большая, солидная»; О.В. Ионова – как «монгольский» или как «большой, великий, священный, важный». С такой трактовкой не согласен Ф.М. Зыков; он приводил сведения Я. Линденау и данные фольклора о том, что якуты называли монголов «*мункал*» [5, с. 58]. Видимо, предназначение *Могол урасы* было сугубо ритуальным; это сооружение воспринималось как культовое место. Семантически с *Могол урасой*, ставшей своеобразным склепом для душ предков, может быть, по мнению В.Е. Васильева, связан термин «*моголо, монголо*» – так в древности называли могильную яму [6, с. 47].

Интересна интерпретация Г.В. Ксенофонтовым слова *могол*: «В старинных преданиях встречается имя “*Тюэнэ Могол*” как одного из предков якутов. Далее, в шаманских песнопениях *могол* выступает как общее название душ предков, перевоплощающихся в перелетных птиц. Тем же словом у вилюйских якутов отмечается особая масть коней, посвящаемых духам. С другой стороны, якутское *монгуол-могол*, несомненно, имеет какое-то отношение к племенному названию *монгуол – могол*, как известно, взятому из древних преданий дочингисовой Монголии.

Кроме того, в фольклорных и архивных источниках встречаются сообщения о божествах – покровителях домашнего скота: *Могол Тойон* ‘Большой Господин’ с женой *Уһун Куйаар Хотун* ‘Высокая

¹ Ксенофонтов Г.В. Материалы об *Ысыахе* // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 126. Л. 6.

² Ксенофонтов Г.В. Материалы об *Ысыахе* // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12а. Л. 178–179.

³ Алексеев Р.П. Ураһалар // Там же. Ф. 5. Оп. 6. Д. 98. Л. 13.

Космическая госпожа»; Тюенэ Могол – покровитель конного скота и его жена *Тюнтэ тэллэх, Тёгюрж оноо, уһун Могол Хотун* ‘с постелью из кострища, в шубе с круглым орнаментом, высокая Госпожа Могол’⁴. Эпитет *Могол Тойон* фигурирует также как одно из имен духа-хозяина очага: *Бырдба бытык, кемер сыттык, Могол тойон, Аан Дьааһын* ‘Белеющая борода, пепельная постель Господин Могол, Аан Дьааһын’⁵. По совокупности приведенных данных мы приходим к выводу, что название «Могол ураса» имеет смысл – ураса душ предков, храм предков или священная ураса⁶.

Предназначение *Могол урасы* как культового храма прослеживается и в его конструкции. Вертикальная структура, внутренняя колоннада из 12 столбов, означающих 12 небесных сфер, круглое основание воспроизводит устройство Вселенной, которую якуты представляли в виде урасы: «Небесный купол – ее вершина, края ее сходятся с землей» [7, с. 35].

Космогоническая символика прослеживается в художественном оформлении берестяных покрышек ритуальной урасы, ее резных столбов, в котором преобладали арочный орнамент. Такой орнамент встречается и в оформлении ритуальной кумысной утвари.

Как и Вселенная, *Могол ураса* имеет трехчастное деление (*юс куурдуулаах Могол ураһа*). С образом Нижнего мира связана нижняя часть урасы. Круглое основание символизирует круг – лоно Земли, а орнамент на покрышках – растительный покров. Кроме того, растительный орнамент обладает охранными функциями.

Внутренняя опояска урасы, символизирующая Средний мир, богато украшена резным орнаментом и *саламой* (веревкой из конских волос с лоскутками, миниатюрными берестяными тусками и проч.). Верхняя опояска *юёһээни курду* олицетворяет Небо. Единственный источник света в урасе – дымовое отверстие *ураа* также обладает особым статусом – служит своеобразной «дверью» в запредельные миры.

Анализируя вещное оформление якутских ысыахов, Е.Н. Романова выявила тесную смысловую связь *Могол урасы* с резными деревянными столбами *аар багах*. В.Е. Васильев связывает схематический образ *аар багах* с коническими шатрами *чадырами* кочевых народов. Например, по его мнению, слово *чэчир* в диалектном варианте звучит как *тэтир-татыр*, а его можно сопоставить с тюркским словом *чатыр* ‘шатер’ [1, с. 4].

Столбы оформлялись в форме *сэргэ*, на концах соединяющих их перекладин вырезались лошадиные головы. Они были окружены молодыми березками, верхушки которых сверху связывали вместе [8, с. 142]. В результате получалось сооружение, конструкция которого напоминала схематический образ урасы.

На перекладины вешали кумысный сосуд *сири иһит*, который олицетворял духа-хозяина Земли *Аан Алахчын Хотун* [1, с. 39]. Примечательно, что слово *сири иһит* переводится как ‘Чаша земли’. Привле-

кает внимание и материал сосуда – продыmlенная и очищенная от волос бычья шкура. Следует отметить, что согласно мифам творения, земля первоначально развeртывалась от бычьей шкуры.

В этом контексте следует отметить, что *аар багах*, как скрепа, поддерживает в равновесии «чашу земли». Оформление концов перекладин фигурами коней означает, что небесные божества по указанному пути (перекладина как путь. – Н.Д.) спускают с небес в сосуд божественную жидкость *ильгэ*. Так, согласно мифологическим текстам, во время благословения *Эляем* небесных божеств *айыы* с неба упало белое *ильгэ* величиной с яйцо чирка, символизирующее возникновение Вселенной и рождение Человека [1, с. 23].

Аар багах’ом называли также монументальные столбы высотой до 10 м, олицетворявшие собой Мировое древо *Аал Луук мас*. Сооружали их как одиночными, так и в ансамблевой композиции. Для *Аар багах* выбирали стройную, высокую лиственницу. Столб вырезали многогранным или оформляли круговым резным растительным орнаментом. В середине вырезали голову лошади или коровы. Верхушку столба украшал *чорон*, или голова лошади. Иногда наверху оставляли ветви, украшая их резьбой. Ансамблевые столбы соединялись тремя-четырьмя перекладинами, напоминающими распростертые крылья орла. На концах перекладин вырезали голову лошади или орла. Внизу столбы также соединяли перекладинами.

Еще одна разновидность *аар багах*’а – это *сэргэ мас* ‘дерево сэргэ’. *Сэргэ мас* вырезали из высокой лиственницы с тремя развилками, обозначающими трехмерную структуру Вселенной, а также три *кут*-души человека, связанные с небесными божествами *айыы*. Отростки развилин предназначались для «приема и размещения целой группы божеств, съезжающих со всех трех миров» [9, с. 28]. *Сэргэ мас* устанавливали как на родовой территории, так и на празднике Ысыах. Следует отметить, что коновязь *сэргэ мас* воспринималась как священное дерево *Ытык мас*, в котором обитала дух-хозяйка Земли.

В целом ритуальные столбы *аар багах* символизировали пространственную организацию Вселенной, а также олицетворяли собой главное божество – *айыы Юрюнг Аар Тойон*.

Интересно то, что старинные *аар багах*’и обнаруживали рядом с древними захоронениями. Возможно, они также символизировали дорогу души умершего человека. В старину на месте погребения ставили надмогильные *сэргэ* – *елбют сэргэтэ* ‘коновязь усопшего’. Иногда *сэргэ* делали из стоявшего рядом усохшего дерева, с двумя развилинами, которые назывались *мунгурах сэргэ* (или *ебюгэ сэргэтэ* ‘сэргэ предков’). Развилки означали дорогу к миру предков: маленькая развилка олицетворяла путь к материнскому началу, большая – к отцовскому [10, с. 29–30].

В быту такие коновязи использовались для привязывания лошади. В семантическом же контексте *сэргэ* означает ось освоенного человеком пространства. В мифологической картине мира коновязь *сэргэ* считалась посохом высшего божества, имела своего духа-покровителя *Тойон Тюһүмэл* [11, с. 181]. Древние якуты считали, что дух-иччи коновязи не допускал

⁴ Ксенофонов Г.В. Материалы об Ысыахе // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12а. Л. 189.

⁵ Там же. Д. 12б. Л. 6.

⁶ Там же. Д. 12б. Л. 22.

злого духа внутрь жилища и мог наслать болезни на непочтительных хозяев [12, с. 74].

Около жилища якуты ставили несколько коновязей. С восточной стороны сооружали три, шесть, девять столбов [13, с. 2171]. Коновязь, установленная в правой сакральной части территории, предназначалась для гостей мужского пола. Первый столб *тойон сэргэ* ‘господин столб’ считался главным, к нему привязывали своих коней знатные гости и хозяин дома. Средний столб (второй) *орто сэргэ* предназначался для лошадей менее знатных гостей и хозяйских сыновей. Третий столб *кэлин сэргэ* предназначался для лошадей сакральных лиц (шаманов). Другие члены семьи и бедные путники привязывали своих коней к столбам, соединенным перекладиной *ат сэргэ* ‘коновязь-конь’, причем женщины – с левой стороны, а мужчины – с правой стороны. Эти столбы находились на левой хозяйственной части усадьбы.

Установкой коновязи сопровождалось каждое значимое событие. В старину в момент приезда невесты в дом жениха необходимо было поставить новую коновязь на северной стороне дома [13, с. 2171]. Невеста подъезжала к этому столбу, и родители жениха обращались к духу-хозяину коновязей с *алгысом*, прося его охранять счастье и благополучие молодой невесты от злых духов. В состав приданого невесты входила и ‘подарок коновязи’ *сэргэ бэлэгэ* – кобыла [14, с. 546–547].

Коновязь как центр одомашненного пространства (двора. – *Н.Д.*) выступала аналогом Мирового древа *Аал Луук Мас*. Каноничным является эпическое описание Мирового дерева, крона и корни которого, пробившись сквозь Верхний и Нижний миры, превращаются в коновязи [15, с. 291].

Особые коновязи возводили во время шаманских мистерий и жертвоприношений. При установлении *сэргэ* в яму для него клали монеты и конский волос. Иногда в верхней части коновязи делали углубление, где помещали изображение духа *кербюеччу*, который следил за посторонними людьми; при необходимости шаман или ясновидец обращались к нему за помощью. Издревле бытовало поверье, что к *сэргэ* не должен приближаться «нечистый», грешный человек. Запрещалось рубить на дрова старые коновязи. Упавшую коновязь *сэргэ* уносили в лес и клали на развалину двух сросшихся лиственниц [16, с. 161–167; 12, с. 171].

Сэргэ в сакральном пространстве Ысыаха предназначались для лошадей небесных божеств (в образе лошадей могли спускаться с небес сами верхние божества. – *Н.Д.*). *Сэргэ* ставили вокруг ритуального столба *Аар багах*. Таким образом, они являлись частью ансамбля, заполняя монументальное сооружение *түсүлгэ*.

В целом Ысыах в своем символическом оформлении воспроизводил устройство Вселенной, его архитектоники была направлена на моделирование космического и социального порядка. К концу XX в. этот праздник приобрел новое значение – он стал восприниматься как один из важных факторов сплочения якутского этноса.

Признание в 1991 г. праздника Ысыах в качестве государственного стало мощным толчком к возро-

ждению культурного наследия Саха-Якутии. Была проведена кропотливая работа по систематизации мифопоэтического наследия и ритуальной культуры якутов. Были сформулированы новые требования к национальному празднику, основанные на глубоком уважении к старинным обрядам.

В 1998 г. в г. Якутске – столице Республики Саха (Якутия) было выбрано место проведения праздника – *Юс Хатын* (Три березы), где по преданиям культурный первопредок Эллэй якобы устроил первый праздник Ысыах. После этого началось творческое проектирование и возведение архитектурных сооружений праздничного *түсүлгэ*. При реконструкции ритуальных сооружений основными источниками стали сохранившиеся реликвии, экспедиционные и архивные материалы.

В местности *Юс Хатын* была воссоздана уникальная ритуальная архитектура народа саха – монументальные сооружения, формирующие сакральное пространство *түсүлгэ*: берестяная ураса *Могол ураса*, *Аар багах*, *сэргэ* различных конструкций и проч., символизирующие мифологический образ Вселенной.

Организация праздника пробудила широкий интерес к народному зодчеству. Уже в конце XX в. в Республике Якутия заметно оживилось общественное движение по реконструкции традиционной строительной культуры. В Усть-Алданском и Таттинском улусах народным писателем Д.К. Сивцевым-Суорун Омоллоном были открыты мемориальные комплексы, где были собраны и восстановлены типичные жилища якутов. В Мегино-Кангаласском улусе также был воссоздан комплекс традиционных жилищ. По всей республике стали возводиться сакральные центры – *Арчы дьытэ* (Дом ритуального очищения), *Айыы дьытэ* (Дом небесных божеств), *Олонхо дьытэ* (Дом Олонхо) и т.д.

Одним из самых известным в современной Якутии является центр духовного очищения *Арчы дьытэ*, созданный в Верхевилуйском улусе народным певцом, мастером К.Н. Никифоровым (сыном известного шамана Ньыыкан ойуун. – *Н.Д.*). В г. Якутске функционирует центр духовной культуры *Дом Арчы*. Три его части – три урасы, символизирующие единение Человека, Духа и Природы, составляют единый комплекс. Его создание, как и других архитектурных комплексов, меняет облик столицы Республики Саха (Якутия). Внедрение в современную жизнь традиционного архитектурного наследия имеет важное значение как для сохранения этнической культурной модели, так и для совершенствования политики по формированию современного архитектурного облика городов и сел Республики Саха (Якутия).

ЛИТЕРАТУРА

1. Романова Е.Н. Якутский праздник Ысыах: Истоки и представления. Новосибирск, 1994.
2. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971.
3. Ксенофонов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории. М., 1977.
4. Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: по преданиям якутов бывшего Якутского округа. Якутск, 1994.

5. Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX – начала XX в.: историко-этнографическое исследование. Новосибирск, 1986.
6. Васильев В.Е. Саха терут итэгэлэ былыргы сэхэннэргэ. Дьокуускай, 2005.
7. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974.
8. Дьяконова Е.Н. Культовые сооружения на празднике Ысыах // Этнические культуры Сибири. Новосибирск, 1986.
9. Яковлев В.Ф. Ысыах. Туймаада-Эллэй-Юс Хатын. Якутск, 2005.
10. Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов (XVII–XIX вв.). Якутск, 1996.
11. Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск, 1976.
12. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX вв. Новосибирск, 1975.
13. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб, 2008. Т. 1.
14. Серошевский В.Л. Якуты. М., 1993.
15. Стротивый Кулун Куллустуур: Якутское олонхо. М., 1985.
16. Яковлев В.Ф. Якутские коновязи // Язык – Миф – Культура народов Сибири. Якутск, 1988.

Статья поступила
в редакцию 26.09.2012 г.

УДК 394.262.5+398.33+398.332.4

Г.В. ЛЮБИМОВА

СИБИРСКАЯ ПРИРОДА В ЗЕРКАЛЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ МЕМУАРИСТИКИ (ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ)*

канд. ист. наук
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: terra-gl@mail.ru

Восприятие природного окружения сельским населением Сибири рассматривается сквозь призму мемуарной литературы. Охватывая различные этапы аграрной модернизации, крестьянские воспоминания позволяют проследить процесс смены традиционных представлений о природе как неиссякаемом источнике жизненных благ осознанием проблемы истощаемости ее ресурсов.

Ключевые слова: наивная литература, крестьянские воспоминания, аграрная модернизация, экологическое сознание, сельское население Сибири.

«Наивная литература», или тексты, созданные в рамках «неписменной (по преимуществу) культуры», известна, по крайней мере, с первой половины XIX в. Однако лишь во второй половине XX в. это явление приобрело массовый характер [1]. «Кумулятивный эффект» всеобщего среднего образования, по мнению А.П. Минаевой, привел к появлению огромного количества такого рода воспоминаний, дневников, стихотворений и даже художественной прозы [2, с. 68, 70].

Возникновение самого феномена «наивного письма» явилось следствием глубоких общественных трансформаций. Массовое обретение голоса теми, кого долгое время называли «безмолвным большинством», сопровождалось становлением нового направления – «устной истории», с ее вниманием к рядовому участнику исторического процесса, его жизненному опыту, ощущению времени, а также его оценкам эпохи [3].

Характерным примером «наивной литературы» могут служить рукописные тексты воспоминаний сибирских крестьян. Относительная немногочисленность этих источников обусловлена рядом факторов. В отличие от старообрядческой среды, где уровень грамотности всегда был очень высоким, грамотность основной массы сельского населения стала неоспоримым фактом только в 1920–1930-е гг. Однако лишь небольшая доля мужчин, рожденных в первые десятилетия XX в., достигла преклонного возраста, а именно тогда у человека появляется потребность осмыслить прожитые годы и изложить свои размышления на бумаге.

Социально-психологический портрет каждого из поколений советских крестьян определялся собственным багажом жизненных правил. Поколение, рожденное в период с 1917 г. до начала коллективизации,

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (госконтракт № 14.740.11.0766) и тематического плана НИР Минобрнауки (НИР 1.5.11 и 1.31.11), при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00199

застало традиционный уклад жизни, но уже получило советское воспитание¹. Они пережили раскулачивание, террор, войну и послевоенные трудности. Но главное, считает Н.Н. Козлова, они уже покинули традиционное общество: жизнь в традиционной культуре у них – в прошлом, она «занозой сидит в их подсознании», являясь постоянным предметом размышлений и точкой отсчета. Написанные, как правило, в жанре «биографического нарратива на фоне процессов советской модернизации», произведения «наивной» литературы позволяют оценить «уникальные условия вхождения советского человека в модерн» [4, с. 113–114, 122].

Ярким образцом крестьянской мемуаристики является рукописное сочинение С.И. Курина (1921 г.р.), хранящееся в Колыванском районном краеведческом музее Новосибирской обл.² Авторский стиль изложения (с вкраплениями «официальных» оборотов) отличается преобладанием устного дискурса, поэтому может быть обозначен как «разговорный». Рассказчик исподволь вводит читателя в свою жизнь, воссоздавая обстоятельства, побудившие его взяться за перо:

После обеденного отдыха... сел за стол перед окном и любуюсь на природу зимы. Все попряталось под снежным покровом... Когда больше (всего) думается? ...когда нет дел, особенно в одиночку... на пенсии. [Зимний пейзаж неизбежно наводит на размышления об ушедшей жизни]. Поглядываю в окно, и что же, вы думаете, я вижу? Картину детства своего... свой край деревни, где я родился и рос помаленьку в крестьянской семье... Вот передо мной сейчас открытая панорама пустого поля... На этом месте ведь жили люди, и долго жили. Хорошие ведь дома были... А сейчас пустырь... голое место осталось.

Перемены в облике родного села пробуждают в авторе острую потребность передать свои знания о прежней жизни современному читателю:

Ох, как быстро времечко летит! Хоть бы успеть написать историю Сидоровки... а то никто [и] приблизительно не будет знать, откуда [она] взялась. И меня бы, покойного, вспомнили, что оставил память о ней³.

В воспоминаниях автора изложена типичная история сибирского переселенческого села, основанного в конце XIX в. выходцами из центральных губерний России в Колыванском у. Томской губ. на расчищенном от леса участке «лиственной тайги». В тексте подробно представлены обстоятельства возникновения с. Сидоровки; дана характеристика этнокультурных взаимодействий первых поселенцев (русских, мордвы и чувашей); прослежена история данного населенного пункта вплоть до образования колхозов.

Повествование неоднократно прерывается раз-

мышлениями автора о влиянии социальных и политических катаклизмов на развитие крестьянского хозяйства. Описываемый период характеризуется как «тяжелое, мучительное» время, для обозначения которого рассказчик использует такие выражения, как «переворот», «вся эта круговерть» и даже «нечестивая заваруха».

Воспоминания С.И. Курина позволяют проследить трансформацию крестьянской культуры в категориях самой крестьянской культуры, выявить изменения, происходившие в сознании сельских жителей Сибири на разных этапах аграрной модернизации. Одним из индикаторов таких изменений может быть отношение к природному окружению, а также характер природопользования в целом.

Необходимость противостояния суровым условиям, когда крестьянам приходилось «отвоевывать» жизненное пространство у окружающей среды, предопределила чрезвычайную устойчивость свойственных сибирякам представлений о том, что «с природой нужно бороться». Размышляя об отсутствии «бережного» и «жалостного» отношения своих земляков к природе, сузунский краевед П.Ф. Пирожков с горечью констатирует: «Да и как с ней было не бороться, если и без того малопродуктивный труд населения Сибири иной раз сводился к нулю вследствие засухи, вымочки посевов, осенних и весенних заморозков или вредителей».

Вместе с тем представления о необходимости бороться с природой долгое время сочетались с верой в безграничность и неисчерпаемость природных запасов, что в свою очередь порождало бесконтрольное потребление ее богатств.

Зато сама природа, – читаем у П.Ф. Пирожкова, – была настолько буйна и обильна, что не было [как казалось]... этому обилию ни конца и ни края. Лесу руби, сколько надо, и не вырубись, траву коси и не выкосишь, рыбу лови и не выловишь...⁴

Будучи характерной особенностью традиционно-мировоззрения в целом, представления о неисчерпаемости природных ресурсов Сибири долгое время определяли специфику крестьянского отношения к природной среде. Местные жители, к примеру, называли Алтай «божьей пазухой» – настолько богат он был дарами природы [6, с. 161, 169].

Природные богатства Сибири были важнейшей притягательной особенностью края в период массовых аграрных миграций, и это находило отражение в письмах крестьян на родину. Фрагмент подобного послания приводит С.И. Курин:

«Кум Николай, – писал оставшимся в России родственникам тамбовский переселенец Ефрем Курин, – бросай свою Тележенку и езжай к нам, в Сидоровку. Жизнь здесь хорошая, дров вволю... Кругом лес березовый да осиновый... Земли свежие для пашни... Мужики урожай хорошие берут, а работы по найму – хоть не отдыхай... Зима хотя и холодная, ... но никто не замерзает, в избах тепло... А какое здесь раздолье летом! Приезжай, сам увидишь... Не бойся,

¹ Адоньева С.Б. Три поколения советских крестьянок: социаль-но-исторический контекст полевых исследований. URL: <http://www.folk.ru/Research/conf.php?rubr=Research-conf> (дата обращения: 20.03.2011).

² Неоднократная публикация обширных фрагментов воспоминаний С.И. Курина была предпринята В.А. Зверевым (полный список см.: [5]). В настоящей работе при ссылке на данную рукопись указывается нумерация листов, дополнительные тетради обозначаются цифрами I–IV.

³ Воспоминания С.И. Курина. III. Л. 2–3.

⁴ Фонд П.Ф. Пирожкова (1908–1979) // Сузунский районный краеведческий музей Новосибирской обл.

что пропадете с голоду или что звери растерзают... Это нас бары пугали, ... чтобы не покидали их после получения вольной». Далее уже от своего имени автор рукописи добавляет: «Сильно боялись расейские Сибири, считали проклятым, разбойничьим местом». Опровергая данное мнение, сам он характеризует Сибирь как «райское место», «божий рай» (рис. 1), поясняя свою оценку следующим образом: «Тут тебе и рыбы, сколь хошь, и дичины уйма... и хлеб родится. Скота сколько надо, столь и разводи... Работай, не ленись, все будет». При этом главным достоинством сибирской жизни автор считает отсутствие подневольного труда: «Ни надзору, ни барщины, живи себе на здоровье... Зажили сидоровские мужики на вольных землях... Богатеть стали веселые росейские лапотники»⁵.

Следствием беспрецедентного роста сельского населения Сибири в конце XIX – начале XX в. явилось резкое усиление антропогенного воздействия на природу. С.И. Курин неоднократно возвращается к вопросу о том, какое влияние оказывала деятельность переселенцев на природное окружение:

От стука топоров и людских голосов... нарушилась тишина верх-вьюнской поймы. Забеспокоился зверь лиственной тайги... Строение Сидоровки отеснило певуний от (их) гнездышек... А лес-то опять застонал от пил и топоров... стал все дальше отступать на север... за тойское займище⁶.

Немало проникновенных страниц рукописи посвящено описанию сибирской «лиственной тайги» – болотистым местам за Колыванью на р. Вьюнке, поросшим «березовым лесом вперемешку с осиной да тальником с акацией». Особую любовь у автора вызывают птицы, благодаря которым Вьюнское займище характеризуется как «веселое место»:

А вообще-то веселое место было. С ранней весны начинается переключка птиц... Всякая птица по-своему радуется... Как выйдешь в поскотину, дак не наслушаешься всяких птичьих концертов... А как прилетят перелетные, так и не уходил бы с поля...⁷

Описывая родную природу, С.И. Курин в первую очередь обращает внимание на потенциально полезные в хозяйстве ресурсы. Обилие лесных растений обеспечивало деревенскую детвору питанием в летнее время: «летом пропитаться можно дарами лесных растений. Вот уж этим Сидоровка была богата». В ближних колках и перелесках произрастали «ягодные кустарники». Имелись также «наземные ягоды... травяные да и земные съедобные растения... Мы с ребятней с самой весны любили шляться по поскотине. Сперва медушки собирали... за ними саранки, пучки, шкерды... потом ягода всякая нарастет... наедались до отвалу, да и на зиму запасали». В небольших озерах водилась «рыбешка». Росший по берегам мох «шел в построение домов». Ценным сырьем считался тальник, поскольку «таловое корье шло на выделку кож и овчин». Широкие промысловые возможности определялись обилием дичи, которой хватало и людям, и зверям. Даже хищники, уверяет рассказчик, бывали иной раз полезными

в хозяйстве: «вон у соседа Михаила... в стожку в сене уже три года живет волчица... Дак он этот стожок и не трогат, чтоб не обидеть ее, по то, что она стережет его хозяйство от остального зверья». В целом авторское понимание красоты явно совпадает с понятием пользы: «А красотища какая! Лес кругом, топлива хватит, дрова вольные – кизяки не надо делать»⁸. Свойственное народным воззрениям отождествление утилитарной и эстетической ценности распространялось, таким образом, и на восприятие природы. В соответствии с бесхитростной формулой «красиво то, что полезно», «красными» (красивыми) в народе считались те места, которые выглядели удобными для проживания и приложения рук человеческих [7, с. 344–345].

Такой прагматизм определялся преимущественно натуральным характером хозяйства сибирских крестьян. Материалом для постройки жилища, изготовления одежды, обуви, орудий труда и предметов домашнего обихода вплоть до 1930-х гг. (а местами и дольше) оставалось местное природное сырье. По словам старожилов, «вся жизнь была сводедельская»⁹ («...носили одежду своего рукоделья», – поясняет С.И. Курин). Мало на ком можно было увидеть рубашку или штаны «фабричного изготовления». «Все было самими выращено, обработано... спрядено... да выткано на ручных станах. Особенно (теми), которых душила беднота». Так, «самой роскошной обувью» у переселенцев считались «новенькие, фигуристо сплетенные лапоточки... из талового лыку», в которых ходили круглый год, меняя по сезону только портянки.

И все же, подводя итог двадцатилетнему развитию с. Сидоровки, автор констатирует, что в селе появились богатые крестьяне, имевшие «большие площади пахотной и покосной земли». Были и «купчишки», державшие лавочки и закупувавшие «сельхозинвентарь на конной тяге». Имелась даже «дивовинная машина... единственная на все село сноповязалка».

Поступательное развитие переселенческого села в начале XX в. неоднократно прерывалось войнами, революциями и прочими бедствиями, в результате которых многие крестьянские хозяйства разорались:

С начала [германской] войны срезалось развитие многих хозяйств... [а] тут революция следом... С гражданской [еще] больше горя пришло... Вот тут-то Сидоровка почти совсем обнищала.

Отмечая, что «торможение в развитии» наблюдалось «в годы германской войны да революционного перемена царской власти на советскую», автор связывает период относительного благополучия (когда снова «воспрянули духом мужики») с «народно-экономической политикой» и продляет его до начала 1930-х гг.¹⁰

Новая индустриальная цивилизация, по свидетельству Н.Н. Козловой, надвигалась на деревню через постоянные экспроприации и внешнее привнесение технических средств. Оказывая модернизирующее

⁸ Там же. Л. 14, 63, 234–235.

⁹ ПМА, 1982 г.: А.Ф. Жихарева, 1918 г.р., с. Сибирячиха Солонешенского района Алтайского края.

¹⁰ Воспоминания С.И. Курина. III, IV. Л. 31–32, 70, 84–89, 142–146, 180, 200, 223.

⁵ Воспоминания С.И. Курина. IV. Л. 8, 11, 14, 22–23, 64, 82, 94–95, 120.

⁶ Там же. Л. 25–26, 33, 56, 75.

⁷ Там же. Л. 11, 25–26, 236–237.

воздействие на сельское население, новая техника зачастую воспринималась в «квазимагических категориях» [4, с. 116]. Огромное впечатление от первого в Сидоровке трактора передано С.И. Куриным через традиционное для таких случаев сравнение техники с нечистой силой. Всех ребятишек, прокатившихся на «самоходных чудовищах», матери, по словам автора, решили вести в церковь к попу – «служить молебен и кропить святой водой», чтобы из них вышла вся нечисть¹¹. Что касается экспроприаций, то основная тяжесть «твердых планов сдачи хлеба» легла на зажиточных крестьян. Многих из них «признавали кулаками с лишением гражданских прав и ссылкой в таежные необжитые места». Типичной крестьянской реакцией на небывалые притеснения было «разбазаривание» имущества: «Некоторые мужики быстро поняли политику сельского совета... (и) пораспродали лошадей в городе, оставив по одной лошади на двор». Были и такие, кто «под нажимом непосильных налогов... по-оставляли свои дома» с постройками, взамен получили «справки на право перемены [места] жительства». Вот и «осталась Сидоровка как щипаная курица», – заключает автор¹².

Главной причиной нежелания вступать в колхозы рассказчик называет царившую в них бесхозяйственность:

Хозяев поразорили, а доброго ничего не сделали... Сколько там гинуло кулацких построек! Только в дело мало что пускали, а больше все на дрова шло.

Особенно резких оценок автора удостаиваются способы содержания скота: «Голытьба, вступившая в колхоз... к общему имуществу относилась по-варварски», за год «поперекалечили» почти всех лошадей¹³. Другой темой воспоминаний о коллективизации, стала тема голода:

«Пощипали [мужиков]... большими налогами, да хлебом здорово обидели... Если кто [зерна] не припрятал... голодом оставался всей семьей. Ходили колосья собирали... тут и лебеда пошла в хлеб, и разные травы... Было дело, раскапывали в полях хомячьи норы... Хомяк, – сообщает в авторском отступлении С.И. Курин, – он запасливый зверек... [у него] под землей хранилища зерна [устроены]. Взрослые и ребяти... раскапывали хомячьи склады и доставали по три ведра чистого зерна, больше всего пшеницы»¹⁴.

Таким образом, 1930-е гг. стали тем рубежом, когда произошло окончательное отторжение крестьянина от земли, утрата крестьянской психологии и инициативы. Представления о крестьянской земельной собственности заменил «принцип работы на ничейной земле».

Экологический потенциал единоличного хозяйства, по оценке Т.К. Щегловой, определялся его высокой адаптированностью к природно-климатическим и ландшафтным условиям конкретной местности – будь то степные или таежные участки, ложки или согры,

низины или возвышенности. Крестьяне хорошо знали потенциальные возможности того или иного участка и поэтому могли определить оптимальные сроки посева и уборки урожая, состав культур и способы содержания скота. Переход к ведению хозяйства «по команде сверху», а также распространение колхозно-совхозной практики массовых пахот и посевов одинаковых культур на больших площадях привели к потере крестьянских производственно-экологических традиций [3, с. 81–82, 84, 113, 470]. Идеалом сельскохозяйственного ландшафта на долгое время стало огромное поле «без единого холмика, кустарника или деревца». Такой ландшафт, удобный для быстрого механизированного ухода за посевами, как выяснилось в дальнейшем, разрушал плодородие почвы, и поддержание монокультурных агроэкосистем становилось возможным лишь при условии массовой химизации [8].

В массовом экологическом сознании сельского населения именно «химия» стала одной из причин заметного сокращения видового разнообразия растительного и животного мира. «Какая же красотища была в поскотине! А пеньи птиц как интересно бывало слушать! – вспоминает С.И. Курин, – не то, что сейчас – никакой птички не услышишь. Это все подействовало отравление химикатов»¹⁵. Удивительные параллели приведенным воззрениям находим в сочинениях современных писателей-старообрядцев. Так, в произведении енисейского крестьянского писателя А.Г. Мурачева, озаглавленном «Наука и техника природе убийца» (1983), говорится, что именно «химия» послужила причиной, по которой «изгинули» или «совсем ушли к отмиранию десятки пород», заботливо сохраненных Ноем «от гибели потопа». В силу ярко выраженного эсхатологического характера старообрядческого мировоззрения наблюдаемые сегодня явления (когда «лес сохнет, трава блекнет... скалы и камни дряхлеют, моря и реки мелеют» и т.п.) расцениваются автором как неопровержимые признаки наступления «последних времен» [9, с. 398–399].

В прежние времена, пишет в этой связи Н.Н. Моисеев, «процессы взаимной адаптации общества и природы шли веками», поэтому «они могли становиться заметными лишь на интервале жизни многих поколений». В настоящее время ситуация стала качественно иной: «антропогенные изменения окружающей среды уже при жизни одного поколения существенно меняют условия жизни людей» [10, с. 341–342]. Являясь ценным источником для изучения экологического крестьянского сознания, такие воспоминания помогают проследить динамику отношения сельского населения к природной среде в контексте неизбежных процессов аграрной модернизации, а также социальных и политических катаклизмов XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001.
2. Минаева А.П. «Наивная литература»: творчество и стереотипы // Традиционная культура. 2003. № 2. С. 68–74.
3. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в.: устная история. Барнаул, 2008.

¹¹ Там же. Л. 323–329.

¹² Там же. Л. 288, 321, 344.

¹³ Там же. Л. 328–329, 342–343, 353.

¹⁴ Там же. Л. 274–275.

¹⁵ Воспоминания С.И. Курина. Л. 235–236.

4. Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 112–123.
5. Зверев В.А. «Жить, чтобы люди завидовали»: социокультурная история переселенческой деревни в семейном предании Куриных // Актуальные вопросы истории российской провинции XVI–XX вв. Новосибирск, 2011. Вып. 6. С. 153–178.
6. Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири, XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск, 1991.

7. Никитин Н.И. Традиционная практика природопользования и экологические аспекты народной культуры // Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998. С. 335–355.
8. Пестициды в экосистемах: проблемы и перспективы. Новосибирск, 1994.
9. Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 2005.
10. Мусеев Н.Н. Современный рационализм. М., 1995.

Статья поступила
в редакцию 10.02.2012 г.

УДК: 39: 008 (571.65)

Г.Н. ВАРАВИНА

ДУША В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАРОДОВ СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ ЭВЕНОВ И ЭВЕНКОВ)

Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН (ИГИ и ПМНС СО РАН)
Республика Саха (Якутия), г. Якутск
varavina1982@mail.ru

В статье рассматриваются традиционные представления тунгусоязычных этносов – эвенов и эвенков – о душе и связанная с ними ритуальная практика. Привлекаются этнографические и фольклорные материалы. Раскрывается синтетический характер традиционных воззрений народов тунгусо-маньчжурской общности.

Ключевые слова: духовная культура народов Севера, тунгусоязычные этносы, традиционное мировоззрение, представления о душе.

Представления о жизни человека от рождения до смерти, а также о последующем «существовании» его души играли важную роль в культуре народов Севера, в том числе в культуре тунгусоязычных эвенов и эвенков.

Эвенки полагали, что каждый человек обладал несколькими душами, среди которых были его двойники и двойники отдельных частей его тела. Одной из душ-двойников была «душа-тень». Эвенки называли ее *ханян* или *ханякан* (*кан* – уменьш. суффикс). В эвенском языке душу обозначали словами: *хинян* («тень», «призрак») и *ханин* («дым») [1, с. 113].

Фольклорный материал свидетельствует о том, что тень представлялась одним из воплощений души человека, например в эвенском эпосе «Чипитор»: «Ачурмилан убил богатыря Наадини. Вытирая пот, стал говорить: *Гэрэлэнь, теперь/ Гэрэлэнь, тень/ Гэрэлэнь, этого/ Гэрэлэнь, Наадини/ Гэрэлэнь, надо связать, Гэрэлэнь!*» [2, с. 115]. Из этого примера видно, что герой, убив противника, собирался связать его «тень», чтобы считать его убитым, а себя – победителем.

У эвенков «душа-тень» мыслилась находящейся внутри человека до тех пор, пока тот был жив, или поблизости от его тела – в виде тени, отражения. Поэтому слова «душа», «тень», «отражение» в эвенкийском языке являются синонимами [3, с. 57].

Поскольку тень считалась частью человека, на нее не разрешалось наступать. В понятие *ханян* входило отражение как в воде, так и в зеркале, поэтому дарить или передавать зеркала запрещалось. Имевшие зеркала прежде их прятали. Позже, когда появились фотографии, эвенки перенесли и на них свои представления о *ханян*. Появился запрет на фотографирование [4, с. 224].

Типологически эвенское *хинян* («тень», «призрак») и эвенкийское *ханян* («душа-тень») можно соотнести с понятием *сызанка* – «тень-образ» у нганасан. По материалам Г.Н. Грачевой, у нганасан: «Образ (тень), пока она с человеком, не принимает никакого активного участия в его деятельности. Но она может появиться в представлении любого человека независимо от воли «владельца», что, по-видимому, и дает повод считать ее «свободной душой». Вред легче всего нанести именно через тень, т.е. через образ, отражение. Однако, если она совсем покидает «хозяина», человек умирает» [5, с. 73–74].

Представления о «свободной душе» также входили в понятия *хинян* («тень», «призрак») и *ханян* («душа-тень») у эвенов и эвенков. У этих народов считалось, что душа человека находится в его сердце, но большей частью пребывает вне его, лишь только сопутствуя ему, как тень [6, с. 89].

По воззрениям эвенов, душа во время сна как бы «улетала» на далекие расстояния, и сновидения человека были результатом ее путешествия. Поэтому запрещалось неосторожно будить спящего, так как считалось, что душа может не успеть возвратиться обратно, также запрещалось наступать на тень человека, ставить на нее какие-либо предметы [7, с. 33].

Как отмечает К.М. Рычков, временное отсутствие души в теле человека подтверждали испуг, сны, грезы, случаи летаргии, обмороки, галлюцинации и проч. Кроме того, временное отсутствие души вызывало болезнь у человека, а смерть наступала после того, как вследствие отсутствия души в тело вселялась болезнь и «съедала» его. После этого душа улетала к верховному божеству *Маину* для того, чтобы опять появиться в виде новорожденного ребенка [6, с. 89].

Из этого следует отмеченное С.А. Токаревым представление о таком свойстве души, как пассивность. Он писал, что «душа человека представляется как слабое, беспомощное существо, которое легко подвергается нападению со стороны колдуна или злого духа». Эта идея особенно была характерна, по данным С.А. Токарева, для чукчей, эвенков, якутов, бурят [8, с. 101]. Здесь следует отметить, что пассивность является отличительной чертой души живого человека, а душа мертвого, как указывает С.А. Токарев, имеет совсем другие свойства.

В шаманской практике эвенков существовал обряд сохранения душ людей от похищения злых духов. Перед камланием-лечением (*иллэмэчипкэ*) изготавливали специальных куколок и «душехранилище» (*омирук*) – коробку или мешочек. После камлания шаман «помещал» в это душехранилище души всех домочадцев больного до его выздоровления. Некоторые шаманы из илимпийской группы эвенков брали от каждого из семьи больного по пряди волос, в которых они будто бы и хранили их души [4, с. 226].

Чтобы защитить ребенка, шаман у эвенов и эвенков первое время прятал его душу в каком-либо укромном месте, опасаясь, чтобы ее не похитил какой-либо вредный дух; «там она обитает ночью и лишь днем прилетает к спящему ребенку, причем последний, увидев свою душу во сне, смеется» [6, с. 89]. Душа детей, особенно грудного возраста, соотносилась с образом птицы, считалась «некрепкой» и легко становилась жертвой злых духов [9, с. 100].

Бытовало мнение, что некоторые души, возвращенные шаманом после похищения их злыми духами, оказывались наполовину почерневшими, а это означало, что злой дух уже начал «поедать» их [6, с. 89].

Возвращаясь к понятию «души-тени», следует отметить, что, по материалам исследователей, в представлениях многих народов Севера и Сибири (у юкагиров, коряков, нанайцев, удэгейцев и др.) тень считалась аналогом (частью) души человека. В целом тень, как и дыхание, и кровь, составляли в совокупности то необходимое, без чего невозможна была жизнь человека.

По материалам А.Ф. Анисимова, у эвенков душа *маин* – «душа-судьба» отождествлялась с понятиями индивидуального счастья, удачи, судьбы человека и мыслилась как невидимая для глаза простого

смертного нить, которая идет от головы в Верхний мир – *Узу Буга*, прямо в руки к верховному божеству. «Если оборвет божество ниточку-судьбу, то тогда один исход – человек умирает. В тех случаях, когда ниточку души-судьбы божество обрывало нечаянно, шаман с позволения божества влезал на спину своего помощника *калир* (мифического оленя с рогами лося и хвостом рыбы) и связывал порванную ниточку узелком» [3, с. 60, 62].

Нить как воплощение души человека – сюжет универсальный. Семантика нити могла реализоваться через разные образы. Она была связана с представлениями о волосах. Эвены и эвенки в экстраординарных случаях (например, при наступлении какой-либо эпидемии или после болезней) срезали у себя с головы по прядке волос и отдавали их на хранение шаману, чтобы какой-либо злой дух не похитил их души. При головной боли шаман срезал прядку своих волос, сжигал ее и давал нюхать больному [6, с. 133]. Этот пример показывает, что у эвенов и эвенков волосы человека также являлись эквивалентом его души и ассоциировались с нитью его судьбы.

В фольклоре эвенков в сказании «*Иркисмондясонинг*» *Секак-красавица* спасает своего племянника *Чагилкана* и его товарища благодаря своим волосам, опустив их в ущелье: «Зацепитесь оба за концы моих волос, а я подниму вас на эту скалу» [10, с. 67].

В эпосе эвенов «Геакчавал»: «*Мальчик взглянул: стоит женщина и расчесывает свои волосы. / “Я ее поймал за волосы...” / Он взял прут, схватил женщину за волосы и стал бить*» [11, с. 253]. По представлениям эвенов и эвенков, прикосновение к волосам равносильно лишению жизненной (магической) силы противника [11, с. 294].

В традиционной культуре эвенков и эвенов с волосами были связаны многие обычаи и обряды. Погребальные обряды эвенов и эвенков сопровождалась ритуальными действиями с волосами как умершего, так и участников обряда. По данным Г.М. Василевич, эвенки верили в особую силу волос, которые могли быть временнымместилищем души и поэтому могли считаться заместителем человека. Основываясь на материалах Я.И. Линденау, Г.М. Василевич отмечала, что «в XVIII веке у удских эвенков муж укладывал срезанную прядь своих волос под мышку покойной жены при похоронах, а жена делала то же, кладя прядь на грудь покойного мужа, веря в то, что благодаря этому они не расстанутся в мире мертвых» [4, с. 224].

Этот обычай удских эвенков был связан, наверное, с представлениями о том, что волосы могли символизировать дорогу в загробный мир: положенные в гроб волосы, как нить или веревка, «укладывались» на путь покойного. Волосы могли при этом ассоциироваться с невидимой нитью, посредством которой связывались близкие люди.

Не менее интересный обычай зафиксирован Я.И. Линденау у ламутов (эвенов) в конце XVIII в. Так, у последних траур состоял в том, что они не заплетали волос [12, с. 68]. Почему ламуты так поступали, исследователь не объяснил. Вероятно, волосы для них представляли собой материальное воплощение судьбы человека. Этот обычай можно связать еще с одной из

вестной традицией эвенов и эвенков – с обычаем шитья погребальной одежды без узлов, который существует и в настоящее время.

Очевидно, обычай шить погребальную одежду, не завязывая узлов, характерный для дальневосточных эвенков и эвенов, был связан с представлением о том, что никакие узлы не должны мешать умершему перейти в другой мир, жизнь в котором, по воззрениям эвенков и эвенов, очень похожа на нашу. Узелок на нити-жизни – всегда препятствие, грозящее оборвать нить-судьбу [13, с. 76].

Можно предположить, что если в религиозных взглядах эвенов и эвенков волосы представляли материальное воплощение нити-судьбы, то они не должны были заплетаться во время похорон и траура. Заплетание волос во время траура было, вероятно, аналогично завязыванию узлов на нити-жизни, а узел всегда является препятствием.

В этом контексте могут быть также проинтерпретированы до сих пор существующие у эвенков и эвенов табу, связанные с волосами, в частности, запрет остригать волосы мужа женой – укоротить его жизнь, либо семейная жизнь не будет ладиться. Нельзя стричь, обрезать волосы вечером и ночью, нельзя вечером и ночью причесываться, заплетать волосы, так как можно потерять волосинки, и тогда частью души завладеют злые духи, отчего человек начнет болеть. Расчесываясь, обязательно собирали все до единой волосинки и сжигали, чтобы не потерять силу и т.д. [10, с. 66].

На наш взгляд, эти табу могли еще быть связаны с представлением о том, что волосы являются «бессмертной» частью тела человека. Отмечая этот факт, О.А. Седакова пишет, что «в теле как смертной половине человека, сохранение которой после кончины вредоносно и опасно для живых, обрядовые действия и поверья выделяют некоторые части как “бессмертные” – или, что то же, уже при жизни принадлежащие смерти. Это прежде всего касается костей, *волос*, ногтей, зубов» [14, с. 58–59]. Подобные представления известны многим народам, в том числе эвенкам и эвенкам.

Помимо телесных характеристик человека, по материалам А.Ф. Анисимова, эвенки имели представление о *душе-оми*, которая приходила в утробу женщины извне и непосредственно с телом не отождествлялась. С момента рождения человека душа становилась двойником его тела и отождествлялась с его отражением в виде тени, вследствие чего и называлась *ханян*. Когда человек умирал, то его телесная душа *бэен*, как полагали эвенки, уходила в мир мертвых, а видимый двойник человека, *ханян* становился снова *оми* и уходил на вершину мифической родовой реки, в родовое вместилище душ – *омирук*. По дороге в Нижний мир *оми* принимал образ птицы и улетал в Средний мир к людям, и *манги* прекращал ее поиски, а душа *оми*, прячась в утробе женщины, давала начало новой жизни [15, с. 80–81].

Из фольклорных материалов эвенов и эвенков следует, что часто родителями богатыря выступают зверь или птица. Так, в текстах индигирских эвенов говорится о трех птицах-лебедях: одна из них и стала

прародительницей эвенского рода. В эпике нижне-учурских эвенков появление у старухи богатыря предваряется птичьим звуком, и старуха нарекает его птичьим именем – *Хуругочон* [16, с. 126].

В религиозных верованиях эвенов и эвенков душа человека имела облик птицы¹. Как рассказывала одна из собеседниц, она неоднократно слышала в детстве от своих родителей, что птиц нельзя убивать, потому что «это души детей»².

По верованиям эвенков, души умерших детей превращались в птиц и улетали на небо. У енисейской группы такой превращенной душой считалась маленькая желтая птичка, называемая *чичак*. Душа ребенка в образе этой птицы время от времени прилетала к своей матери и пела ей песню о небе [6, с. 77].

Образ птицы как перевоплощения человека или его души в фольклоре народов Севера встречается очень часто. Например, в шаманском эвенском тексте шаман после смерти возвращается в мир людей в виде кукушки. При этом появление кукушки в жилище считалось плохим знаком [17, с. 157].

В представлениях многих народов «кукушка являлась воплощением души и была связана с представлениями о судьбе, смерти, загробном царстве», «кукушка чаще всего считается воплощением грешной души, вестником смерти, она называется грешной птицей, вдовьей птицей» и т.д. [18, с. 242].

В фольклорных текстах эвенов и эвенков кукушка предстает вместилищем души шамана, выполняет функцию птицы-вестника, а также является помощником-духом шамана. Поэтому у эвенов и эвенков существует поверье, согласно которому нельзя гоняться за кукушкой и убивать ее: «Кукушка – это душа человека» [17].

Птица как воплощение души – представление довольно широко распространенное. Некоторые исследователи полагали, что представление о птице-душе возникло из воззрений о том, что при сжигании трупов душа переходила в дым. Такое представление о переходе души в дым можно связать, на наш взгляд, с понятием *ханин* у эвенов. Данное понятие (душа-дым) имеет древнюю семантику, связанную со способами захоронения умерших. У эвенов и эвенков не было обряда трупосожжения, до обращения в христианство они в основном практиковали воздушные захоронения. Из обобщенных Е.И. Деревянко материалов мохэ – предков тунгусо-маньчжурских народов, известно, что у них бытовало три способа захоронения, в том числе кремация [19, с. 216–217].

Таким образом, в традиционном мировоззрении эвенов и эвенков душа человека имела различные ипостаси и символические воплощения: представления о душе были связаны с тенью, эквивалентом души являлись также волосы, птицы. Все это свидетельствует о сложном синтетическом характере традиционных представлений народов тунгусо-маньчжурской общности.

¹ ПМА (Полевые материалы автора. 2010 г., пос. Чокурдах Аллаховского улуса Республики Саха (Якутия).

² Там же.

ЛИТЕРАТУРА

1. История и культура эвенов: Историко-этнографические очерки / под ред. В.А. Тураева; РАН, Дальневост. отд-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. СПб., 1997.
2. Лебедева Ж.К. Архангелский эпос эвенов. Новосибирск, 1981.
3. Анисимов А.Ф. Религия эвенов в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л., 1958.
4. Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л., 1969.
5. Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX в.). Л., 1983.
6. Рычков К.М. Енисейские тунгусы // Землеведение. М.; Пг., 1922. Кн. III–IV.
7. Алексеева С.А. Космологические представления эвенов // Илин. 2002. № 3. С. 31–35.
8. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.
9. Березницкий С.В. Современные представления дальневосточных эвенов о душе и смерти // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., 2009. Кн. I. С. 98–103.
10. Варламова Г.И. Мировоззрение эвенов: Отражение в фольклоре. Новосибирск, 2004.
11. Эпос охотских эвенов. Якутск, 1986.
12. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (1 половина XVIII в.): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983.
13. Варламова Г.И. Душа-судьба Маин // Полярная звезда. 1996. № 2. С. 75–83.
14. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.
15. Анисимов А.Ф. Космологические представления народов Севера. М.; Л., 1959.
16. Лебедева Ж.К. Сюжет «Возмужание юного богатыря» в эпической традиции народов Крайнего Севера // Полярная звезда. 1981. № 4. С. 126–129.
17. Петрова В.А. Шаманский нимкан в эвенском фольклоре // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 107. С. 155–159.
18. Голубкова О.В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск, 2009.
19. Деревянко Е.И. Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. (Очерки этнической истории и культуры). Новосибирск, 1981.

Статья поступила
в редакцию 10.02.2012 г.

УДК 391.7+745.04

М.В. МОСКВИНА¹, Е.В. САМУШКИНА²

ФЕНОМЕН ЖЕНСКОГО УКРАШЕНИЯ ПОГО В СТРУКТУРЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИИ

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
г. Новосибирск
e-mail: marg.moskvina@gmail.ru;
²канд. ист. наук

Институт археологии и этнографии СО РАН
г. Новосибирск
e-mail: khakassie@yahoo.com

В статье представлен анализ традиционного женского нагрудного украшения пого в структуре культурно-исторического наследия Республики Хакасия. Образ украшения включен в геральдическое творчество. Он стал символом полиэтнического хакасского сообщества. Анализ семантики и символики пого определяет содержание настоящей работы.

Ключевые слова: культурно-историческое наследие, символизация этничности, женские украшения, пого.

Объекты историко-культурного и археологического наследия, духовная культура, которая рассматривается как нематериальное наследие, становятся для населения Саяно-Алтайского региона символами этнической и региональной идентичности.

В Хакасии на уровне Министерства культуры республики разрабатываются программы и законодательные акты, посвященные сохранению и развитию этого наследия. Это закон Республики Хакасии от 21 октября 1994 г. «О культуре»; целевая программа «Развитие культуры и сохранение культурного наследия Республики Хакасия на 2008–2010 годы»; Закон Республики Хакасии «О Республиканской целевой

программе “Популяризация культурного наследия и развитие культурного туризма в Республике Хакасия на 2009–2013 годы”¹.

Последняя программа принята в 2008 г. Ее цель заключается в популяризации объектов культурного

¹ Закон Республики Хакасия «О Республиканской целевой программе “Популяризация культурного наследия и развитие культурного туризма в Республике Хакасия на 2009–2013 годы”». Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://zakon.scl.ru/ru/legal_texts/legislation_RF/?do4=document&id4=0199e105-222f-4de0-9fc3-24df4294cfb1 (дата обращения: 29.10.2010).

наследия народов России, в том числе Республики Хакасии (далее – РХ) через развитие культурно-познавательного туризма. Для ее реализации предлагается: музеефикация объектов культурного наследия; создание инфраструктуры культурного туризма; информационное обеспечение популяризации объектов культурного наследия; стимулирование развития культурного туризма². В рамках предложенной стратегии концепт культурного наследия определяется, по сути, как совокупность всех элементов традиционной культуры тюркоязычного населения Хакасии.

Культуру и историческую память хакасов транслируют различные институты (музеи, архивы, этнонациональные организации), призванные аккумулировать и систематизировать духовное наследие. Используя средства массовой информации, они представляют образы, тексты, символы тюркоязычного населения региона.

В 1994 г. была создана Хакасская республиканская общественно-политическая организация Лига хакасских женщин «Алтынай». Ее лидеры основной целью работы провозгласили сохранение и развитие традиций, обычаев и обрядов хакаского народа. Задачами объединения являются сохранение и развитие языка и культуры; повышение самосознания женщин; содействие их активному участию в общественных, политических и государственных структурах; решение проблем занятости; оказание благотворительной помощи малоимущим и многодетным семьям. «Алтынай» сотрудничает с органами государственной власти и представителями местного самоуправления Республики Хакасии. Деятельность лиги связана с организацией и проведением культурных мероприятий, акций в области социальной работы [1, с. 5].

Усилиями этой и других общественных и творческих структур республики разработан доступный и востребованный на уровне внутри- и межэтнических коммуникаций язык актуальных символов. Он включает в себя государственную символику, праздничный календарь, образы национальных героев, природный и культурный ландшафт, предметы и объекты, важные для идентификации сообщества (изваяния, традиционные украшения, одежда и т.д.).

Интерпретация символов выполняет функцию сплочения не только этнического, но и регионального сообщества. В формирующейся структуре идентичностей на уровне творческих исканий элиты и массового сознания (прежде всего в молодежной среде) конструируются и воспроизводятся новые формы этничности, для которых важны символические составляющие, в то время как реальные элементы традиционной культуры теряют свое значение в повседневности населения республики.

Одним из значимых символов современных практик самоидентификации является женское нагрудное украшение – пого, в традиционной культуре хакасов имеющее статусный характер, связанный с символикой и магией свадебных обрядов.

При опросах в школах и вузах Хакасии начала 2000-х гг. пого молодыми людьми было представлено

в виде символа народа (49 % опрошенных). При этом ученики проявили достаточно слабую осведомленность традиционных украшений в целом – около 54 % не могли перечислить всех национальных украшений, только 34 % готовы были надеть пого на праздник. А на вопрос: «Хотели ли они обладать хакасскими традиционными украшениями?», в том числе и пого, только 13 % учащихся дали положительный ответ [2, с. 169].

Такое двойственное отношение к украшению может быть объяснено тем, что в сознании молодого поколения Хакасии укрепилось представление о пого как официальном символе Республики Хакасия – этот образ представлен в государственном гербе третьей редакции.

По закону Республики Хакасии «О государственном гербе Республики Хакасия», принятому 29 мая 2001 г., современный государственный герб Республики Хакасии представляет собой серебряный круглый щит с красным традиционным хакасским женским нагрудным украшением пого в виде сердцевидной овальной пластины с двойной узкой золотой каймой. На красном фоне изображен крылатый снежный барс белого цвета с темными пятнами на спине и приподнятой передней правой лапой. Щит обрамлен березовыми ветвями с зелеными листьями. В основании обрамления в зеленом шестиугольнике помещена надпись «ХАКАСИЯ», в верхней разомкнутой части обрамления – солярный знак. Надпись «ХАКАСИЯ» и солярный знак – золотого цвета³.

Геральдическое творчество придает легитимный характер культурным ценностям хакаского этноса. Стратегия сохранения историко-культурного наследия направлена на формирование определенного типа жителя РХ – активного, творческого, свободного, ответственного, с выраженным чувством личного и национального достоинства. Творческими и научными кругами РХ намечены меры, содействующие формированию такого типа личности, усилению потребности населения в знании родного языка и культуры. По мысли одного из идеологов возрождения Л.В. Анжигановой, необходимо воссоздание «живых форм бытования традиционной хакасской культуры (хозяйственных промыслов и ремесел, национальной кухни и т. д.); создание и развитие системы мероприятий по развитию и рекламированию народного искусства и мастерства» [3, с. 92].

В связи с этим активизируется научно-методическая работа учителей РХ, связанная с введением в систему школьного образования этнонационального компонента. В докладе И.Е. Мишаковой, методиста управления образования Аскизского района РХ, отмечается, что «на сегодняшний день имеются, изданные учителями технологии, научно-методические пособия: «Приложение к программе по трудовому обучению с изучением хакаского декоративно-прикладного искусства», ценность которого заключается в описании технологии изготовления традиционного хакаского платья; в пособии «Хакасский национальный кос-

² Там же.

³ Закон Республики Хакасия «О государственном гербе Республики Хакасия» // Вестн. Хакасии. 2001. № 190. С. 12.

твом» обобщен опыт работы по знакомству учащихся с традиционными и современными видами хакасской одежды. ... Опубликованы авторские программы, статьи и разработки уроков учителей по рассматриваемой проблематике в сборнике «Национально-региональный компонент и музейная педагогика в образовательном процессе: Аскизский район» (Абакан, 2007 г.), «Музеи Аскизского района Хакасии» (Абакан, 2007 г.), в научно-методическом журнале «Поиск» [4, с. 42].

В качестве примера можно привести два плана уроков, в которых применен этнонациональный компонент. В поурочной разработке педагога дополнительного образования МОУ ДОД «Центр детского творчества» г. Абакана Э.К. Тудояковой в качестве актуальности выбранной темы урока обозначена тенденция к возрождению и сохранению забытых народных обычаев и традиций в России и в РХ, повышению интереса к культуре своего народа у подрастающего поколения. Поэтому, по мнению педагога, важно научить детей выполнять украшение пого, которое приобретает все большую популярность.

На занятиях творческого объединения «Хакасские узоры» целью урока, посвященного изготовлению украшения пого, обозначено: «стимулировать развитие интереса школьника к изучению культуры хакасского народа; воспитывать подрастающее поколение на народных традициях; развивать художественно-эстетический вкус»⁴.

Другая разработка представляет собой интегрированное междисциплинарное занятие, в ходе которого через приобщение к культурному наследию прививаются навыки работы с программой графического редактора компьютера. Н.В. Нестерова, учитель ИЗО и МХК средней школы № 4, г. Черногорска, среди целей своего урока ставит – «привить интерес к хакасскому народному творчеству». Вниманию учащихся предоставляется информация о пого в форме слайд-презентации – в компьютерной программе необходимо выполнить рисунок украшения»⁵.

Показательно, что в многочисленных образовательных разработках РХ культура малой Родины презентуется через образ хакасского традиционного женского украшения пого, что в значительной мере отражает его важность как одного из интегрирующих символов в структуре идентичностей.

В современных символических практиках РХ формируется широкий дискурс, посвященный пого. Практическим отражением этого дискурса стал проведенный в 2007 г. совместными усилиями Управления культуры администрации Аскизского р-на, Центральной районной библиотекой им. М.Е. Кильчикова и музеев районный семинар «Пого: древность и совре-

менность». Целью семинара было заявлено сохранение традиций хакасского народа и дальнейшее развитие мастерства изготовления нагрудного украшения пого. Участие в работе семинара принимали работники библиотек района, сотрудники музеев, учащиеся и педагоги школ района и ПУ-18 и мастера прикладного искусства [5].

В ходе семинара были изложены основные положения научно-публицистического дискурса по поводу пого. Появление пого в народном костюме интерпретируется как сохранение культурной традиции, восходящей к окуневской археологической культуре II–III тыс. до н.э. Подтверждается это, согласно декларативному мнению, изображением прототипов украшения на каменных изваяниях этого времени [6, с. 9–12]. В экскурсионных программах Полтаковского музея разрабатываются темы, связанные с окуневскими личинами, в том числе образ пого – нагрудного украшения, магического оберега, сохранившегося до этнографического времени [7, с. 13–15].

Высказывается мнение, что окуневские стелы представляют собой стилизованное изображение женщины-шаманки в полном ритуальном облачении, включавшем нагрудник, посох, головной убор и маску [8, с. 40]. При путешествии в параллельные миры за душой больного человека шаману якобы необходимо было иметь мощный оберег, которым и служило пого. Будто бы изображенный на пого «черт» уравнивал противоборство сил и таким образом давал шаману защиту. Причина перемещения «магического оберега» в женский костюм была, согласно широко тиражируемой версии, обусловлена тем, что в связи с гибелью мужского населения на территории древнего Хакасского государства первой необходимостью в обществе стало воспроизводство населения. Именно поэтому женщины стали носить пого и поклоняться богине Умай – покровительнице материнства и детства [9, с. 22–24].

Символическая и семантическая интерпретация пого в настоящее время продолжается в формате квазиисторического мифотворчества. Магическими смыслами наделяются практически все элементы пого. Традиционная луновидная форма основы украшения трактуется как небосвод. Как утверждает О.С. Горбатова, «космос в традиционном хакасском понимании уподоблялся перевернутому kazanу», «окаймление вдоль бортов пого, жемчужные пуговицы (узумчук) – изображение заверченного космоса», «бахрома из бисерных снизок – сильбѳргес с мелкими серебряными монетами на концах, это бескрайняя вселенная» [10, с. 20].

Формы современных пого интерпретируются также как лики или маски. В них видят то изображения айна (черта), то богини Умай, то духов-покровителей (тѳсей)⁶.

Маленькие сувенирные пого также получили семантическую трактовку. Пого в виде круга обозна-

⁴ Тудоякова Э.К. Пого – женское нагрудное украшение хакасов // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». [Электронный ресурс]. URL: <http://festival.1september.ru/articles/514548/> (дата обращения: 28.12.2011).

⁵ Нестерова Н.В. Пого – украшение и оберег хакасских женщин (интегрированный урок ИЗО + информатика) // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». [Электронный ресурс]. URL: <http://festival.1september.ru/articles/504280/> (дата обращения: 28.12.2011).

⁶ Тудоякова Э.К. Пого – женское нагрудное украшение хакасов // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». [Электронный ресурс]. URL: <http://festival.1september.ru/articles/514548/> (дата обращения: 28.12.2011).

чает «неразрывное единое целое, жизненный путь и взаимосвязь с природой». Квадратное пого – символ «земли и неба». Пого в форме сердца – «доброта и ласка» [11, с. 32].

Согласно новым неомифологическим версиям, самая крупная перламутровая пуговица-тана, пришитая в центре пого, представляет собой солярный символ либо символ предка-прародителя. Пуговицы поменьше, расположенные по обе стороны от центральной, обозначают хозяина пого, самые мелкие пуговицы – будущих детей. Красный коралл обозначает знатного или известного представителя рода, показывает, что в роду были шаманы, лекари, наделенные особым статусом люди [10, с. 20]. В подтверждение тому, что на украшении символически изображается вся семья, народный мастер «Чон узы» Республики Хакасии В.И. Тодышева приводит названия каждой пуговицы в отдельности: «ічези» – «мать», «палалары» – «детки» и т.д. [12, с. 29].

Орнаментальные мотивы, вышитые бисером между пуговицами, по мнению современных мастериц, также имеют смысл: «сердечки» – любовь, «листочки» – жизнь новобрачных, «рога барана» – богатую жизнь [11, с. 32]. В.И. Тодышева на своих пого вышивает солярный знак – «символ связи с космосом и оберег», фамильные тамги. Часто она вышивает на украшениях цветки ириса, так как считает его «победным, торжественным цветком, а также цветком Счастья, Любви и Мира» [12, с. 29–30].

Э.К. Тудоякова обращает внимание на этимологию названия нагрудного украшения: «Представляет интерес термин пого. В этимологическом словаре древнетюркского языка основа *ба* означает “привязывать, связывать, повязывать”, *баг* – “повязка, узел, родовой узел”, *баграм* – “праздник”, *багатур* – “великий, величие”. Изменяясь во времени, термин *пого* мог вобрать в себя и сохранил, на наш взгляд, значение родового узла счастья, величия, что соответствует общей тенденции: народные символы всегда несут точную смысловую нагрузку. Кроме того, есть глагол *поғ* – / *пог* *арга*, *поо рга* / – завязывать узел»⁷.

Таким образом, в современной культуре Республики Хакасии пого становится объектом актуальных символических практик и приобретает новые разнообразные смыслы. Они, безусловно, связаны с традиционными представлениями об охранной и множительной силе украшений. На современных хакасских свадьбах молодоженов одаривают семейным оберегом – преподносят пого ручной работы. Считается, что в доме, где есть пого, всегда будет счастье и удача.

Как отмечают Е.В. Курбижекова, директор Аскизского краеведческого музея им. Н.Ф. Катанова, и А.М. Сагалакова, заведующая Усть-Есинской сельской библиотекой, пого сейчас носят все во время праздников и в будни [5, с. 24, 47]. Оно служит значимым дополнением к праздничному (не только женскому, но и мужскому) костюму. Для хакасов пого становится не просто частью материальной культуры, «пришедшей из глубины веков», а своего рода этническим марке-

ром. Но часто это украшение не является показателем этничности.

В условиях развития туристической индустрии в Саяно-Алтайском регионе различные вариации на тему пого как сувенира с национальным колоритом, приобретают все большую популярность. На рынке пого представлены в натуральную величину, приближенные к традиционному виду, кроме того, имеются и миниатюрные его копии. Довольно привлекательно выглядят куклы и матрешки в хакасском костюме с пого на груди.

Нагрудное украшение пого в современных условиях в контексте национального культурного возрождения в Республике Хакасии приобретает новые смыслы. Являясь изначально одним из символов хакасского народа, оно приобретает интегрирующее значение и превращается в значимый культурный маркер всего регионального сообщества – полиэтнического населения Республики Хакасии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хакасия: содружество наций / Комитет национальной политике при Правительстве Республики Хакасия. Абакан, 2002.
2. Самушкина Е.В. Символические и соционормативные аспекты современного этнополитического движения республик Алтай, Тыва, Хакасия (конец XX – начало XXI в.). Новосибирск, 2009.
3. Анжиганова Л.В., Анжиганова Е.В. Концептуальные основания этнического развития хакасов // Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития. Абакан: б.и., 2001.
4. Мишакова И.Е. Знакомство с национальными украшениями хакасов в образовательных учреждениях Аскизского района // Пого: древность и современность: сб. материалов районного семинара. Аскиз: б.и., 2007.
5. Пого: древность и современность: сб. материалов районного семинара. Аскиз: б.и., 2007.
6. Горбатов Л.В. Об уникальности композиции окуневских изваяний и праобразах пого в объектах археологии // Пого: древность и современность: сб. материалов районного семинара. Аскиз: б.и., 2007. С. 9–13.
7. Ачитаев С.С. О пого по материалам Полтаковского музея // Пого: древность и современность: Сборник материалов районного семинара. Аскиз: б.и., 2007. С. 13–16.
8. Тохтобина А.И. Материалы о пого по книге Э.Б. Вадецкой «Сказы о древних курганах» // Пого: древность и современность: сб. материалов районного семинара. Аскиз: б.и., 2007. С. 38–41.
9. Курбижекова Е.В. Тайна веков // Пого: древность и современность: сб. материалов районного семинара. Аскиз: б.и., 2007. С. 22–25.
10. Горбатова О.С. Пого – сквозь века // Пого: древность и современность: сб. материалов районного семинара. Аскиз: б.и., 2007. С. 16–22.
11. Кичеева В.В. Изготовление пого в школе // Пого: древность и современность: Сб. материалов районного семинара. Аскиз: б.и., 2007. С. 30–38.
12. Тодышева В.И. Украшения XVIII–XIX вв. // Пого: древность и современность: сб. материалов районного семинара. Аскиз: б.и., 2007. С. 28–30.

Статья поступила
в редакцию 12.02.2012 г.

⁷ Там же.

УДК 392.3; 394.9

И.В. ОКТЯБРЬСКАЯ¹, З.К. СУРАГАНОВА²**ГОСТЕПРИИМСТВО В КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ В КОНТЕКСТЕ ПРЕСТИЖНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ. ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ***¹д-р ист. наук

Институт археологии и этнографии СО РАН,

г. Новосибирск

siem405@yandex.ru;

²канд. ист. наук

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева

Республика Казахстан, Астана

nogotky@mail.ru

Статья посвящена характеристике различных форм гостевания в традиционной и современной культуре казахов. Оценка гостевания осуществляется в контексте практик престижного потребления и дарообмена. Нормы гостеприимства, сохранявшие свою актуальность на протяжении столетий, интерпретируются как одна из форм воспроизводства социума в единстве социально-экономической прагматики и мифоритуального символизма.

Ключевые слова: казахская культура, престижное потребление, гостеприимство, традиции и современность.

Гостеприимство, будучи одной из культурных универсалий, относится к числу базовых ценностей кочевых сообществ Центральной Азии. Его нормы вытекают из практик обмена, возникших и развивавшихся на базе общественной собственности на средства производства.

Право на долю из общего достояния имело большое значение в становлении форм жизнедеятельности, определявших специфику кочевых этнополитических сообществ на протяжении столетий. Развитие практик гостеприимства было предопределено принципами перераспределения, престижной экономики и дарообмена, определяющими нормы существования традиционного казахского общества.

Гость являлся одной из ключевых фигур в интегративных социокультурных коммуникациях кочевников открытых степных пространств. Изначально институт гостевания был включен в систему обмена и престижного потребления. Формируя стратегии по приему гостей и раздаче подарков с учетом ответных визитов и даров, кочевые сообщества структурировали свое социально-экономическое и политическое пространство на основе статусно-иерархических, клиентарно-патерналистских отношений.

Гостеприимство – *қонақасы* – было признано одним из знаковых, общественно значимых институтов казахского общества. Слово «гость» – *қонақ* – восходит к древнетюркскому, где: *қон* – «овца, лоно, грудь; оседать, поселяться, избирать местом жительства»; *қонау* – «место отдыха, остановка»; *қонит* – «близкий родственник, сородич, соплеменник, в переносном значении – человек, тварь» [1, с. 455].

В языке древних тюрков: *қониқ* – «гость, гостеприимство, угощение для гостей»; *қониқлиқ* – «гостеприимство, угощение, помещение для гостей или угощений» [1, с. 456]. Эти древние слова и смыслы сохранились в языке среднеазиатских и кавказских тюрков, включая казахов.

Об этой традиции писали все, кому доводилось когда-либо бывать в степных краях. Посетивший в первой половине XVIII в. ставку хана Младшего жуза Абулхайра Дж. Кэстль замечал, что «...киргизы (казахи. – Авт.) постоянно должны быть гостеприимны» [2, с. 101].

Около полутора столетия спустя американский инженер Э. Нельсон-Фелл, работавший управляющим Лондонской горнодобывающей кампании в Степном крае, оценивая правовое основание казахского гостеприимства, писал: «Это, конечно, чудесный закон, и ему повинуются повсеместно. Гостю аула ни в чем нельзя отказать, неважно, каковы были взаимоотношения между ним и хозяином... Долг гостеприимства властвует над всеми другими чувствами. Большинство законов и обычаев иногда нарушаются, но этот закон никогда» [3, с. 137].

Законы гостеприимства признавались изначально, завещанными первопредком и законодателем культуры *Алашем*. По преданию, прародитель казахов *Алаш*, разделив свою собственность между тремя наследниками, кроме равных причитавшихся им долей, выделил четвертую, которую определил как *қонақ сыбағасы* (букв. «доля гостя»); разделив ее поровну, он завещал сыновьям встречать каждого путника и предоставлять ему полагающуюся часть из общего не-

* Статья подготовлена в рамках научной стажировки по Международной стипендиальной программе Президента Республики Казахстан «Болашақ», а также при поддержке РГНФ, проект № 11-21-17002.

делимого достояния, объединявшего современников, предков и потомков.

Военный губернатора Тургайской области Л.Ф. Баллюзек, вступивший в должность в январе 1869 г. и прослуживший до февраля 1877 г., так комментировал этот сюжет и в целом обычаи гостеприимства у казахов: их первый родоначальник *Алач* (Алаш. – *Авт.*), исходя из условий кочевого быта, наказал своим сыновьям «вечный завет: не берите при взаимном посещении вашем друг друга платы за съестные припасы, будьте друг другу постоянны как бы приглашенные гости, пользуйтесь таким образом друг у друга правом кунак-асы или даровым, бесплатным приютом и угощением, – на что примите от меня еще оставшуюся у меня четвертую долю моего имущества и считайте ее уже не исключительною которого-либо из вас, а общим достоянием и как бы неразделенною между вами на веки вечные инчою ... Вот откуда и каким священным для потомства Алача заветом передано существующее между киргизами (казахами. – *Авт.*) благотворительное начало кунак-асы. Вот почему киргиз, встретив с чьей-либо стороны отказ себе в кунак-асе, сорвется с ним, приводя слова Алача относительно завещанной им потомству не разделенной инчи и вот почему безнаказанно увозит он нередко у провинившегося перед ним соплеменника что-либо из имущества его» [4, с. 211].

Согласно пунктам 255 и 256 «Сборника киргизского обычного права», датируемого специалистами концом XIX – началом XX в., «всякий юртовладелец обязан оказать путнику, почитаемому по обычаю гостем, прибывшему к нему в дом, полное гостеприимство, которое должно заключаться: в предоставлении гостю помещения для отдыха, постели для ночлега и барана в пищу». В случае уклонения от обязанности соблюдать данный обычай следовало наказание – в виде штрафной санкции в пользу истца выделяли одну лошадь и один халат [5, с. 16].

Законы гостеприимства в казахской степи предполагали защиту и неприкосновенность гостя, а также его имущества, предоставление крова и пищи, сопровождение его на расстояние, находившееся под контролем хозяина или его рода, а также обеспечение его транспортом и подарками.

Каждый путник, оказавшийся в доме, мог претендовать на *қонақ асы* (букв. «пища гостя») как на *бөлінбеген еңіі* (букв. «неразделенное наследство») [6, с. 66]. В случае нарушения норм гостеприимства путник обращался с жалобой к родовым властям, что обрекало нерадивого хозяина на всеобщий позор.

Ученый-экономист С.Е. Толыбеков, воссоздавший картину казахского общества на протяжении нескольких веков, начиная с эпохи Средневековья, считал, что институт гостеприимства у казахов был вызван острой необходимостью – военно-походный образ жизни, «подвергавший кочевника бесконечным приключениям, лишениям от голода, холода и зноя, заставлял его всегда помнить добро человека, который накормил его при голоде, согрел при холоде и напоил при жажде. Оказывать уважение, почет и помощь человеку, который дал пищу, считалось в кочевом обществе самым высоким достоинством» [7, с. 96]. В

соответствии с нормами престижного потребления гостеприимство определяло не только личные качества, но и статус человека. Практики гостевания являлись основой сплочения кочевников огромных степных пространств в социокультурное целое.

Гость для кочевника считался посланцем бога. Казахская пословица гласила: «Даже 9-летнего ребенка, прибывшего издалека, спешит приветствовать 90-летний старец». До наших дней в городах и селах Казахстана сохранился обычай, когда родственники и соседи поочередно приглашают прибывшего издалека гостя, невзирая на то, с какой целью и в какой именно дом он прибыл¹.

Гостя казахи называют: *құдайы қонақ* (букв. «божий гость») – гость неожиданный, прибывший без приглашения; *сый (сыйлы) қонақ* – уважаемый, почетный гость, *қонақ-қопсы* – приезжающий-уезжающий человек, гость [8, с. 315, 317].

Одним из самых устойчивых выражений по отношению к гостю, бытующих и сегодня, остается – *қырықтың бірі Қыдыр* («один из сорока *Қыдыр*»). Эта формула напоминает людям, что случайный гость – один из сорока – может оказаться святым *Қыдыром/Хызыром*.

Мифический персонаж *Қыдыр* у казахов – податель удачи, покровитель тружеников и путников [9, с. 249]. Интерпретация этого образа возможна только на основе привлечения широкого сравнительного материала.

Куль *Қыдыра – Хазыра – Ильаса* был убедительно охарактеризован на основе данных, собранных А.Г. Селезевым и И.А. Селезевой среди татар – мусульман Западной Сибири. Согласно легендарной традиции, *Хазыр – Ильяс* в составе 366 шейхов прибыл в Сибирь с целью распространения ислама среди язычников [10, с. 42]. По мнению исследователей, под «именем ал-Хадир (Хизр) скрывается сложный образ доисламского мифологического персонажа. В нем слились в одно целое легенды различных времен и народов – от вавилонского Гильгамеша до ветхозаветных Еноха и Ильи (коранич. Ильяс). Скорее всего, этот персонаж представляет собой собирательный образ природы во всем ее многообразии, выраженный через символику цвета, числа и т.д.». *Хазыр-Ильяс* или *Казыр-ата*, имея архаичные черты, выступал предсказателем будущего, помощником заблудившихся путников, спасителем утопающих, покровителем домашних животных и дома. Приняв образ белой собаки или белобородого старика, он мог испытать человека на щедрость. Памятуя об этом, люди старались досыта накормить нечаянных гостей [10, с. 50–51].

Согласно народным представлениям, бытующим и в казахской среде, если хозяин накормит случайно приблудившуюся собаку или зашедшего в дом старика, то жизнь его изменится к лучшему – исполнятся самые сокровенные надежды. Отсюда и актуальность поговорок – «один из сорока гостей *Қыдыр*». *Қыдыр* может

¹ Здесь и далее – ПМА (Полевые материалы авторов). 2006–2007 гг. (Северный и Центральный Казахстан), 2010 г. (Кош-Агачский р-н Республики Алтай), 2011 (Карасукский р-н Новосибирской обл.).

вознаградить гостеприимного хозяина благополучием, счастьем, плодovitостью и всем тем, что содержит в себе понятие *құт*.

Допуская возможность чуда, казахи верят, что с гостем на дом может снизойти благодать – *құт* посетит щедрого человека. Отсюда выражение – *Қонақты қуа берсең құт қашады* (букв. «если гнать гостя, *құт* убежит») [7, с. 67].

Желание удержать *құт* являлось для казахов важнейшей мотивацией в поддержании традиций гостеприимства. Считается, если следовать заветам предков, то *құт* не покинет семью; а если их нарушить, то все обитатели дома – *құтсыз қалады* («останутся без *құт*») – будут беззащитными и несчастными. «Центральной идеей института повседневного гостеприимства, – подчеркивает Н. Шаханова, – было убеждение в том, что отпущенный из аула без еды и должного гостеприимства человек может унести с собой плодovitость стад обидевшего хозяина» [11, с. 127].

Казахское гостеприимство, таким образом, было неразрывно связано с верой в плодородие, даруемое предками, представителем которых мог выступать гость – человек, пришедший издалека, из «иногo мира»; в мифологическом сознании – возможно, из мира предков, богов и духов. Гостеприимство в традиционной культуре кочевников рассматривалось и как приобщение к «потусторонней» божественной благодати, и одновременно как способ включения чужака в социальную реальность.

При высоком статусе гостя в кочевых сообществах традиционно существовала строгая регламентация его визита. Согласно казахскому этикету, не полагалось здороваться через порог, который считался хранителем семьи. При входе следовало переступать через порог правой ногой; нельзя было наступать или садиться на него; нельзя было прислоняться к дверной притолоке – все это сулило беду хозяину дома. Находясь в юрте, гость должен был занимать место, подобающее его возрасту и статусу, сидеть в достойной позе. Крайне неприличным считалось сидеть на кошке с вытянутыми вперед ногами. Приглашенным в дом женщинам не следовало помогать хозяйке: передавать пищу, обслуживать застолье; это рассматривалось как нарушение суверенности чужого пространства².

Хозяйка в свою очередь не могла посягать на суверенность гостя; не принято было с ходу задавать ему прямые вопросы. Не угостив гостя, его не расспрашивали о делах. Хозяин не мог делать гостю замечания по поводу того, как он ест. У казахов запрещено демонстрировать пренебрежительное отношение к еде, нельзя оставлять надкусанный хлеб, нельзя дуть на бульон или чай, потому что охлажденная таким образом пища считается непригодной, запрещалось брать куски левой рукой. Нельзя было входить в дом с жующим ртом, но выходить из дома, пережевывая еду, считалось хорошей приметой³.

Только после того, как гость вкусил от пищи хозяина – *ауыз тигізу* (пригубил), тот мог спросить его

более конкретно: «откуда и куда едет, что видел». Все начиналось с неспешной беседы на общие темы – *мал, жан аман ба* – «хорош ли скот, здоровы ли родные». Совместная гостевая трапеза выступала средством преодоления инаковости чужака.

Традиционно казахи считали, что для гостя ничего нельзя жалеть. В свою очередь гость не мог отказываться от приема и угощения. Это означало бы, что он не желает достатка хозяину. Казахская народная мудрость гласит: «Накормившему один день кланяйся (салем) сорок дней» [12, с. 394]. Угощение у казахов было регламентировано в соответствии с социальным и материальным положением обеих сторон.

Обязательность гостевого застолья в казахской культуре имела глубокие истоки. В тюркской среде издавна существовали многочисленные ритуализированные трапезы: угощение для случайного гостя называлось *kestem*; после зимнего забоя скотины устраивали *сүздыш* [13, с. 514, 543]. В этнографической реальности у казахов бытовало и продолжает сохраняться большое количество гостевых номинаций [11, с. 91]. Угощение, не связанное с определенным поводом, имеет несколько названий, в их числе: *сияпат* – от араб. *зияпат* (букв. «угощение, гостеприимство, радушие») [14, с. 123]. Приему гостей кочевники традиционно придавали большое значение.

Гостем становился тот, кто приходил извне. Все странствия, так или иначе, сопровождались угощениями: *ерулік* (приглашение сторожилами вновь прибывших), *айрылысар көже* (приглашение по поводу расставания после мирного сосуществования на зимовке или летовке) [15, с. 35]. Гостевое угощение *жолаяқ* (букв. «дорога-нога»), по всей видимости, имело характер благопожелания с целью благополучного возвращения.

Дорога имела большое значение для кочевника как одна из важнейших культурных и жизненных парадигм. Щедрое застолье отмечали важнейшие перемещения в социальном пространстве. Большая часть церемоний была и остается приуроченной к поворотным точкам жизненного пути – к обрядам и ритуалам жизненного цикла.

Среди казахов широко известны и до сих пор отмечаются: *шілдехана* (гостевое мероприятие по случаю рождения ребенка), *қалжа той* (женский пир после родоразрешения для восстановления сил роженицы и укрепления позвоночника малыша) [11, с. 79], *қырқынан шығару* (выведение ребенка из сорокодневья), *беске салу* (женская гостевая трапеза по случаю укладывания младенца в колыбель), *тұсау кесер* (гостевая церемония разрезания пупа у ребенка, делающего первые шаги), *тілашар* (приглашение гостей по поводу того, что ребенок пошел в школу), *сүндет той* (пир по случаю процедуры обрезания сыну или внуку), *атқа миңгізу* (угощение, связанное с первым усаживанием мальчика на коня) [11, с. 86], *тоқым қағар* (гостевое приглашение по случаю первого путешествия мальчика-подростка, ныне практически утратившее свое значение). В современном казахском обществе известны также гостевые приглашения, связанные с окончанием школы, отправкой (встречей) в армию

² ПМА. 1996–2000, 2010 г. (Кош-Агачский р-н Республики Алтай).

³ ПМА. 2011 г. (Карасукский р-н Новосибирской обл.).

(из армии), окончанием вуза, получением очередного диплома и т.д.⁴

К числу традиционных молодежных гостевых трапез у казахов относились *бастаңғы*, когда во время отсутствия родителей подростки собирали друзей. Угощение *бастаңғы* Н. Шаханова связывает с приглашением девушкой на выданье своих сверстниц по случаю отъезда старших членов семьи (родителей); при этом само слово *бастаңғылыс* является синонимом слов «ровесники, сверстники». Среди гендерных форм гостевания были также известны мероприятия, связанные с половозрастными изменениями (как женскими, так и мужскими), а также женские вечеринки по случаю отлучки хозяина, *қыз ойнақ* (букв. «девичьи игры, девичник»). Женскими гостевыми трапезами можно считать *абысан асы* – трапезы, собиравшие женщин – снох из одного дома [11, с. 89–91].

В середине XX в. в Центральном Казахстане бытовал обычай *түстену* – гостевой трапезы, когда зимой молодые женатые и неженатые мужчины собирались вместе на обед, в котором не принимали участие старики, женщины и дети. Кроме того, существовали такие мужские гостевые мероприятия, как *деңгене, қазан шегелеу* (букв. «гвоздить казан») [15, с. 43, 72].

Обилием и разнообразием гостевых трапез отличался свадебный цикл казахов. В череде предваряющих свадьбу мероприятий (*қалыңдық айттыру* – сговор; *күміс қадау* (букв. «прикрепление/пришивание серебра»); *үкі тағар* (пришивать/прицеплять пучок перьев филина), *сырға тағар* (букв. «одевание серег») основным являлось сватовство – *құда түсу*, после которого жених получал официальное разрешение на свидание с невестой – *ұрун бару*, которое начиналось застольем – *ұрын той*.

Собственно свадьба предполагала пиршество по случаю замужества дочери – *қыз ұзату той* и пиршество по случаю женитьбы сына – *үйлену той*. Оба собирали большое число гостей – родственников, свойственников, сватов, друзей. Эти традиции актуальны и сегодня.

В послесвадебных мероприятиях в качестве обязательного сохраняется гостевое приглашение молодых их родственниками с обеих сторон – *есік аштыру* (букв. «открытие дверей»), включая визит к родителям молодой – *төркенде* (сегодня он исполняется только тогда, когда невеста выходит замуж далеко от родного дома.) Свадебный цикл гостевания предполагает включение молодых в новые семейные отношения и реструктуризацию клановых (межродовых) связей, основанных на взаимности услуг, дарообмене и взаимопомощи.

Окончание жизненного пути с особой силой акцентирует статусно-иерархическую, основанную на взаимных обменных обязательствах систему общественных коммуникаций, в которую был включен человек при жизни. В процессе прощания с покойным среди казахов-мусульман важнейшим остается вопрос о его долгах, которые должны быть возвращены живущим. Ритуальное застолье, завершающее погреб-

тельную церемонию, является последним «подарком» умершего, который возмещается вспомоществованием его семье, принесенным пришедшими.

Целый год после смерти по традиции сопровождается гостевыми церемониями. В поминальной обрядности казахов продолжают бытовать ритуалы: *үші* (букв. «трехдневье»), *жетісі* (букв. «семидневье»), *қырқы* (букв. «сорокодневье»), *жылы/ас* (годовщина). Между *жетісі* и *қырқы* семья покойного каждый четверг – *бейсенбі* приглашает близкое окружение на чтение *намаза* с обязательным угощением, в которое традиционно входит мясное блюдо и чай со сладостями⁵.

У казахов российского Горного Алтая годовщина отмечается широким застольем, его масштаб и количество участников определяются общественным признанием покойного. Поминание предков остается важнейшей обязанностью потомков, подтверждающей их собственный статус в качестве достойных наследников. Известен обычай *шеке беру* или *аруақтардың сыбаға асы* – угощение в честь предков [11, с. 110]. Одним из самых распространенных обычаев остается приглашение близкими родственников, понесших утрату. Обычно информанты затрудняются дать ему название, но все сходятся на том, что такое приглашение помогало людям пережить несчастье.

До сих пор в Казахстане принято устраивать поминальные тризны в честь тех достойных аксакалов, кто умер, переступив 60–70-летний рубеж – *«Мұндай адамның арты той дейді қазақ»* (букв. «Казахи говорят, что завершение жизненного пути такого человека – пир»). Часто они отмечаются с большим размахом и бывают приурочены к круглым датам – 15-летию, 20-летию, 30-летию, 40-летию со дня смерти. Примечательно, что в начале XX в. у казахов Старшего жуза (жалаирав) были зафиксированы представления о том, что душа покойника «возвращается домой на седьмой день, на 40-й день, через один год, три года, 10 лет и, наконец, в последний раз – через 30 лет [16, с. 136].

Предки становятся гостями потомков. Поминальные тризны формируют целостное вневременное социальное пространство, статусно-иерархические отношения в котором воспроизводятся в ходе ритуальных церемоний, регламентированных стандартами гостеприимства, престижной экономики, дарообмена.

Движение во времени определяет содержание жизни кочевников, движение в пространстве – годовой скотоводческий цикл. В культуре казахов все важные этапы хозяйственно-культурного календаря сопровождали и до сего дня сопровождают коллективные трапезы: *соғым басы*, *омыртқаға шақыру* (букв. «приглашение на позвонки; приглашение на угощение мясом зимнего забоя»), *қымыз мұрындық* (букв. «носое кольцо для верблюда; угощение первым кумысом»), *көген той* (праздник во время окотной кампании), *күзем шай* (праздничное чаепитие по случаю окончания стрижки овец), *сірге мөлідіретер* (угощение для стариков последним кумысом) [15, с. 72, 75].

Кульминацией годового цикла является весенний праздник обновления *Наурыз*. Существует поверье:

⁴ ПМА. 2006–2007 гг. (Северный и Центральный Казахстан), 2010 г. (Кош-Агачский р-н Республики Алтай), 2011 г. (Карасукский р-н Новосибирской обл.).

⁵ ПМА. 2006–2007 гг. (Северный и Центральный Казахстан), 2010 г. (Кош-Агачский р-н Республики Алтай).

чем больше гостей заглянет в первый новогодний день в дом, тем счастливее будет этот год для семьи.

Гостевые церемонии сопровождают мусульманский пост *Ораза* – у казахов принято приглашать постящихся на вечернюю трапезу – *ауыз ашу* (букв. «открывание уст»). Щедрым застольем отмечается *Курбан-Айт* – осенний праздник жертвоприношения.

В казахских аулах у западных границ Новосибирской области Российской Федерации по обычаям народного ислама празднуют *Курбан-Айт* четыре дня. В первый день столы накрывают в честь покойных в тех домах, что потеряли своих близких в прошедшем году. Следующие три дня гостей принимают семьи, приносящие в жертву барана. По канону: треть мяса следует использовать для угощения семьи, треть подарить беднякам из числа соседей и родственников, треть раздать в качестве милостыни. Тот, кто принес жертву, не может ничего продать. В казахских аулах новосибирского пограничья считают, что вся еда праздничного застолья должна быть съедена в один день. В этот день не отказывают никому из гостей. Застолье *Курбан-айта* объединяет и уравнивает всех. Отведав угощения в одном доме, гости отправляются в другой. За световой день человек должен пройти не менее семи домов; в каждом преклонить колени перед столом, произнести добрые пожелания. Перед прощанием хозяева одаривают всех пришедших *садака* – рублевыми монетками. Их раздают для того, чтобы благополучие хозяев, обретенное с жертвой, досталось каждому. Кроме того, гости получают *сарқыт* – это гостинец, часть трапезы, раздают обычно женщинам. Его передают близким, чтобы и те вкусили от гостеприимного стола, приобщились к благодати хозяев, совершивших жертву. Счастье каждого становится результатом коллективного творчества и смыслом гостевого застолья, что в полной мере отвечает нормативам как традиционного, так и современного престижного потребления⁶.

При всех ситуативных различиях трапеза, по законам казахского гостеприимства, как в рамках праздничного, так и обыденного приема состоит из нескольких частей. В качестве основного угощения подают – *бас табақ* – главное блюдо из вареной баранины или конины. Гостевое блюдо называют – *бір табақ ет* – это набор из кусков мяса, отвечающий статусу и положению гостя и выражающий отношение к нему хозяина дома. При разделке барана наиболее значимыми являются: голова барана – *бас*, поясничные позвонки – *белдеме омыртқа*, мясо на костях таза – *жамбас еті*, грудина – *төс*, бедренная кость – *ортан жілік*, мясо на ребрах – *қабырға еті* и т.д. При подаче блюда из конины состав подаваемых частей несколько меняется.

В ходе праздничного и званого угощения после главного блюда подается чай. Причем чай в Центральной Азии стал известен уже в начале XVIII в., а в XX в. «казахское чаепитие начало приобретать черты чайной церемонии, основной целью которой было гостеприимство, объединение участников для общения» [17, с. 52, 55].

В настоящее время чайное угощение имеет особый статус в казахской культуре. При рядовом визите в современном Казахстане чай подают сначала с закусками из того, что есть в доме; но для уважаемого гостя варится мясо как основное блюдо; затем чай подают со сладостями и проч. Специально для гостя подают *қонақ аяқ* (букв. «чашку гостя») – чай⁷.

С чаем у казахов связан целый ряд гостевых номинаций. Особенно значимыми остаются чаепития, сопровождавшие свадебный обряд. Среди казахов российского Горного Алтая в рамках свадебного пира у жениха – *үйлену тойы* практикуется подача чая трижды. Свадебная церемония начинается с приема сватий – *кудагилар*, которые привозят вместе с невестой ее приданое. Встреча сватий – важный церемониал преодоления родовой инаковости. Все начинается с того, что главная сватья просит у приехавших подарок – *ырым – түйе мұрындық* (букв. «носоевое кольцо верблюда»), его дают тканью – *бұл*. Гостей в ответ осыпают сладостями и мелкими монетами – *шашу шашады*⁸.

В доме гости рассаживаются в строгом соответствии со статусом; им подают чай – *шәй береді*. Во время чаепития главные сватья – *бас кудагилар* (сестры хозяина пира) предлагают свою пиалу с чаем приехавшим – *дәм татқызады*, «дают вкусить». Пиалу преподносят только уважаемым женщинам – *жолы үлкен құдагиларға* – (букв. «сватьям, имеющим большую дорогу»). Пиала с чаем идет по кругу и возвращается к хозяйке, которая тут же выпивает оставшийся глоток. Ритуал совершается с соблюдением всех правил приличия: преподносят и принимают пиалу с чаем обеими руками; действие совершают в тишине с большим достоинством, торжественно⁹.

Чаепитие предшествует свадебному обмену дарами, который начинают родственники невесты. Дарообмен включает в систему родственных отношений десятки семей из кланов молодых. Этапы преподнесения даров разделяет вторая чайная церемония – *сыбагалы шәй* (от *сыбага* – «доля»). Сторона жениха дает очередной чай и в свою очередь одаривает сторону невесты (*сыйлық таратады*). Все завершает третья чайная церемония. Ее устраивают после главного пира – *тоя* для всех пришедших на свадьбу гостей¹⁰.

Традиция чайного угощения во время свадебного обрядового цикла существует и у западных казахов. Церемония носит название – *келін шай* («сноха-чай») и является демонстрацией приданого и навыков молодой. Как правило, на следующий день после свадьбы она предлагает угощение, используя при этом привезенную в дом мужа посуду и утварь. В угощение *келін шай* входят горячее блюдо из мяса, один-два салата и чай со сладостями¹¹.

Молодая под присмотром старших женщин, в первую очередь старших снох – *женгелер* мужа и свекрови, не должна ударить в грязь лицом. Ее наряжают

⁷ ПМА. 2006–2007 гг. (Северный и Центральный Казахстан).

⁸ ПМА. 2010 г. (Кош-Агачский р-н Республики Алтай).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ ПМА. 2009 г. (Западный Казахстан).

⁶ ПМА. 2011 г. (Карасукский р-н Новосибирской обл.).

в праздничную одежду с длинными руками, на голову повязывают платок. Самым трудным считают подачу чая. Его надо наливать неспешно и неполную пиалу; он должен быть не слишком забеленным молоком и не слишком темным. Подавая в правой руке пиалу с чаем, невестка должна придерживать рукав левой рукой. После завершения угощения старики произносят *бата* – благословение молодым и вручают невестке подарок (тканью или деньгами) за смотрины приданого – чайной посуды. Эта гостевая трапеза позволяет молодой показать талант хозяйки, а гостям, в свою очередь, оценить достоинства молодой женщины, входящей в семью. В текстах *бата*, звучащих во время чайной церемонии *келін шай*, присутствуют устойчивые выражения, в числе которых – *тастай батын, судай сіңіп* – (букв.: «утони как камень и впитывайся как вода»), т.е. стать частью новой семьи, слейся с ней, растворись¹².

В целом *бата* – благословения являются непременным атрибутом казахского застолья. Помимо добрых слов, адресованных собравшимся гостям, им обычно собирали *сарқыт*, или *қоржын* – «дорожный мешок»/ *жолына* – «на (его) дорогу». Сегодня это пакет, который наполняют яствами с праздничного стола. Гости везут его домой или передают другим людям, чтобы и те вкусили от щедрого стола и приобшились к общей доле, по завету предков связующих людей в единое целое.

Престижное потребление, трансформируясь и меняя содержание, сохраняется в структуре гостевания и остается важнейшей характеристикой современного казахского общества. Нормы гостеприимства, сохраняя актуальность на протяжении столетий, являются одной из форм воспроизводства традиционного социума в единстве социально-экономической прагматики и мифоритуального символизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
2. *Кэстль Дж.* Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхайру хану Киргиз-Кайсацкой Орды / пер. с нем. В. Штаркенберга, В. Скорого. Алматы, 1998.
3. *Нельсон-Фелл Э.* Русский и кочевник: Были киргизских степей // *Нива*. 2000. № 1. С. 100–145.
4. Материалы по казахскому обычному праву: сб. / сост. Т.М. Култылеев, М.Г. Масевич, Г.Б. Шакаев. Алматы, 1948.
5. Сборник киргизского обычного права. Верный, Б.г.
6. *Аргинбаев Х.А.* Брак и семья у казахов: ист.-этногр. сб. / отв. ред. А.Х. Маргулан. Алма-Ата, 1973 (на каз. яз.).
7. *Толыбеков С.Е.* Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX веках. Алма-Ата, 1959.
8. Толковый словарь казахского языка / под общ. ред. А.И. Исакова. Алма-Ата, 1982. Т. 6 (на каз. яз.).
9. Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков: Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, 1980.
10. *Селезнев А.Г., Селезнева И.А.* Занге-ата и Хазыр-Ильяс: исторические и этнические аспекты распространения ислама в Сибири // *Этнографическое обозрение*. 2003. № 6. С. 41–56.
11. *Шаханова Н.* Мир традиционной культуры казахов: этногр. очерки. Алматы, 1998.
12. *Кальнин.* Начало киргизских поминок и несколько слов о киргизском коневодстве // *Журнал коннозаводства*. СПб, 1873. № 5. С. 17–21.
13. *Қашқари М.* Түрік тілінің сөздігі: (Диуани лұғат-ит-түрік): 3 томдық шығармалар жинағы / Қазақ тіліне аударған, алғы сөзі мен ғылыми түсініктерін жазған А. Егеубай. Алматы, 1997. Т. I (на каз. яз.).
14. *Рустемов Л.З.* Казахско-русский толковый словарь арабско-иранских заимствованных слов. Алма-Ата, 1989.
15. *Кенжеахметулы С.* Казахские народные традиции и обряды / пер. с каз. З.С. Кенжеахметовой. Алматы, 2002.
16. *Фиельструп Ф.А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века / отв. ред. Б.Х. Кармышева, С.С. Губаева. М., 2002.
17. *Бекназаров Р.А.* Казахи и чай: историко-этнографическое исследование // *Этнографическое обозрение*. 2009. № 5. С. 51–62.

Статья поступила
в редакцию 12.02.2012 г.

УДК 39+314.7

Е.В. КИМ

КОРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА И СТРАТЕГИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕИ ПО ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С НЕЙ

Центр исследований АТР
Университет Ханянг, Сеул, Республика Корея
kimkatya@list.ru

В статье рассматривается стратегическая позиция Республики Кореи по отношению к соотечественникам диаспоры. Понимая под диаспорой институционализированное сообщество исторических мигрантов, характеризующееся высоким уровнем интеграции в принимающее общество и коллективной памятью об исторической родине, автор приводит общие и специфические характеристики наиболее многочисленных групп корейской диаспоры. Новизну исследования определяют оригинальные источники, позволяющие проследить эволюцию диаспоральной политики Республики Кореи.

Ключевые слова: Республика Корея, корейская диаспора, репатриация.

¹² Там же.

Республика Корея с общей численностью населения 48,7 млн чел. (на 2009 г.) имеет почти 7-миллионную зарубежную диаспору за пределами Корейского полуострова¹. Со второй половины XIX в. и на протяжении всего XX в. корейцы расселялись по всем пяти континентам земного шара. За полтора столетия сформировалась корейская диаспора. Странами с наибольшим проживанием корейцев стали Китай (2,3 млн чел.), США (2,1 млн чел.), Япония (912 тыс. чел.), страны СНГ (537 тыс. чел., из них 153 тыс. чел. – в России)². Взаимодействию с диаспорой в стратегиях внешней политики Правительство Республики Кореи придает большое значение.

Под термином «диаспора» мы будем понимать институционализированное сообщество исторических мигрантов, характеризующееся высоким уровнем интеграции в принимающее общество и коллективной памятью об исторической родине [1]. Корейские сообщества, широко представленные в странах мира, соответствуют данному определению, поскольку, несмотря на иногда длительную историю пребывания вне исторической родины, сохраняют отчетливую этническую идентичность. При этом история формирования отдельных групп корейской диаспоры имеет свою специфику.

Корейская диаспора в Китае (2,3 млн чел.). Миграция корейцев в Китай началась в 1860-е гг. из-за дефицита земли – обедневшие крестьяне из северо-восточных районов Кореи переходили границу, селились в Южной Маньчжурии и занимались рисоводством³. Поток переселенцев усиливался после аннексии Кореи Японией в 1910 г. и после захвата Японией Маньчжурии в 1931 г. В результате к 1940 г. численность корейцев в Китае составляла уже 1,45 млн чел.⁴ По мнению исследователя Юн Ин-Чжин, корейцы больше других этнических групп Китая понесли потери в результате японской агрессии.

Участие корейцев в китайско-японской и гражданской войнах в Китае привело к тому, что в 1952 г. они получили гражданство, право на землевладение, а также разрешение на объединение в Енбеньский корейский автономный округ на северо-востоке Китая⁵.

Сегодня корейцы в Китае отличаются компактным расселением и хорошим знанием корейского языка. Согласно переписи 1990 г., 52 % из них продолжают заниматься сельским хозяйством (по сравнению с 70 % в 1941 г.). Сегодня многие корейцы заняты в мелком бизнесе в сфере услуг (рестораны, салоны красоты, магазины одежды и проч.)⁶. Корейцы Китая

являются наиболее многочисленной группой трудовых реэмигрантов в Республике Корея. На 2010 г. в стране находится 415 тыс. корейцев Китая, что составляет 87 % от числа всех зарубежных корейцев в стране⁷. Они имеют высокую ориентированность на страну исхода, и, следовательно, высокий уровень этнического самосознания.

Корейская диаспора в США (2,1 млн чел.). Миграция корейцев в США началась в 1900-е гг. и была инициирована гавайскими плантаторами, которые нанимали корейцев для работы в поле. В 1950-е гг. в США начали эмигрировать корейские жены американских солдат, принимавших участие в военном конфликте 1950–1953 гг., который закончился разделением Кореи⁸. В 1960-е гг. в связи с укреплением отношений с США и либерализацией миграционной политики этого государства началась миграция образованных корейцев в поисках лучших экономических и образовательных условий жизни [2]. Как и многие иммигранты в США, корейцы столкнулись с трудностями трудоустройства в связи с языковым барьером и несоответствием систем образования и квалификации, поэтому они в основной массе занялись мелким бизнесом⁹. Анализируя доходы семей, Юн Ин-Чжин делает вывод, что в среднем корейцы в США зарабатывают 91,3 % от зарплаты белого населения, однако больше, чем афроамериканцы и выходцы из Латинской Америки¹⁰.

Сегодня наибольшее число корейцев (43 %) проживают в штатах Калифорния и Нью-Йорк; 96 % корейцев США проживают в городах¹¹. Второе и последующие поколения американских корейцев, как правило, не имеют проблем в общении и образовании и успешно адаптируются в принимающем обществе.

В структуре реэмиграции в Республике Корея корейцы США занимают второе по численности место после корейцев Китая (35 тыс. чел. на 2010 г.)¹². Что является причиной их возвращения – неудачная адаптация или привилегированное положение в Республике Корея в связи с лучшим владением английским языком и лучшим образованием, полученным в американских вузах, – предстоит выяснить в ходе будущих исследований.

Корейская диаспора в Японии (912 тыс. чел.). Переселение корейцев в Японию связано, прежде всего, с аннексией Кореи в 1910 г. и насильственной отправкой корейской рабочей силы в Японию. Многие корейцы Японии до сих пор сохранили корейское

¹ Брошюра Фонда зарубежных корейцев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.okf.or.kr/portal/PortalView.do?PageGroup=USER&pageId=1283437318546&query> (дата обращения: 20.04.2012).

² Там же.

³ Yoon In-Jin. Understanding the Korean Diaspora from comparative perspective // Asia Culture Forum 2006. URL: http://www.cct.go.kr/data/acf2006/multi/multi_0201_In-Jin%20Yoon.pdf (дата обращения: 20.04.2012).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Ежегодный статистический отчет отдела миграции и миграционной политики. 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hikorea.go.kr/pt/InfoDetailR_en.pt (дата обращения: 20.04.2012).

⁸ Yoon In-Jin. Understanding the Korean Diaspora from comparative perspective // Asia Culture Forum 2006. URL: http://www.cct.go.kr/data/acf2006/multi/multi_0201_In-Jin%20Yoon.pdf (дата обращения: 20.04.2012).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Ежегодный статистический отчет отдела миграции и миграционной политики. 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hikorea.go.kr/pt/InfoDetailR_en.pt (дата обращения: 20.04.2012).

гражданство, несмотря на то, что продолжительность их пребывания в стране превысила 90 лет, и 90 % из них были рождены в Японии¹³.

Первое поколение корейцев Японии было вынуждено жить в изоляции от японского общества и заниматься неквалифицированным трудом; только 1 % из них занимались интеллектуальной и профессиональной деятельностью¹⁴. Корейцы трудились в сфере малого бизнеса и до сих пор продолжают заниматься малым предпринимательством.

После либерализации режима выезда за границу в Республике Корея в 1989 г. в Японию эмигрировала вторая волна корейцев. В Японии так называемые новоприбывшие отличались от представителей первой волны мигрантов большей этнической гордостью и уверенностью в себе¹⁵.

Как правило, конфликтная этническая среда ведет к усилению национальных связей, однако препятствует интеграции в принимающее общество, что и иллюстрируется примером корейской диаспоры в Японии.

Корейская диаспора России – 153 тыс. чел. (537 тыс. чел. в странах СНГ). Миграция корейцев на российскую территорию Дальнего Востока началась в 1860-е гг. Ее участниками стали сельские жители приграничных районов, переживавшие из-за неурожаев экономические трудности [3]. За долгую историю проживания в российских пределах корейцы прошли этап компактного расселения на Дальнем Востоке, депортацию в советское время в Среднюю Азию и Казахстан, расселение по всей территории России.

На данный момент корейская диаспора России представляет собой консолидированное сообщество. Существуют как общероссийские, так и региональные ассоциации корейцев, культурные центры и общества. При этом корейская диаспора в России (как и всего СНГ) отличается наибольшей степенью интеграции в принимающее общество по сравнению с корейскими диаспорами других стран¹⁶. Одновременно их отличает наименьшее знание корейского языка, меньшая приверженность к родной культуре и внутриэтническим бракам¹⁷.

Таким образом, корейская диаспора в каждой из стран имеет свои характерные особенности, связанные с историческими обстоятельствами миграции, политикой и особенностями принимающего общества. Среди общих черт, характерных для корейской диаспоры в мире, можно говорить о сохранении этнической идентичности, несмотря на дискриминацию (в случае

с корейцами Японии) или частичную ассимиляцию (в случае с корейцами России). Степень выраженности этнической идентичности может зависеть от времени проживания в принимающем обществе и от особенностей среды. Актуализация этнической идентичности корейцев диаспоры рассматривается в качестве первоочередной задачи Республики Кореи.

Республика Корея начала разрабатывать стратегии взаимодействия с зарубежными соотечественниками с конца 1990-х гг. Поскольку уже с 1960-х гг. в стране намечался экономический рост, к 1990-м гг. страна подошла с солидным капиталом, однако без существенного политического влияния в мире. В целях ликвидации дисбаланса экономической и политической мощи Республика Корея занялась поиском путей взаимодействия с мировым сообществом. И хотя в официальных документах целями диаспоральной политики были названы: сохранение этнической идентичности зарубежных соотечественников и оптимизация их вхождения в принимающие общества¹⁸, планы Республики Кореи шли намного дальше.

Согласно британскому исследователю Алену Гамлену, диаспоральная политика предполагает следующие позиции: меры по наращиванию потенциала, стремление создать «транснациональное общество» вокруг государства и учредить сеть соответствующих государственных институтов; меры по расширению прав диаспоры; меры по получению обязательств от диаспоры¹⁹.

Как правило, государства, проводящие диаспоральную политику, начинают с создания или актуализации символической системы, характеризующей культурную общность. Затем предпринимаются попытки расширения и защиты прав зарубежных соотечественников в принимающих обществах, доходящих до репатриации. Все эти меры должны превратить зарубежную диаспору в консолидированное сообщество за рубежом, способное поддерживать страну исхода (в том числе на уровне финансовых вливаний), а также лоббировать ее интересы в мировом политическом и социально-экономическом пространстве.

В настоящее время опыт в разработке и реализации диаспоральной политики Республики Кореи признан одним из самых успешных примеров взаимодействия с соотечественниками.

Среди мер по расширению прав диаспоры можно отметить опыт Республики Кореи в проведении репатриации корейцев о. Сахалин (территория Российской Федерации). Группа численностью около 45 тыс. чел. была образована потомками рабочих, привезенных на Южный Сахалин в период аннексии Кореи Японией в 1910–1945 гг. В конце 1990-х гг. Россия, Республика Корея и Япония начали кампанию по репатриации сахалинских корейцев на историческую родину. Масштабный характер она приняла в 2000 г. Репатриация осу-

¹³ Yoon In-Jin. Understanding the Korean Diaspora from comparative perspective // Asia Culture Forum 2006. URL: http://www.cct.go.kr/data/acf2006/multi/multi_0201_In-Jin%20Yoon.pdf. (дата обращения: 20.04.2012).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Yoon In-Jin. Understanding the Korean Diaspora from comparative perspective // Asia Culture Forum 2006. URL: http://www.cct.go.kr/data/acf2006/multi/multi_0201_In-Jin%20Yoon.pdf (дата обращения: 20.04.2012).

¹⁷ Сайт Фонда зарубежных корейцев. URL: <http://www.okf.or.kr/portal/PortalView.do?PageGroup=USER&pageId=1328006198603&query> (дата обращения: 20.04.2012).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Gamlen A. Diaspora Engagement Policies: What are they, and what kinds of states use them? // Centre on Migration, Policy and Society, Working Paper No. 32, University of Oxford. – 2006. URL: <http://www.compas.ox.ac.uk/fileadmin/files/pdfs/WP0632-Gamlen.pdf> (дата обращения: 20.04.2012).

ществляется за счет средств Красного Креста Японии и Республики Кореи. Сейчас в Корею проживают несколько тысяч репатриантов из России и стран СНГ.

Организатором проведения диаспоральной политики в стране является Фонд зарубежных корейцев, основанный в 1997 г. Если кратко обобщить его деятельность, то можно выделить основные направления: налаживание обменов с зарубежной диаспорой; поддержка деятельности сообществ корейцев за границей и мониторинг обеспечения прав соотечественников; осуществление образовательных программ – в первую очередь поддержка центров преподавания корейского языка за рубежом и выдача стипендий представителям диаспоры для обучения в Корею; поддержка коммерческой деятельности диаспоры, в том числе организация и проведение Форума экономистов среди зарубежных корейцев, поддержка создания Конвенции корейского бизнеса и проч.; информационная поддержка диаспоры, включающая Организацию всемирного дня корейцев, исследования, создание международной сети корейских политиков и проч.; создание сети Глобальной Кореи с расширением общей сети зарубежных корейцев; создание и управление базой данных о представителях диаспоры и организациях зарубежных корейцев, поддержка IT пространства²⁰.

Современная Республика Корея, поддерживая корейские культурные центры в разных странах мира, участвуя в проведении культурных фестивалей, организации курсов корейского языка (в первую очередь для корейцев СНГ), выделяя стипендии для обучения в Республике Корею (в первую очередь для корейцев из развивающихся стран) и проч., стремится сохранить и усилить национальное самоопределение соотечественников за рубежом.

Наряду с этими мерами правительство Республики Кореи планомерно упрощает въезд и право на трудовую деятельность зарубежных корейцев в Республике Корею. Существует два основных типа виз для этнических корейцев: H-2 – виза для занятия неквалифицированным трудом (максимум пребывания 5 лет) и F-4 – виза для квалифицированных работников (срок пребывания не ограничен)²¹.

Однако следует заметить, что меры по взаимодействию с диаспорой имеют разную направленность: поддержка оказывается корейцам из развивающихся стран (стипендии, помощь культурным и образовательным центрам в России, странах СНГ, Китае, Латинской Америке); в то время как инвестиции ожидаются от состоятельных корейцев США, Канады и проч.

В целом в области ожидания обязательств со стороны диаспоры и гарантий ее участия в экономике и культуре страны исхода имеется много проблем. Но

в Республике Корею действует упрощенная инвестиционная политика, когда быть зарубежным инвестором корейского происхождения проще и выгоднее, чем просто зарубежным инвестором. Кроме того, действуют упрощенные правила на покупку недвижимости и проведение финансовых операций для этнических корейцев²². Иными словами, зарубежные корейцы занимают особое положение в стране по сравнению с иностранцами.

Республика Корея как своего рода «метрополия» стремится создать сильную состоятельную диаспору за рубежом, в том числе и для получения от нее ответных обязательств. В силу различного политического, финансового и социального положения отдельных групп корейской диаспоры в мире отношения с ними имеют вариативный характер: от поддержки корейских культурных центров и упрощенного разрешения заниматься неквалифицированным трудом в Республике Корею до упрощенных процедур покупки недвижимости и инвестирования.

Диаспоральная политика Республики Корея также отличается осторожностью, как и в целом иммиграционная политика страны, поскольку правительство опасается переполнения рынка неквалифицированного труда. В связи с этим зарубежным соотечественникам, с одной стороны, отдается предпочтение перед другими иностранцами, но с другой стороны, прием на постоянное место жительства происходит только в результате отбора. Критериями такого отбора являются гражданство одной из развитых стран, наличие высшего образования, финансовая состоятельность и проч. Другими словами, неквалифицированным рабочим корейского происхождения из развивающихся стран позволено работать в стране в течение пяти лет, но к постоянному поселению это не ведет, в отличие от этнических корейцев с высшим образованием из развитых стран.

Таким образом, опыт Республики Кореи по взаимодействию с диаспорой может быть показательным в мировом политическом пространстве. Изучение опыта этой страны может способствовать развитию теории и практики миграционной и диаспоральной политики как в масштабах Корейского государства, так и в масштабах Евразийского континента, все государства которого в настоящее время включены в процесс миграционного обмена.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Safran W.* The Jewish diaspora in a comparative and theoretical perspective // *Israel studies*. 2005. Vol. 10, N 1. P. 36–60.
2. *Kim I.S.* New urban immigrants: The Korean community in New York. 1981. Princeton: Princeton University Press. 329 p.
3. *Ли Кван Гю (이광규)* Чжевэхангун. [재외한국인]. (Зарубежные корейцы). Сеул, 2000. 260 с.

Статья поступила
в редакцию 12.02.2012 г.

²⁰ Сайт Фонда зарубежных корейцев. URL: <http://www.okf.or.kr/portal/PortalView.do?PageGroup=USER&pageId=1328006198603&query> (дата обращения: 20.04.2012).

²¹ Сайт иммиграционной службы Республики Корея. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hikorea.go.kr/pt/InfoDetailR_en.pt (дата обращения: 20.04.2012).

²² Там же.

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 398.4+398.41

В.А. БУРНАКОВ

ЖУРАВЛЬ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ХАКАСОВ*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск, пр-т акад. Лаврентьева, 17
e-mail: venariy@ngs.ru

В статье анализируется образ журавля в мифоритуальном комплексе хакасов. На основе литературных сведений, а также полевых и архивных материалов рассматривается связь этой птицы с воззрениями о душе и смерти человека. Анализируется соотношение образа журавля и его гнезда с домом и женским началом.

Ключевые слова: хакасы, мифология, обряды, представления о душе, фольклор.

В традиционной культуре хакасов одной из почитаемых птиц был журавль (хак. *турна*). Исследователь А.А. Кропоткин относил журавля (наряду с орлом и уткой) к главным представителям пернатого мира хакасской фауны [1, с. 20].

По мифологическим представлениям хакасов, *турна* принадлежал к категории «царских» птиц. В фольклоре известен сюжет, согласно которому в мире пернатых журавль являлся самой главной птицей, однако, провинившись, он был безвозвратно лишен этого статуса [2, с. 43–47]. Приведем сведения одного из вариантов этого мифа, обнаруженного в архиве Русского географического общества (г. Санкт-Петербург). «Прежде журавль был царем птиц, а когда он стал сильно обижать и бить птиц (теракасак¹ ногу переломил), тогда Кудай (Бог. – В.Б.) сменил его и назначил белохвостого беркута»². Подобные мифологические взгляды на журавля, потерявшего царский трон, имели широкое распространение среди тюрко-монгольских народов Сибири [3, с. 174; 4, с. 285; 5, с. 73]. Вместе с тем в хакасском фольклоре образ журавля часто наделялся яркими чертами – благородством, отзывчивостью и бескорыстием. Так, в одном из хакасских мифов журавль, откликаясь на просьбу, совершенно безвозмездно предоставляет отдельным животным еду [6, с. 101–102].

В архаических воззрениях журавль, подобно другим перелетным птицам, был связан с анимистической идеей. География полетов птиц с севера на юг и обратно в мифоло-

гическом сознании воспринималась как путешествие из мира мертвых (север) в мир живых (юг). Данная мысль получила свое воплощение в идее неразрывной связи образа птицы с сакральной сферой и душой человека. Хакасы полагали, что в момент смерти душа-тын (букв. душа-‘дыхание’) взрослого человека отрывалась и, превратившись в журавля [7, с. 102–103; 8, с. 521]³, улетала в страну мертвых (*язат чирі*) [9, с. 107; 10, с. 15]. Ассоциация именно с этой птицей была не случайна. Журавль отличается от других пернатых своей неутомимостью в полете на дальние расстояния, в том числе, как считали хакасы, и в потусторонний мир. Весной во время прилета журавлей или осенью в период их отлета люди выходили на кладбище и проводили поминки по умершим в текущем году. Для поминовения душ этих людей на костре сжигалась ритуальная пища [11, с. 165]. Согласно традиционным представлениям, «журавли кругами летают над могилами и считают покойников»⁴.

Хакасы полагали, что в летний сезон журавли должны вывести птенцов – числом, равным числу умерших в течение года [11, с. 165]. Стоит заметить, что в мировоззрении тюркских и монгольских народов круговое вращение в целом имело сакральное значение. Круговой облет мест обитания и сопредельных территорий, по мнению орнитологов, явля-

³ Наряду с этим, бытовали и иные представления о душе-тын, например, в виде нити или облачка.

⁴ Полевые материалы автора (ПМА): 2010, с. Отты Аскизского района Республики Хакасии; Бурнаков Алексей Андреевич, 1937 г.р.

¹ Птица коростель (дергач).

² Архив Русского географического общества (АРГО). Разр. № 64. Оп. 1. Д. 29. Л. 15 об.

* Работа выполнена в рамках программы № IX.81.3.3 «Коренные народы Сибири и Арктики. Оценка человеческого потенциала: этнодемографический, этносоциальный и этнокультурный аспекты», а также ГК № 14.740.11.0766 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

ется типичным поведением журавлей [12, с. 273]. У хакасов принято было считать, что если прилетевшие весной журавли кружили над селением по ходу солнца, то это являлось благостным предзнаменованием. В случае же, если полет этих птиц имел противоположное направление, это считалось плохим предвестием. Ожидался тяжелый год, сопровождаемый болезнями и смертью людей и скота. В этом случае хакасы кричали в адрес журавлей: «*Оңар ибiрiнер!*» – «*Кружите правильно*» [13, с. 76].

В традиционном сознании круговой облет журавлей мог соотноситься, очевидно, с обрядом *ибiрiг* похоронного цикла и осуществлялся в виде троскратного кругового обхода вокруг гроба и могилы. Он был призван отделить душу умершего от живых и выполнял защитную функцию. В мифоритуальной системе хакасов журавль воспринимался в качестве проводника души человека в загробный мир. Этот образ, символизирующий путь человека в один конец, определил смысл народной поговорки: «Дорога гуся просторная, путь журавля глухой!» [14, с. 359].

В мировоззрении хакасов журавль как птица, имеющая прямое отношение к сакральному, наделялась в определенной степени и вредоносными для человека качествами. Ее относили к категории «*хааргысчыл хус*» – «проклинающих птиц» [15, с. 169; 16, с. 106]. Сведения о вере хакасов в проклинающие свойства этой птицы еще в конце XIX в. были записаны Н. Поповым. Исследователь сообщал: «Если кто-нибудь возьмет яйца из журавлиного гнезда, то самка кланяется солнцу и проклинает похитителя; поэтому татары (хакасы. – В.Б.) не трогают журавлиных яиц»⁵. Журавли, как известно, гнездятся парами. Поэтому считалось, что человека, застрелившего одного из них, другой обязательно проклянет и нередко, чтобы избежать проклятья, убивали журавлиную пару.

Вера в журавлиное проклятье и табу на отстрел этой птицы были известны и другим тюркам Южной Сибири [16, с. 107, 113; 17, с. 290]. Убивать журавля допускалось лишь в ритуальных целях. У хакасов бытовал обычай «*турна ялгэзi*» – «закон журавля». Охотник, добывший птицу, отправлялся с ней в гости к наиболее состоятельным людям (баям). Он мог свободно обменять тушку журавля на какое-либо животное или предмет. Отказ произвести такой обмен считался большим грехом и сулил негативные последствия. Со слов информанта: «Когда охотник подстреливал журавля, то, вернувшись домой, дарил птицу соседу. Сам охотник не имел права оставлять ее у себя, в противном случае на него и его семью обрушится несчастье. Сосед отдавал журавля другому соседу, а тот мог передать третьему. Последний, кому доставалась птица, варил ее мясо. При этом он был обязан пригласить на трапезу всех, кто передавал ему журавля, в том числе и подстрелившего птицу. Мясо журавля считалось очень ценным подарком»⁶.

По материалам В.Я. Бутанаева, обычно охотника одаривали овцой или полусуконным кафтаном [13, с. 76].

Согласно же сведениям Н.Ф. Катанова, «если везти журавля, то давали стельку для обуви» [18, с. 59–60]. Надо заметить, что в хакасском фольклоре образ журавля имел устойчивую связь с обувью [14, с. 334; 19, с. 287]. Вероятно, один из узнаваемых признаков этой птицы – голенасть – в

мифологическом сознании в определенной степени способствовал ее отождествлению с обувью, имеющей высокую голень.

Необходимо сказать, что в традиционной культуре распространенным явлением было наделение природных объектов и представителей животного мира человеческими чертами и наоборот. Эти воззрения в полной мере распространялись и на журавлей. Например, про одинокого человека говорили «*асхан турна*» – букв. «заблудившийся журавль» [15, с. 680]. Подобная же идея обнаруживается в следующей быличке:

Ибсэк – болотная трава с колчыми листьями, корни ее употребляются в пищу. Журавли охотно едят эти корни, отыскивают их на болоте и добывают своим длинным носом. Один журавль нашел ибсэк и хотел есть его, а другой прилетел и говорит:

– Дай мне!
– Не дам!
– Не дашь, так я тебя отсюда прогоню!

Побоялся журавль, чтобы его не отогнали от корней, и дал. Рассказ, не интересный по содержанию, оживляется тем, что в восклицаниях: Дай мне! Не дам! Не дашь, так, прогоню! На татарском (хакасском. – В.Б.) наречии слышится большое сходство с подражанием крику перекликающихся журавлей⁷.

Испокон веков, наблюдая за «семейной» жизнью журавлей, люди отмечали их высокую привязанность друг к другу и особенно к своему гнезду. Известно, что эти пернатые сооружают гнезда, имеющие округлую форму на земле. Данная особенность, как и способ гнездования этой птицы, нашли отражение в мифологическом сознании хакасов. Юрта – жилище, также округлое в плане, в фольклоре соотносилось с птичьим гнездом, а порой и с самой птицей, в том числе и журавлем. Подобные воззрения представлены в следующих загадках: «Гнезда ста птичек – на одном месте (решетка юрты)», «Большая птица улетела, и гнездо ее осталось (снятие коры)», «Журавленок улетел, а кочка осталась (след снятой коры)» [18, с. 255, 258, 272].

В языке хакасов имеются идиоматические выражения, в которых все члены семьи напрямую соотносятся с птицами [14, с. 219]. Возможно, что реликты архаических представлений: «человек (душа) – птица» // («дом – гнездо (птица)») актуализируются ритуальной практикой подвешивать грудинку журавля – *паксян* – к стропилам юрты. Помимо апотропейной функции, грудинка была призвана нести счастье (*ырыс*) в дом. Считалось, что паксян также способствует удаче на охоте [13, с. 76; 20, с. 54; 21, с. 132].

В культуре хакасов, как и других тюркских и монгольских народов, традиционно домашний быт и хозяйство в большей степени входили в сферу деятельности женщины. Данные реалии нашли отражение в хакасском языке, где слово женщина («*итчи*») буквально переводится, как «домашняя» [15, с. 34]. Женские черты журавлиного образа ярко представлены в фольклоре; например, в хакасских загадках: «В тумане плачет женщина с косами (журавль)» [19, с. 369], «Сквозь облака причитает баба с косами (журавль)» [14, с. 322]. Определенные ассоциации этой птицы с женщиной представлены также в следующей песне:

Отправимтесь в кочковатую землю!
Поймаемте журавленка!
Пусть тот, кто не поймает журавленка,
Будет женщиною, имеющею косы! [19, с. 259].

⁵ АРГО. Разр. 64. Оп. 1. Д. 29. Л. 15 об.–16.

⁶ ПМА: 2000 г., с. Усть-Таштып Аскизского р-на Республики Хакасии; Тобурчинов Николай Павлович, 1930 г.р.

⁷ АРГО. Разр. Оп. 1. Д. 29. Л. 18 об.

Кроме того, образ журавля представлен и в названии некоторой домашней посуды, например *турна мойын* – ‘четверть (посуда) (букв. журавлиная шея’ [15, с. 158].

Таким образом, в традиционной культуре хакасов журавлю придавалось большое сакральное значение. Образ этой птицы имел прямое отношение к душе человека и соответственно был включен в мифоритуальную практику. В традиционных воззрениях журавль в большей степени соотносился с женским началом и жилищем. Сходство мифологических представлений и обрядовой практики с другими тюрко-монгольскими народами свидетельствует об их этнокультурных взаимодействиях в прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кропоткин А.А. Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. Восточные окраины России. Восточная Сибирь. СПб.; М., 1895. Т. XII, ч. 1.
2. Мифы и легенды хакасов. Абакан, 2006.
3. Потанин Н.Г. Очерки Северо-Западной Монголии. 2-е изд. Горно-Алтайск, 2005.
4. Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. М.; Л., 1940.
5. Хлопина И.Д. Из мифологии и традиционных верований шорцев (по полевым материалам 1927 г.) // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
6. Лягушка и журавль // Коре Сарыг на Буланном коне. Новосибирск, 1974.
7. Бурнаков В.А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск, 2006.
8. Бурнаков В.А. Смерть и похороны в культуре хакасов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 1 (23).
9. Бутанаев В.Я. Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX – начале XX в. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988.
10. Бутанаев В.Я., Верник А.А., Ултургашев А.А. Народные праздники Хакасии. Абакан, 1999.
11. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан, 1996.
12. Тугаринов А.Я., Бутурлин С.А. Материалы по птицам Енисейской губернии // Зап. Красноярск. подотд. Вост.-Сиб. отд. Импер. Рус. геогр. о-ва по физ. геогр. 1911. Т. I, вып. 24.
13. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003.
14. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008.
15. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999.
16. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
17. Дьяконова В.П. Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Человек и природа в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (2-я половина XIX – начало XX в.). Л., 1976.
18. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897.
19. Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым; т. IX). СПб., 1907.
20. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск, 1900. Вып. IV.
21. Кулакова А.А., Кузнецов П.Е. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898.

Статья поступила
в редакцию 12.02.2012 г.

УДК 94(47).046/053

А.А. ЛЮЦИДАРСКАЯ

НАСЛЕДНИКИ СЛАВЫ СИБИРСКИХ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

канд. ист. наук
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: lucid@archaeology.nsc.ru

Взрослые сыновья сибирских казаков в XVII в. составляли особую группу населения, являясь в экстренных ситуациях как бы резервом казачьих гарнизонов. Некоторые из них занимали места отцов или близких родственников в случае отставки или смерти последних. Большинство же казачьих детей занимались ремесленной либо сельскохозяйственной деятельностью, обеспечивая свои семьи. Постепенно представители этой группы населения пополняли ряды крестьян или мелких товаропроизводителей.

Ключевые слова: колонисты, Сибирь, сыновья казаков, гарнизон, служилый чин, жизнеобеспечение, перспективы.

Служилый люд, иными словами, люди, состоявшие на государственной, царской службе, являлся основной, самой активной и пассионарной силой в ходе колонизации огромной территории Сибири. Без деятельности служилых казаков невозможно было бы развивать земледелие и различные промыслы. Казаки открывали новые территории, обеспе-

чивали мирное сосуществование с местными аборигенами, которые далеко не всегда и везде были согласны подчиняться колонистам. Исследователи истории Сибири на протяжении почти трех веков не могут обойти вниманием эту значимую категорию населения [1]. Первоначально большее внимание уделялось военно-политическим моментам, связанным с

деятельностью служилых казаков, а затем стали рассматриваться социально-экономические и демографические аспекты. Несмотря на неослабевающий интерес исследователей Сибири к служилому казачеству, до сего времени остается достаточно белых пятен, учитывая огромную зауральскую территорию и специфику отдельных ее регионов.

В Западной Сибири стабильная жизнь наладилась значительно раньше, чем в восточных регионах, поэтому часть казаков из гарнизонов западносибирских городов переводилась в более отдаленные места: Якутск, Нерчинск и др.

Нормализация политической обстановки в Сибири и успешное развитие хозяйственной деятельности неизбежно вели к сокращению гарнизонов, прежде всего в городах Западной Сибири. Число жителей росло за счет притока других социальных слоев населения: крестьян, посадских, «промышленных» людей и др. Первоначально, когда власти крайне нуждались в увеличении численности служилого люда, ряды казаков пополняли представители иных групп населения, а также представители местного коренного населения, лояльно относившиеся к новым «русским» порядкам. Казалось само собой разумеющимся, что сыновья служилых людей в первую очередь верстались в казаки. Место умершего или ушедшего в отставку сына боярского, конного или пешего казака занимал, как правило, его сын. В больших семьях служилые люди старались пристраивать в гарнизоны всех своих сыновей. Прерогативой при этом пользовались дети боярские и конные казаки.

Сибирские дети боярские составляли особый слой населения: они имели привилегии, выполняли административные поручения, участвовали в дипломатических переговорах и, прежде всего, руководили военными операциями. В данном тексте речь о них не пойдет, хотя четко выстроенной грани между казаками и детьми боярскими не существовало, особенно в начале века. Конный казак, имевший определенные заслуги на своем поприще, мог повысить свой статус. Однако со временем ряды детей боярских в большинстве случаев пополняли их сыновья, братья и другие родственники.

Дети конных и пеших казаков составляли в городах значительный слой населения. Особенно это касается «служилых» городов, таких как Томск, Кузнецк, Тара и др. В официальных документах дети казаков так и назывались «казачьи дети». По-видимому, не получая жалованья, они в перспективе учитывались как возможная военная сила.

Многодетные семьи в Сибири не были редкостью, но, как правило, в казачьей семье имелось 2–3 сына. Если судьба старшего была более или менее определена – он наследовал отцовское место, то младшие пополняли когорту «казачьих детей».

Донесение кузнецкого воеводы за 1687 г. дает возможность получить представление относительно численности казаков и казачьих детей в городе. Географическое положение Кузнецка обеспечивало ему статус служилого города со значительным гарнизоном. Последнему приходилось вступать в противоборство с потестарными объединениями и родоплеменными союзами автохтонного населения [2, с. 53]. По данным источников, на 1687 г. в Кузнецке числились в казачьих детях, «которым <...> служить мочно без нужды и домами своими живут лету по сороку и больши и дети у них есть, сто пятьдесят человек». Эти жители имели свои дома в городе, пахали пашню и владели домашним скотом. Более молодое поколение казачьих детей «лет по тридцати» своих дворов в Кузнецке не имело, «жили у сородичей своих». Та-

ких в городе насчитывалось 100 чел. Еще 150 казачьих детей от 17 до 20 лет были холостыми, они проживали совместно с отцами¹. Таким образом, к концу 1680-х гг. в Кузнецке проживало 300 чел., причисленных к разряду казачьих детей. Это была дееспособная часть населения, которая в дальнейшем могла привлекаться для пополнения сибирских гарнизонов, а также влилась в другие сословные группы. В этом же документе прямо указывается на возможность использования казачьих детей в случае «прихода неприятельских людей».

Со временем ломалась привычная схема, согласно которой место служилого казака занимал его сын. Разборный список служилых Кузнецка за 1681 г. ярко иллюстрирует заведенный в среде казаков порядок. В своей «сказке» конный казак Василий Максимов описывал свою историю так: его дед, казак, был убит в столкновении с «калмаками», его место с тем же окладом занял сын, после смерти которого был поверстан старший из сыновей Тимофей, и, наконец, после смерти брата Тимофея искомый чин получил Василий Максимов [2, с. 289].

Военно-политическая обстановка менялась по всей территории Сибири, но в западной ее части все процессы происходили интенсивнее. В городах, имевших военно-стратегическое значение (Томск, Тара, Кузнецк и др.), служилое казачье население составляло костяк жителей. Естественно увеличивалось число казачьих детей, составлявших особую группу, функционирование которой в сибирском сообществе выглядит достаточно аморфно. Сыновья казаков выделялись среди жителей уже своим «казачьим» происхождением, вроде бы гарантировавшим им казачий статус. Однако численность гарнизонов не увеличивалась, а естественный прирост населения создавал трудно преодолимые препятствия для получения искомого чина. Особенно это касалось семей малообеспеченных пеших казаков. В силу сложившихся причин казачьи дети искали и подчас находили себе различные занятия, приносившие доход.

Такие же проблемы были даже у сыновей высших служилых чинов – детей боярских. Так, в 1706 г. сын довольно известной в Томске фамилии сына боярского А. Лункеева Василий нанялся в ученики к котельнику. В договоре, «жильной записи», об этом говорится: «...и в те вышеписанные годы ему Степану меня Василия выучил своему котельному мастерству чему он Степан сам горазд»². Подобные истории происходили, судя по всему, и с сыновьями конных и пеших казаков.

Казачьи дети обосновывались как в городе, месте проживания родителей, так и в уезде. В этом случае обрабатываемые ими угодья могли принадлежать их отцам или другим родственникам. Имели сыновья казаков и собственные угодья, полученные в собственность различными способами. Четко выявить истоки права у казачьих детей на личное владение землей крайне сложно из-за отсутствия однозначной документальной базы.

Имеются документы, которые дают некоторое представление о жизнедеятельности второго и последующих поколений казачьих детей в Томском уезде. Думается, что в других сибирских городах с теми или иными модификациями возникали схожие ситуации в среде казачьих детей.

¹ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 749. Л. 352–374.

² РГАДА. СП. Кн. 1452. Л. 303.

В 1705 г. в Томске свои дворы имело более 120 чел., официально причисленных к категории казачьих детей. Как правило, в пределах двора располагалась одна изба, пригодная для круглогодичного жилого использования. В Томске 20 % (28 чел.) от общего числа казачьих детей имели более 1 жилой постройки, а у 3 чел. было построено 3 теплых помещения. Акцент на количестве отапливаемых изб делается потому, что с каждой печи в усадьбе собирался налог, «подымные деньги», поэтому количество отапливаемых домов являлось определенным мерилем достатка хозяина.

Часто родственники селились поблизости друг от друга: братья, дети и родители, дядя и племянники и т.п. Вполне вероятно, что у родственников был общий промысел или ремесленное производство. О том, что казахи дети занимались разного рода промыслами, имеется немало свидетельств. Сложность изучения этой информации заключается в ее отрывочности, краткости и бессистемности. И все же из целого ряда документов XVII – начала XVIII в. можно получить сведения об участии казачьих детей в хозяйственной жизни города.

Данные из книг сбора 10-й деньги по Томску о занятиях торгово-промышленной деятельностью жителей Томска свидетельствуют, что в 1668–1669 гг. 124 чел. было включено в список плательщиков этого налога. Среди них лишь шестеро являлись казачьими детьми, занимавшимися промыслами, не приносившими особого дохода. Василий Стрелковский изготавливал кадки, кадушки, различные бочки для нужд населения. Их использовали для хранения сыпучих веществ, пороха, соли и т.п. Хозяйки в бочках заготавливали впрок продукты. Несмотря на постоянный спрос, промысел В. Стрелковского приносил весьма скромный доход в 0,5 руб. Такой же доход получал с шильного промысла казачий сын Иван Мухоплев. Занимавшиеся рыбой имели больше денег: казачьи сыновья, рыбак М. Белослудцев платил налог с дохода в 1 руб., П. Юрьев, занимавшийся изготовлением сетей, был обложен с искомой суммы в 1 руб.

Серебряным промыслом занимался казачий сын Иван Маслов и платил налог с 1 руб. дохода. Более преуспевал казачий сын Иван Артемьев, который совместно с гулящим человеком Ларионом Никитиным Кайгородцем занимался торговлей, приносящей доход, равный 5 руб.³ Есть основания полагать, что цитируемый фискальный источник учитывал лиц, регулярно занимавшихся своей деятельностью и выносивших продукцию на рынок, тогда как лица, работавшие на заказ от случая к случаю, не учитывались.

Есть все основания полагать, что от года к году число казачьих детей, занимавшихся торговлей и промыслами, неуклонно увеличивалось. Этому способствовало увеличение потребностей растущего города и количественный прирост сыновей в казачьих семьях. Архивные документы подтверждают данные предположения. Фискальный источник сбора все той же 10-й деньги через 20 лет содержит несколько иные материалы о казачьих детях, да и сама книга увеличилась в объеме, а сведения о предприимчивых людях стали очень скупы. Во всех случаях использовалась только одна формулировка: «с торгу и промыслу», без конкретной расшифровки. В источнике 1686/87 г. отмечено 23 казачьих сына, самый состоятельный платил налог в 10 руб., наименьшая сумма обложения равнялась полтине. Налог более чем с

1 руб. платили 14 чел. В таможенной книге этого же периода 1686/87 г. отмечены казачьи дети, занимавшиеся кожевенным производством и выносившие свою продукцию на рынок. Формулировки в таможенном документе выглядели так: «...явил казачий сын Кириушка Синешкоков 18 кож дубленых яловиц своего дела, цена 18 рублей»⁴. Таким образом, логически обоснованное положение, что казачьи дети для самообеспечения и обеспечения своих семей овладевали ремесленными специальностями или же занимались торговлей, находит документальное подтверждение.

Несмотря на очевидный рост мелкоотоварного производства, большинство сибирских переселенцев было занято в сельском хозяйстве. Значительная часть городского населения, в том числе и служилые люди всех рангов, имели свои пахотные угодья в уезде. Там же находились и их дворы со всем необходимым обиходом, а также с чадами и домочадцами. Фискальный документ 1705 г. дает количественную оценку числу казачьих детей, нашедших свое место за пределами города⁵.

В итоговой записи, посвященной казачьим сыновьям, читаем: «Всего в Томске казачих детей, которые владеют угодьями 442 двора, у них детей и внучат и племянников 836 человек, дворовых работников 57 человек. Пашут 749 десятин в поле, в дух потому ж, сена косят 35 915 копен». При этом 135 дворовладельцев ничего в казну не платили. Кроме того, за казачьими детьми значилось 8 мельниц, но лишь с одной из них вносили оброк. Рыбные ловли также облагались налогом⁶.

Кроме скупых цифр, этот источник дает представление о специфике хозяйств казачьих детей Томского уезда. Детальный анализ этого материала требует отдельного самостоятельного исследования. Однако и выборочные сведения о наиболее типичных хозяйствах дают представления об условиях существования второго, третьего и последующих поколений детей сибирских казаков-первопроходцев.

Типичный пример семьи, состоящей из двух поколений, казачьего сына Ивана Осипова Кудрина показывает, что казачьи дети обзаводились все разраставшимися семьями. Помимо женатого сына у Ивана Кудрина было еще четверо сыновей. Заимка его находилась в с. Никольском и насчитывала 60 дес. (включая залежные земли). Право на владение угодьями он получил «по памяти из приказной избы». Однако земля не была в полной собственности И. Кудрина, он владел ей «вопче без разделу» с другим казачьим сыном. Кроме того, среди угодий имелись сенные покосы, на которых заготавливалось по 100 копен сена, что свидетельствовало о наличии в хозяйстве скота⁷.

Этот пример можно считать типичным, поскольку в индивидуальной собственности у казачьих детей находилось незначительное количество земли. Как правило, в совместном землепользовании участвовали родственники или свойственники: отцы, братья отцов или матерей, племянники и т.п. В этих случаях фамилии далеко не всегда указывают на степень родства.

Вполне естественно, что угодья казачьих детей были совместными с родительскими. Казачий сын Дмитрий Ле-

⁴ Там же. Кн. 868. Л. 785–819 об.

⁵ Там же. Кн. 1371.

⁶ Там же. Л. 367 об.–368.

⁷ Там же. Л. 247.

³ Там же. Кн. 594. Л. 196 об.–197, 198, 202 об.

онтьев сын Елгин владел заимкой, которая была оформлена на имя отца, пешего казака Леонтия Елгина, он и платил соответствующий налог⁸.

Несмотря на то, что население Сибири приумножалось, оно все же значительно отставало в количественном отношении от европейских регионов России. Поэтому вполне объяснимо большое количество родственников и свойственников среди жителей, в том числе и служилых людей. Казачьи семьи рождались посредством заключения браков между детьми соседей или «сотоварищей». Таким образом, каждая вторая или третья служилая семья оказывалась в цепи родственных связей. Обрабатывать пахотные земли и заготавливать корм скоту было надежнее и проще силами нескольких породнившихся семей. Именно поэтому большинство хозяйств являлись совладениями, обозначенными термином «вообще без раздела» на первый взгляд со случайными людьми, поскольку источники не дают возможности детально проследить все связи родственников и свойственников.

Значительно меньше среди казачьих детей, проживавших в Томском уезде, сугубо индивидуальных пользователей земель. Так, казачий сын Пимен Сизев, судя по возрасту детей, достигший 40-летнего возраста, единолично владел землей⁹. Можно полагать, что земля досталась ему по наследству.

Кроме того, существовала группа сыновей казаков, являвшихся, по сути, ремесленниками, которые обслуживали свою округу. В Томском уезде таковых было 7,5 % от общего количества (442 чел.)¹⁰. К сожалению, источник не указывает специализацию этих ремесленников, но думается, она исходила из нужд сельского населения.

Если сын служилого, имея статус казачьего сына, не успел обзавестись наследником мужского пола или мальчи-

ки были слишком малы, то часто с ним вместе проживали братья, образуя братскую семью. Так, с бездетным Иваном Петраковым проживал совместно 20-летний родной брат. С казачьим сыном Степаном Алексеевым, имевшим 3-летнего сына, жили совместно братья в возрасте 20 и 22 лет, которые были помощниками в хозяйстве¹¹.

По размерам угодий можно судить о некотором имущественном расслоении среди казачьих детей. Наряду с хозяйствами с небольшими запашками существовали и иные, превышавшие объемы, необходимые для нужд семьи. Однако размеры пахотных земель нельзя в полной мере считать критерием благополучия. Были хозяйства, ориентированные на животноводство, в этом случае следует учитывать количество заготовленного сена. Некоторые казачьи дети имели рыбные «тони», мельницы и т.п. Очень значительных производящих хозяйств у детей казаков, как правило, не было. Редкие исключения были основаны на родственных совладениях и больших семьях.

В целом можно утверждать, что казачьи дети, проживавшие в уезде, в перспективе сливались с крестьянством. «Городские казачьи дети» пополняли ряды ремесленников и мелких торговцев, формируя слой будущих разночинцев. «Золотая молодежь» XVII в., сыновья служилых казаков, гордившаяся своим происхождением и статусом, в XVIII в. постепенно теряла свои привилегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. М., 1988.
2. Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII вв. Омск, 2005.

Статья поступила
в редакцию 03.02.2012 г.

⁸ Там же. Л. 259 об.

⁹ Там же. Л. 200.

¹⁰ Там же. Кн. 1371.

¹¹ Там же. Л. 270, 281.

УДК 911.3: 347.008.3=06.045:312-057.36(=82)(571)«1920–1921»(045)

С.Н. САВЧЕНКО

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИКВИДАЦИОННОЙ КОМИССИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В 1920–1921 гг.

канд. ист. наук
Управление специальных программ
губернатора Хабаровского края
e-mail: swcos@mail.ru

В статье рассматривается деятельность комиссии по передаче имущества Забайкальского казачьего войска в соответствующие организации Дальневосточной республики в 1920–1921 гг. Автор показывает роль комиссии в ликвидации казачьих сословных структур управления, анализирует ее формальное и фактическое место в системе органов власти, показывает сложности взаимодействия с учреждениями областного и республиканского уровня.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, Восточно-Забайкальский областной народно-революционный комитет, Забайкальское казачье войско, ликвидационная комиссия.

До настоящего времени процесс ликвидации Забайкальского казачьего войска (далее – ЗКВ) советской властью не стал объектом исследования. В рамках этой проблемы целесообразно обратиться, прежде всего, к анализу деятельности ликвидационной комиссии ЗКВ. Она началась осенью 1920 г. и продолжалась более года, шла одновременно со становлением Дальневосточной республики (далее – ДВР) и отражает особенности не только реорганизации сословных казачьих структур, но и зарождения бюрократии нового государства на Дальнем Востоке.

В конце 1919 – начале 1920 г. поражение Белой армии в Сибири во главе с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком стало неизбежным. Такой же финал ожидал и преемника А.В. Колчака в Забайкалье и на Дальнем Востоке – атамана Г.М. Семенова. Однако активная поддержка и помощь японских интервентов, прибытие в Забайкалье остатков колчаковских войск (получивших именование «каппелевцы») позволили атаману остаться у власти.

В начале марта 1920 г. прибайкальские партизаны заняли г. Троицкосавск, центр 1-го военного отдела ЗКВ, который вышел из сферы влияния атамана Семенова [1, с. 170]. В апреле 1920 г. в Верхнеудинске была провозглашена Дальневосточная республика, формально являвшейся демократической и независимой от Советской России. Вместе с тем ДВР создавалась по указанию из Москвы как буфер для ликвидации интервенции на Дальнем Востоке и его воссоединения с РСФСР, оказывавшей республике всестороннюю помощь [1, с. 188–189].

В августе–сентябре 1920 г., с отступлением японцев и семеновцев из Восточного Забайкалья, станицы и поселки 3-го и 4-го военных отделов ЗКВ (центры Нерчинск и Нерчинский Завод) объявили о признании правительства ДВР. Одновременно здесь начались ликвидация станичных и поселковых правлений, упразднение должностей станичных и поселковых атаманов, организация новых органов власти – народно-революционных комитетов (нарревкомов)¹. Проходивший в середине сентября 1920 г. в Нерчинске съезд трудящихся Восточного Забайкалья признал власть правительства ДВР и избрал областной нарревком Восточного Забайкалья [2, с. 130; 3, с. 221–222].

Осенью 1920 г. судьба режима атамана Семенова в Забайкалье была решена. 15 октября японские войска покинули территорию области, 22 октября Чита была занята частями Народно-революционной армии (далее – НРА) ДВР и партизанами, 25 октября в город прибыло правительство республики.

У ряда общественных деятелей в этих условиях сохранялись иллюзии относительно сосуществования казачьих и земских структур с новым политическим режимом. 26 октября в Чите объединенное заседание войскового правительства и членов Забайкальского народного собрания (семеновского созыва) от станиц ЗКВ предприняло попытку сохранить войско и выяснить возможность созыва войскового круга². Однако сделать это не удалось.

4 ноября в Чите был образован единый областной орган управления в Забайкалье – Восточно-Забайкальский областной народно-революционный комитет (облнаррев-

ком)³. В освобождаемых от семеновцев районах Забайкалья продолжался процесс создания новых революционных органов власти. Их организация вступала в противоречие с сохранением старых областных, еще колчаковско-семеновских, органов власти – войскового правительства ЗКВ и Забайкальской областной земской управы. В связи с этим 8 ноября облнарревком, а 9 ноября президиум облнарревкома обсуждали вопрос о путях их ликвидации. Не оформив свои решения правовым актом, они, тем не менее, высказались в пользу скорейшего прекращения их деятельности и образовали специальную комиссию для ликвидации войскового правительства и облземуправы⁴.

12 ноября правительство ДВР объявило об объединении всего Дальнего Востока под своей властью⁵, упразднении областных правительств и о созыве Учредительного собрания республики. Таким образом, Забайкальская область была включена в состав ДВР. В тот же день президиум Восточно-Забайкальского облнарревкома постановил подготовить приказ о роспуске ранее существовавших органов местного управления – войскового правительства ЗКВ и управления земских управ в центре и на местах. Взамен создавалась однородная с единым областным органом система местного самоуправления в виде нарревкомов по образцу ДВР⁶.

17 ноября президиум облнарревкома назначил Макарова председателем ликвидационной комиссии. Ей поручалось учесть, описать и передать имущество ликвидируемых учреждений во вновь сорганизовавшиеся учреждения облнарревкома⁷. Из крупных объектов в собственности ЗКВ были здания, шорно-седельная мастерская, войсковая типография, сельскохозяйственные склады. 23 ноября комиссии было поручено также заниматься судьбой имущества бывшего военного губернатора Забайкальской области генерала А.И. Кияшко, хранившегося в здании войскового правительства⁸. 18 ноября президиум облнарревкома передал все материалы, находившиеся в ведении войскового правительства, под контроль облнарревкома⁹.

Нормативные основания для ликвидации старых органов местного самоуправления появились только 20 ноября 1920 г. Изданный в этот день приказ облнарревкома объявлял, что облнарревком создан из представителей всех групп населения Восточного Забайкалья – крестьян, казаков и инородцев. Поэтому существование наряду с ним других органов самоуправления областного значения стало нецелесообразным, нарушающим единство управления. Войсковое правительство ЗКВ и областная земская управа упразднились с передачей облнарревкому всех своих дел.

Приказ объявил о создании на местах – в уездах, волостях, станицах, хошунах и селениях – единой с областным органом системы органов местного самоуправления. Для ее формирования в Восточном Забайкалье (до издания правительством ДВР или Учредительным собранием закона об органах самоуправления) облнарревком предлагал на-

³ Там же. Ф. Р-423. Оп. 1. Д. 7. Л. 15 об.

⁴ Там же. Ф. 146. Оп. 1. Д. 3. Л. 138; Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 42. Л. 29–29 об.; Ф. Р-649. Оп. 1. Д. 6. Л. 48–50.

⁵ Дальневосточная правда. 1920. 16 нояб.

⁶ ГАЗК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

⁷ Там же. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 42. Л. 29 об.

⁸ Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. П-44. Оп. 1. Д. 282. Л. 22–23.

⁹ ГАЗК. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 3. Л. 6–6 об.

¹ Амурская правда. 1920. 11, 15–17 сент.

² Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК). Ф. 329. Оп. 1. Д. 14. Л. 80.

селению там, где еще продолжали действовать станичные или земские органы, немедленно приступить к организации уездных, станичных, волостных, хошунных и сельских нарревкомов путем избрания их членов на уездных съездах, станичных, волостных, хошунных и сельских собраниях. По организации комитетов надлежало немедленно передать им дела упраздняемых станичных и земских управ, после чего последние прекращали свое существование¹⁰.

Появление этого приказа совпало по времени с фактическим завершением Гражданской войны в Забайкалье. 22 ноября семеновские и каппелевские войска были выбиты с территории области и отступили в Маньчжурию¹¹.

После оставления белыми Забайкалья на территории ЗКВ (в основном это касалось 2-го военного отдела (центр в Акше), освобожденного от белогвардейцев в октябре–ноябре) осенью–зимой 1920 г. продолжалось формирование нарревкомов различных уровней. Но ряд станиц и поселков воздерживался от их образования «до установления твердой власти», что говорило о непризнании ими ДВР¹². Для решения этого вопроса в ход шло административное давление со стороны облнарревкома.

Между тем ликвидационная комиссия приступила к передаче дел и имущества упраздняемых учреждений в соответствующие отделы облнарревкома. При этом Макаров присутствовал при приемке дел и имущества войскового правительства, член комиссии И.А. Горбунов – областной земской управы, а третий сотрудник – Самданов – постоянно отсутствовал. К середине декабря 1920 г. работу комиссии считали близкой к завершению. В связи с этим президиум облнарревкома 4 декабря постановил выдать содержание служащим войскового правительства и шорно-седельной мастерской за ноябрь 1920 г., а также пайковое довольствие, запросив при этом ликвидационную комиссию, с какого времени уволены служащие этих учреждений¹³.

В процессе работы комиссия натолкнулась на несогласованную деятельность отдельных ведомств, распорядившихся частью войскового имущества. Оборудованная полностью на средства ЗКВ шорно-седельная мастерская со всеми материалами, инвентарем, изделиями по распоряжению главнокомандующего и без согласования с облнарревкомом была передана в военное ведомство, а войсковая типография перешла к политотделу¹⁴.

К концу декабря 1920 г. нарревкомы были созданы во всех станицах ЗКВ, которые вошли в состав новообразованных волостей и уездов¹⁵. Таким образом, организационная структура ЗКВ была окончательно упразднена. Позже, в конце февраля 1921 г., власти ДВР охарактеризовали этот процесс как идущий снизу, заявляя, что «в своем революционном порыве народ смел классовые перегородки» и ряд станиц и поселков объединились с соседними волостями и селениями, образовав одно общее волостное управление¹⁶. В действительности инициатива шла сверху и, понимая это, власти ДВР действовали первое время достаточно осторож-

но. Опасаясь выступлений казачества, они не стали поднимать до полного окончания Гражданской войны вопрос о дальнейшем землеустройстве и землепользовании казаков в Забайкалье. Но войсковые учреждения здравоохранения, образования, агрономическое, ветеринарное и другие перешли в соответствующие учреждения ДВР и стали обслуживать все население наряду с аналогичными бывшими земскими структурами соответствующего профиля.

В конце декабря 1920 г. ликвидационная комиссия прекратила свою деятельность, но в полной мере учет, опись и передача имущества ЗКВ в соответствующие учреждения не были ею осуществлены. Незавершенность этой работы заставила в начале января 1921 г. возобновить деятельность комиссии уже в новом составе, причем она стала заниматься делами и имуществом только ЗКВ. Председателем комиссии 10 января был назначен член облнарревкома К.М. Литвинцев, членами комиссии – Ваулин (он же секретарь) и 13 января – Д.Е. Глухих¹⁷.

Новый состав комиссии прежде всего приступил к проведению в порядок всех дел, описей и бумаг, оставленных предшественниками далеко не в лучшем порядке. Комиссия установила, что прежний состав, работая под председательством Макарова, принял часть имущества, но не оставил об этом необходимых документов и не сделал надлежащих пометок в описях. Учитывая это, комиссия запросила у Макарова соответствующую документацию, разъясняющую состав учтенного имущества с указанием его местонахождения в настоящее время, и в случае необходимости просила его дать личное разъяснение комиссии. В ходе работы комиссии Глухих вынужден был вновь произвести приемку и учет всего имущества и инвентаря с участием бывшего представителя войскового правительства ЗКВ и составить на них опись. Литвинцев и Ваулин должны были приступить к учету и проверке имущества и инвентаря, а также финансовой и иной отчетности бывшего войскового правительства и других учреждений, подлежащих ликвидации¹⁸. Эта кропотливая работа позволила составить представление об имуществе войска перед его ликвидацией.

Следующим шагом стало определение местонахождения имущества бывшего войскового правительства, по неизвестным причинам попавшего в различные военные штабы, госполитохрану и на квартиры к руководству ДВР и НРА ДВР. Так, из дома бывшего генерал-губернатора (Атамановский дом) были расхищены вся мебель и обстановка, часть мебели была перевезена на квартиру к инспектору пехоты С.Д. Павлову, часть – для обстановки рабочего кабинета главкома Г.Х. Эйхе. Для поиска и переписи войскового имущества приходилось ходить по различным учреждениям.

Работа шла крайне медленно, тормозилась мелкими бюрократическими препонами и формальностями, такими как сложность получения пропуска в некоторые учреждения ДВР. Но главной причиной непродуктивной работы признавалось отсутствие компетентных работников, прежде всего из состава бывшего войскового правительства, хорошо знавших, где и какое находится имущество¹⁹.

На завершающей стадии работа продолжалась в административном центре ЗКВ, а кроме того, переместилась на

¹⁰ Там же. Д. 1. Л. 3.

¹¹ Дальневосточная республика. 1920. 24 нояб.

¹² ГАЗК. Ф. 423. Оп. 1. Д. 8. Л. 11–11 об.

¹³ Там же. Л. 45.

¹⁴ Там же. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 42. Л. 30–31 об.; Дальневосточная республика. 1920. 15 дек.

¹⁵ ГАЗК. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 6. Л. 4, 25, 51, 102, 150–150 об.

¹⁶ Там же. Л. 153.

¹⁷ Там же. Д. 42. Л. 29 об.; ГАЗК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 282. Л. 81, 87–87 об.

¹⁸ ГАЗК. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.

¹⁹ Там же. Д. 42. Л. 29 об.–30.

места. 2 февраля 1921 г. комиссия постановила образовать ликвидационные комиссии при уездных нарревкомх для учета всего имущества и инвентаря, оставшегося в военных отделах, станичных правлениях, земских управах и сельскохозяйственных складах бывшего войскового правительства после эвакуации белогвардейцев. Комиссиям поручалось также провести учет финансовой и иной отчетности, составить опись наличных дел и сдать их в соответствующие отделы, составить описи приемки и сдачи наличного имущества и инвентаря, денежных сумм и товаров с надлежащими отметками и соответствующими расписками тех учреждений, которым было передано имущество²⁰.

Но именно в этот ответственный период областное руководство показало, что судьба войскового имущества не входит в число приоритетных проблем. В начале февраля проявившего энергию и деловые качества председателя комиссии Литвинцева перевели на более ответственную работу в президиум. На его место пришел совершенно новый человек – И.А. Читчев. Плохо знакомые с делами бывшего войскового правительства, сотрудники комиссии, сделав вывод, что без помощи компетентных лиц им свою задачу не выполнить, стали просить президиум назначить в комиссию тех, кто служил ранее в войсковом правительстве. В ответ на это председателем комиссии был утвержден Горбунов, как старейший участник ликвидационных работ, хотя и он не обладал знаниями и качествами, необходимыми для решения возникавших перед комиссией проблем.

А проблем накопилось много, на первом месте стояла элементарная материальная необеспеченность. Технические работники у комиссии отсутствовали, хотя по штату их полагалось 7 чел. Дело в том, что денежное содержание им предусмотрено не было, и в оплату труда руководство могло предоставить только обед. Трудности в содержании своих семей испытывали и сами сотрудники комиссии.

И тем не менее комиссия еще два месяца продолжала выявлять и брать на учет войсковое имущество, в том числе и находившееся в других учреждениях. Можно указать два наиболее значимых результата, ярко демонстрировавших сложности работы в условиях политической нестабильности и некомпетентности многих управленцев ДВР. Во-первых, комиссия приняла и проверила имущество, принадлежавшее генералу Кияшко. При этом, правда, не удалось выяснить, в чей ответственности оно находилось, так как было брошено белыми во время эвакуации из Читы. Во-вторых, была проведена приемка склада сельскохозяйственных орудий бывшего войскового правительства. Начинать эту работу Макаров, и установить, что именно принято и куда передано, комиссия также не смогла. И дело не только в особенностях работы первого председателя комиссии, но и в специфике работы самого склада. Бывшее войсковое правительство распределяло сельскохозяйственные орудия и отдавало дома в аренду по всей области. Выяснить что-либо относительно арендной платы, сколько было роздано машин и какая сумма денег еще не получена за все это, по утверждению комиссии, было невозможно, так как не была проверена деятельность отдела снабжения и оброчного стола бывшего войскового правительства²¹.

Отдельные задачи комиссия не могла решить в силу противоречий в законодательстве. 10 февраля президиум облнарревкома на основании постановления правительства ДВР поручил председателю ликвидационной комиссии аннулировать договоры, заключенные Семеновым с арендаторами принадлежавших ЗКВ зданий в Чите. Был составлен акт о выселении арендатора из войсковых домов и начато выполнение этого постановления. Однако арендатор ходатайствовал перед различными учреждениями об оставлении за ним права проживать в этих домах до окончания срока аренды, согласно договорам, заключенным им и войсковым правительством. Дома до лета 1921 г. так и не были освобождены, причем с апреля 1921 г. основанием для продолжения аренды стали ссылки на Конституцию ДВР. Согласно Основному закону республики постановление правительства ДВР об аннулировании всех договоров, заключенных с непризнанными народом правительствами, на бывшее войсковое правительство не распространялось, так как его считали выборным народным правительством.

На основании результатов деятельности комиссии президиум облнарревкома принял ряд ключевых решений, касавшихся судьбы имущества ЗКВ. 26 февраля он постановил переселенческий склад сельскохозяйственных машин и орудий бывшего войскового хозяйственного правления ЗКВ, как собственность Забайкальской области, оставить в распоряжении областного земельного отдела²². 16 марта оставил в распоряжении облнарревкома шорно-седельную мастерскую бывшего ЗКВ, как достояние Забайкальской области, со всеми постройками, инвентарем и прочими запасами, а также поручил ликвидационной комиссии решить вопрос с имуществом Кияшко²³.

В апреле 1921 г. Учредительное собрание ДВР, приняв Конституцию республики, установило равенство всех граждан перед законом и отменило сословное деление граждан²⁴. Таким образом, юридически ликвидировались и сословные учреждения, такие как ЗКВ. 16 мая пленарное заседание облнарревкома констатировало, что осенью 1920 г., после создания облнарревкома Восточного Забайкалья и ликвидации войскового правительства ЗКВ, его имущество, заключавшееся в домах и обстановке в них, кладовых, помещениях, оборудовании, материалах, товарах, продуктах и средствах (включая имущество шорно-седельной мастерской и типографий), перешло в ведение облнарревкома. Заседание просило МВД ДВР утвердить облнарревком в правах на имущество, перешедшее от бывшего войскового правительства ЗКВ²⁵.

25 мая Восточно-Забайкальский облнарревком обязал ликвидационную комиссию приступить к составлению отчетов и доклада за все время функционирования по 28 июня 1921 г. для отчета перед областным съездом уполномоченных Забайкальской области²⁶. В резюме этого доклада, направленного съезду 24 июня, констатировалось, что комиссия почти бездействует, поэтому предлагалось ее реформировать, ее членов откомандировать в другие отделы, а вместо нее создать новую комиссию уже из специалистов²⁷.

²² ГАЗК. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 3. Л. 58.

²³ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 282. Л. 92.

²⁴ Амурская правда. 1921. 12 апр.

²⁵ ГАЗК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 3. Л. 138.

²⁶ Там же. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 42. Л. 4.

²⁷ Там же. Л. 7, 31 об.

²⁰ Там же. Д. 21. Л. 9.

²¹ Там же. Д. 3. Л. 52; Д. 42. Л. 30–31 об.; ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 282. Л. 99, 108–108 об.

25 июля пленарное заседание облнарревкома постановило сельскохозяйственный склад ЗКВ со всеми имевшимися в нем товарами, инвентарем, продуктами и авансами передать на основании заключенного договора объединенному Союзу забайкальских кооперативов²⁸. Проходившее в Чите в августе 1921 г. областное собрание уполномоченных Забайкальской области на заседании 15 августа рассмотрело вопрос об имуществе, принадлежавшем Забайкальскому областному управлению (областное собрание уполномоченных упразднило Восточно-Забайкальский областной нарревком и вместо него избрало Забайкальское областное управление). На основании соответствующих законов ДВР об отмене сословного деления граждан движимое и недвижимое имущество бывших сословных учреждений стало считаться собственностью областной власти²⁹. В начале октября 1921 г. облуправление постановило продать на рынке имущество генерала Княшко. Облнарконтроль вынес протест по поводу этого решения, однако облуправление оставило его без ответа, как ни на чем не основанный, и имущество было распродано³⁰.

2 декабря 1921 г. дела ликвидационной комиссии при

Забайкальском областном управлении бывшего войскового правительства ЗКВ были завершены³¹, ее деятельность прекращена. Политическими вопросами – организацией власти на местах, земельными, межнациональными и подобными отношениями – она не занималась. Свою задачу по учету, описанию и передаче имущества ЗКВ в соответствующие организации ДВР, несмотря на бюрократические препятствия и волокиту, отсутствие средств и недостаток компетенции у ряда ее сотрудников, ликвидационная комиссия обеих составов выполнила.

ЛИТЕРАТУРА

1. Героические годы борьбы и побед. Дальний Восток в огне Гражданской войны. М., 1968.
2. Блинные А.И. Народно-революционная власть в Забайкалье // Красногвардейцы и партизаны: сб. воспоминаний участников гражданской войны в Забайкалье. Чита, 1957.
3. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Иркутск, 1967.

Статья поступила
в редакцию 28.12.2011 г.

²⁸ Дальневосточная правда. 1921. 3 авг.

²⁹ Дальневосточный телеграф. 1921. 17 авг., 1 сент.

³⁰ Дальневосточная правда. 1921. 20 окт.

³¹ ГАЗК. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 21. Л. 50, 59.

УДК 94(571).084.9

Д.С. ОРЛОВ

ПОДСОБНЫЕ ХОЗЯЙСТВА ПРЕДПРИЯТИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.*

канд. ист. наук,
Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукшина, г. Бийск
e-mail: orlov2010@mail.ru

В статье рассматриваются основные тенденции развития в Западной Сибири сети специализирующихся на производстве сельхозпродукции подсобных хозяйств промышленных предприятий и учреждений. Автор делает вывод о том, что подсобные хозяйства являлись одной из противоречивых попыток советского руководства в рассматриваемый период решить продовольственную проблему за счет экстенсивных факторов.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, подсобные хозяйства, Западная Сибирь.

Одной из форм взаимодействия города и села, с помощью которой партийные и советские органы пытались в рамках колхозно-совхозной системы решить продовольственную проблему в стране, было создание подсобных хозяйств предприятий и учреждений. Анализ реализации данного направления аграрной политики на материалах Западной Сибири позволяет более обоснованно оценить эффективность функционирования сельского хозяйства и системы государственного управления аграрной сферой в рассматриваемый период.

Подсобные хозяйства промышленных предприятий или учреждений специализировались на производстве сельскохозяйственных продуктов с целью снабжения работников основного производства. Они могли располагаться как на территории предприятия и учреждения, так и в пригородной зоне. Их размеры варьировались от небольших свинарников и теплиц до крупных многоотраслевых сельхозпредприятий.

Подсобные предприятия в Сибири стали создаваться в 1930-е гг. Бурный рост их количества и объема производимой ими продукции пришелся на годы Великой Отечественной

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-31-00703м.

войны. В первые послевоенные годы эти хозяйства продолжали играть важную роль в снабжении жителей города продуктами питания. Однако по мере восстановления сельского хозяйства и смягчения продовольственной проблемы от них стало отказываться все большее число промышленных предприятий и учреждений. Число подсобных хозяйств стало сокращаться, некоторые из них были преобразованы в совхозы. В середине 1970-х гг. подсобные предприятия имелись только на 8 предприятиях и учреждениях Новосибирска. Семь из принадлежавших им хозяйств находились в пригородной зоне и три – на их собственной территории [1, с. 679].

В конце 1970-х гг. в условиях продолжавшегося ухудшения централизованного снабжения продовольствием жителей городов принимается решение о расширении масштабов строительства «сельскохозяйственных цехов». В совместном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О подсобных сельских хозяйствах предприятий, организаций и учреждений» от 4 декабря 1978 г. министерствам и ведомствам поручалось рассмотреть состояние дел в подсобных хозяйствах и принять необходимые меры по их дальнейшему развитию. Госбанку и Стройбанку СССР разрешалось предоставлять кредиты сроком на шесть лет на организацию и расширение материально-технической базы подсобных хозяйств. Было рекомендовано создавать такие предприятия в отдаленных местах, куда доставка сельхозпродукции была сопряжена со значительными трудностями, а также во вновь осваиваемых регионах с недостаточно развитым сельским хозяйством. Сельхозугодья для них должны были выделяться из земель государственного запаса и государственного лесного фонда. С 1980 г. планировалось начать целевое распределение тракторов и другой техники министерствам и ведомствам СССР для подсобных хозяйств. Указывалось, что произведенная ими продукция отпускается в первую очередь для общественного питания в столовых предприятий и организаций по действующим закупочным ценам. При этом разница между закупочными и розничными ценами за вычетом торговых скидок возмещалась за счет прибыли этих предприятий и организаций [2, с. 594–597].

В принятой в 1982 г. Продовольственной программе создание широкой сети подсобных хозяйств рассматривалось как один из магистральных путей решения проблемы продовольственного обеспечения. Их количество стало быстро расти. Подсобные хозяйства создавались на промышленных предприятиях городов и районных центров, при школах, сельских профессиональных технических училищах, техникумах и других организациях и учреждениях. В Новосибирске их количество к началу 1981 г. увеличилось до 20, к началу 1983 г. – до 35. В 1985 г. 43 предприятия и учреждения города имели 61 подсобное предприятие [1, с. 679]. В 1981 г. в Кемеровской области было 216 подсобных хозяйств, в 1985 г. – 499, в том числе 71 – в районах. В Томской области количество подсобных сельхозпредприятий выросло с 20 до 47. В Алтайском крае, несмотря на его сельскохозяйственную специализацию, в начале 1984 г. функционировало 310 подсобных хозяйств промышленных предприятий и учреждений¹.

Подсобные хозяйства стали активнее снабжаться новой техникой. К концу рассматриваемого периода обеспеченность техникой в них была выше, чем в колхозах и совхозах. Так, если в 1984 г. в подсобных хозяйствах заводов и фабрик Кемеровской области 1 трактор приходился на 57 га пашни, а 1 зерновой комбайн – на 105 га, то в колхозах и совхозах региона эти показатели составляли 92 и 135 га соответственно. Приоритетными отраслями в подсобных хозяйствах являлись свиноводство, в силу его скороспелости, и овощеводство. Так, в 1984 г. удельный вес свинины среди всего производства мяса составил 69 %². Занимая незначительный удельный вес посевных площадей (например, в Кемеровской области – около 8 %) региона, они давали четвертую часть всего картофеля в области и более половины овощей закрытого грунта. Доля сельхозцехов предприятий в производстве мяса в области в целом составляла 8 %, молока – 6, овощей – 28 %. В сельскохозяйственных регионах их удельный вес был ниже. В 1983 г. в Алтайском крае они давали всего лишь 2,8 % мяса, 0,3 % молока, 1,2 % овощей и 8,3 % картофеля [3, с. 37]. Схожей была ситуация и в Новосибирской и Омской областях.

Региональные власти обращали большое внимание на развитие данной организационно-хозяйственной формы сельхозпроизводства. Возникающие проблемы регулярно обсуждались областными и районными инстанциями. Помощь выражалась в укреплении материально-технической базы, выделении техники, удобрений, инвентаря и т.д. Для посевной кампании 1980 г. подсобным хозяйствам Алтайского края было направлено из государственных резервов 3135 т семян зерновых культур, 949 т азотных, 1308 т фосфорных и 416 т калийных удобрений. Кроме того, было выделено 345 голов молодняка крупного рогатого скота, 803 свиньи, 60 тыс. птиц, 182 лошади и 292 овцы. С 1981 по 1984 г. выделена 291 единица техники, в том числе в 1984 г. – 106 единиц³.

На совещании сельскохозяйственных работников Кемеровской области 27 апреля 1983 г. отмечалось, что партийным, профсоюзным комитетам, хозяйственным органам не удалось в полном объеме решить вопросы развития подсобных хозяйств. За два года было построено меньше по сравнению с доведенным заданием свиноводов на 13,5 тыс. мест, теплиц – на 73 тыс. кв. м⁴.

На XI пленуме Томского обкома КПСС 4 октября 1985 г. его первый секретарь А.Г. Мельников подверг резкой критике ситуацию с развитием подсобных хозяйств в области. Большинство таких хозяйств с установленными планами не справлялись, сельхозпродукцию выпускали чрезвычайно дорогую и в малых объемах⁵.

Созданные в Западной Сибири до 1978 г. подсобные хозяйства были, как правило, эффективными хозяйственными комплексами с достаточно высокими производственными показателями, такие хозяйства играли значимую роль в обеспечении продуктами питания заводских и фабричных столовых. В основном это объяснялось тем, что формирование данных хозяйств в предшествующие годы происходило постепенно, был решен вопрос о выделении земли, сформирован кадровый контингент, отлажена система поставок минераль-

¹ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 45. Д. 35. Л. 17; Экономическое и социальное развитие районов Кемеровской области (1980–1988 гг.): стат. сб. Кемерово, 1989. С. 124; Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 31. Д. 340. Л. 23; ГААК. Ф. Р-569. Оп. 13. Д. 6677. Л. 67–68.

² ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 16. Д. 7632. Л. 1–10.

³ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1. Оп. 141. Д. 143. Л. 17–20.

⁴ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 48. Д. 76. Л. 2–25.

⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 22. Д. 9. Л. 28.

ных удобрений, тракторов и другой сельскохозяйственной техники, налажен сбыт произведенной продукции.

Так, в Алтайском крае успешно работало сельхозпредприятие при Каменском городском потребительском обществе, имевшем поголовье 2 тыс. свиней и 200 коров. Каменский городской комитет партии и городской исполнительный комитет выделили землю для производства кормов, а городские столовые для откорма животных отпускали отходы. В 1979 г. было получено 89 т привеса. Подсобное хозяйство «Монтажник» объединения «Сибкомплектмонтаж» в Тюменской области ежегодно давало 1,2 тыс. ц мяса и 1,5 тыс. ц рыбы. Рентабельно функционировало подсобное хозяйство «Шинник» объединения «Омскшина» в Омской области, которое производило в год до 60 кг сельскохозяйственной продукции на одного рабочего⁶.

Большинство созданных в регионах Западной Сибири после 1978 г. подсобных хозяйств не окупали себя, оказались убыточными. Так, в Кемеровской области в 1983 г. только 2 % таких хозяйств были обеспечены собственными кормами, а 40 % работали полностью на покупных кормах, что приводило к значительному удорожанию продукции. Эти хозяйства создавались под влиянием административного нажима, в условиях спешки, нехватки трудовых ресурсов, нерешенности вопросов кормовой базы. Низкими в них были и производственные показатели. Например, в Кемеровской области в подсобных хозяйствах урожайность зерновых составила в 1983 г. 9,3 ц с га, картофеля – 39 ц, овощей – 44 ц с га. В связи с этим большинство из них имели высокую себестоимость произведенной продукции. Так, 1 ц свинины в подсобном хозяйстве угольного разреза «Листвянский» обошелся в 668 руб., а в подсобном хозяйстве шахты «Высокая» – 893 руб., что примерно в 2–3 раза превышало аналогичные показатели в колхозах и совхозах. На Рубцовском машиностроительном заводе в Алтайском крае урожайность зерновых в 1982 г. составила всего 7,1 ц с гектара, на заводе «Алтайсельмаш» стореало 205 га пшеницы. Только за 1982 г. на том же предприятии пало 179 свиней из 678. В подсобном сельскохозяйственном цехе ЛТП-2 от 200 свиней было получено 10 т мяса в живом весе, или всего по 50 кг от свиньи⁷.

Не хватало специальной техники и удобрений. Большинство руководителей промышленных предприятий, на которых были созданы подсобные хозяйства, не были специалистами сельхозпроизводства и зачастую не разбирались в вопросах сельского хозяйства. Несмотря на положительную роль подсобных хозяйств в обеспечении сельскохозяйственной продукцией собственных столовых, убытки от такой деятельности были весьма значительными. В 1983 г. подсобные хозяйства, созданные в Кемеровской области после 1978 г., дали убытки 3,5 млн руб., т.е. 40%-ный уровень убыточности⁸.

Еще одна сложность заключалась в том, что подсобные хозяйства промышленных предприятий и организаций не находились в подчинении местных сельскохозяйственных органов, а были разобщены по ведомствам и министерствам. Так, в Кемеровской области в подчинении Министерства угольной промышленности находились 155 подсобных хозяйств, Министерства внутренних дел СССР – 24, Министерства черной металлургии – 15, Министерства путей сообщения – 18 и т.д. В Томской и Тюменской областях преобладали подсобные хозяйства предприятий лесной и нефтегазовой промышленности⁹.

Во второй половине 1980-х гг. рост числа подсобных предприятий замедлился. В начале 1990-х гг. в условиях начавшихся радикальных экономических реформ предприятия и учреждения были вынуждены отказаться от непрофильного для них производства.

Таким образом, подсобные хозяйства представляли собой организационно-хозяйственный механизм, который сводился, по сути, к экстенсивному расширению источников получения сельхозпродукции и не выходил за рамки декларативных утверждений о складывании народнохозяйственного агропромышленного комплекса. Создание подсобных хозяйств навязывалось промышленным предприятиям и учреждениям сверху вышестоящими партийными и советскими органами, которые зачастую не принимали во внимание заинтересованность в них каждого конкретного предприятия, профиль его производственной деятельности, а также наличие материально-технических и людских резервов. Необходимо отметить и двойственность проводимой правящими кругами аграрной политики: с одной стороны, речь шла о концентрации и специализации сельскохозяйственного производства, создании узкопрофильных и трестированных хозяйств, а с другой – промышленные предприятия обязывали заниматься непрофильным для них производством сельхозпродукции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букин С.С., Ильиных В.А. Подсобные хозяйства предприятий и учреждений // Энциклопедия Новосибирск. Новосибирск, 2003. С. 679–680.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1979. Т. 12.
3. Орлов Д.С. Аграрный сектор Алтайского края во второй половине 70-х – первой половине 80-х годов XX века. Бийск, 2007.

Статья поступила
в редакцию 07.01.2012 г.

⁶ Алтайская правда. 1980. 22 июня; Тюменская правда. 1983. 10 авг.; Омская правда. 1981. 4 окт.

⁷ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 16. Д. 7632. Л. 2–8; ГААК. Ф. П-1. Оп. 141. Д. 143. Л. 21.

⁸ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 16. Д. 7632. Л. 1–10.

⁹ Там же; Красное знамя. 1984. 22 авг.

БУКИН С.С., ДОЛГОЛЮК А.А., ИСАЕВ В.И., ТИМОШЕНКО А.И. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск, 2011. 336 с.

Коллектив авторов монографии широко известен читателям интересными статьями и книгами, посвященными ряду проблем истории российского общества. Настоящая монография представ-

ляет собой результат многолетней работы по проблемам освоения восточных районов в контексте становления и развития индустриально-урбанистического общества. В книге поставлена цель – изучить социально-демографическое развитие Урало-Сибирского региона в условиях перехода от традиционного общества к индустриально-урбанистическому. Такая цель поставлена не случайно: проблемное поле еще далеко не закрыто, слабо изученными остаются аспекты истории хозяйственного освоения обширного Урало-Сибирского региона и формирования его нового облика.

Авторы подробно рассматривают историю реализации широкомасштабных проектов XX в.: сооружение Транссибирской магистрали, строительство Урало-Кузбасского комбината, а также анализируют влияние этих проектов на социально-экономическое развитие Урала и Сибири. В годы Великой Отечественной войны индустриализация региона в предшествующий период оказалась решающим фактором в укреплении обороноспособности всей страны. Тенденции послевоенного промышленного освоения региона непосредственным образом сказались на социальных трансформациях в городах и демографических процессах в целом.

В I главе, посвященной строительству Транссибирской магистрали, убедительно показано, что одним из факторов становления индустриально-урбанистического общества являлось железнодорожное строительство. Большую роль в реализации этого мегапроекта сыграл Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД), созданный в 1892 г. с целью оперативного решения организационных и финансовых вопросов и объединивший сферы компетенции сразу нескольких ведомств. Это позволяло в короткие сроки решать сложные вопросы строительства магистрали и привлечения необходимых ресурсов.

Потребность в квалифицированных кадрах удовлетворялась в основном за счет вербовки опытных рабочих и инженеров из Европейской России. В самый активный период строительства магистрали (1894–1896 гг.) количество занятых превышало 100 тыс. чел., включая около 6 тыс. специалистов. Многие из них после пуска магистрали остались работать в Сибири. Масштабное строительство активизировало хозяйственную жизнь региона. На магистрали были построены десятки вокзалов и депо, пробито несколько тоннелей, возведено 86 мостов.

Транссибирская магистраль коренным образом преобразовывала облик восточных регионов России. Она значительно облегчила и ускорила процесс переселения всех желающих из европейских районов страны. Там, где проходила магистраль, возникали новые поселения, осваивались плодородные земли, строились линии связи, открывались метеорологические станции, составлялись планы разработки полезных ископаемых. Магистраль дала мощный толчок развитию индустриального производства. Наиболее интенсивное развитие получали отрасли обрабатывающей промышленности. Высокими темпами развивались такие

отрасли, как мукомольная, спиртоводочная, маслодельная, лесоперерабатывающая.

Во II главе этой книги раскрыт такой важный этап в формировании индустриально-урбанистического общества в регионе, как создание Урало-Кузнецкого комбината. Этот проект вступил в решающую фазу в 1929 г. На базе Магнитогорского и Кузнецкого металлургических заводов развернул работу второй в стране основной угольно-металлургический центр, использующий ресурсы богатейших угольных и рудных месторождений исключительно Урала и Сибири. Реализация Урало-Кузнецкого проекта оказала мощное воздействие на развитие районов, где строились основные его предприятия. В результате масштабного развития угольной и металлургической отраслей формировался многоотраслевой индустриальный комплекс региона. В то же время в социальной сфере ситуация была далеко не благополучной. Авторы на основе документов сделали вывод, что индустриальные успехи достигались дорогой ценой: рабочие трудились в экстремальных условиях, были лишены элементарных условий в быту.

В III главе монографии показано, что с началом Второй мировой войны на Урале и в Сибири развернулось форсированное строительство авиационных и танковых заводов, предприятий по производству боеприпасов, артиллерийского вооружения. Решение о создании мощной оборонной промышленности в азиатской части страны было стратегически верным, хотя и несколько запоздалым. Не все имеющиеся проекты удалось реализовать к началу войны, но военный потенциал СССР значительно окреп. С первых дней войны началась эвакуация крупных промышленных предприятий из европейской части в восточные районы страны. В результате на Урале и в Сибири не только многократно вырос выпуск продукции, прежде всего военного значения, но и появились новые отрасли промышленности, опирающиеся на последние достижения научно-технического прогресса того времени.

В тяжелой обстановке военного времени восточные регионы СССР являлись не только важнейшим военно-промышленным арсеналом страны, но и опорной базой сохранения национального культурного наследия. Авторам книги на основе анализа конкретных данных удалось подвести читателя к выводу о том, что при резком обострении демографических и материально-бытовых проблем культурное развитие тыловых районов сохраняло позитивную динамику, возросла его роль в мобилизации населения для решения стратегических задач обороны страны.

В IV главе исследуются социальные трансформации в городах послевоенного времени. Хотя послевоенная конверсия осуществлялась в централизованном порядке, при ее реализации возникало множество проблем: отток части квалифицированных кадров в европейскую часть страны, необходимость переподготовки специалистов – обучения мирным профессиям и др. Однако постепенно проблемы преодолевались. Характерной тенденцией послевоенного периода стало повышение образовательного уровня работающего населения, что сыграло существенную роль в становлении индустриально-урбанистического общества, обусловило значительные перемены в духовном облике и образе жизни горожан. Особенно отчетливо эти перемены проявились в крупных индустриальных центрах, а также в районах формирования территориально-производственных комплексов. Авторы пришли к выводу, что произошло

определенное «выравнивание» противоречий между потребностями модернизационного развития и недостаточным образовательным потенциалом рабочих кадров в восточных районах страны.

В V главе рассматриваемой монографии представлен процесс создания территориально-производственных комплексов (ТПК) как организационной формы решения проблем хозяйственного освоения новых районов СССР. ТПК органично вписывались как в общегосударственную стратегию экономического развития, так и региональную. Понятие «территориально-производственный комплекс» в условиях Сибири рассматривалось как форма организации не только хозяйственных отраслей, но и социума. Концепция ТПК впервые в условиях советской практики предусматривала создание лучших, чем в других районах страны, условий для работы и проживания людей.

Авторы монографии показали, что ориентация на городские поселения в районах нового освоения Сибири прослеживается при реализации всех крупных промышленных проектов в регионе, которые предусматривали одновременно с производственным и городское строительство. Увеличение населения происходило преимущественно за счет механического прироста, обеспечивавшегося активным миграционным движением, которое особенно в начальный период развертывания промышленных новостроек было весьма значительным. Несоответствие между декларируемыми и реальными условиями труда и жизни работников ТПК являлось причиной оттока кадров с объектов нового промышленного освоения региона. Авторы констатируют, что хотя имелись отдельные примеры успешного решения

социальных проблем, создать четко функционирующую систему по обеспечению населения новостроек Сибири благоприятными условиями для труда и жизни все же не удалось. На первом плане, как и в предшествующие периоды, стояла цель достижения высоких производственных показателей.

В качестве позитивного фактора в развитии региона авторы книги отмечают следующее обстоятельство. При мобилизующей роли государства и подвижническом устремлении населения в малоосвоенные в хозяйственном отношении районы здесь сформировались не только крупнейшие в мире производственные комплексы, но и выросли новые города с современной инфраструктурой.

Авторы монографии руководствовались единой методологией в изложении материала, привлекли яркие документы из архивов, грамотно использовали статистический массив документов. Богатая источниковая база позволила прийти к обоснованным выводам о том, что в Урало-Сибирском регионе переход от традиционного к индустриально-урбанистическому обществу наиболее отчетливо проявился в XX в. Этот фактор предопределил смещение центра тяжести геополитического, экономического и социального потенциала Российского государства в направлении восточных районов. Процессы первой половины XX в. – индустриализация и урбанизация – в значительной степени повлияли на систему размещения производства и развитие производительных сил Урала и Сибири.

Книга будет полезна научным работникам, преподавателям и студентам, всем интересующимся историей Урала и Сибири.

*канд. ист. наук Д.В. Чернов,
Новосибирский государственный
педагогический университет*

ЩЕГЛОВА Т.К. Устная история: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПА, 2011. 364 с.

Известный сибирский ученый Татьяна Кирилловна Щеглова опубликовала в Издательстве Алтайской государственной педагогической академии первое в

нашей стране и весьма ценное учебное пособие по устной истории (oral history) – сравнительно новому и динамично развивающемуся научному направлению. Это ожидаемое и важное событие в исследовательской жизни исторического сообщества, в теории и практике обучения истории.

Специалистам известно, что устная история как относительно самостоятельная отрасль сформировалась в зарубежной гуманитаристике середины XX в. В России она получила развитие с конца 1980-х гг., и некоторое время первоначальное представление об этой дисциплине наши ученые и студенты могли составить преимущественно по трудам зарубежных классиков (Я. Вансины, А. Портелли, П. Томпсона, А. Хейли и др.). Русский перевод книги Пола Томпсона «Голос прошлого», которая для многих затем послужила учебно-пропедевтическим пособием, был опубликован лишь в 2003 г. [1]. Во второй половине 1990-х – середине 2000-х гг. появились первые отечественные учебно-методические труды Д.Н. Хубовой [2], М.В. Лоскутовой [3], Т.К. Щегловой и ее коллег [4]. Они имели малый объем и тираж, были сориентированы главным образом не на теоретико-методологическое осмысление проблем становления

нового научного направления в России, а на обеспечение практических потребностей людей, овладевающих технологиями сбора, фиксирования, хранения, расшифровки и анализа устно-исторической информации.

Постепенно в стране накапливался и осмысливался опыт исследований по устной истории, чему способствовало проведение в 2006 г. в Барнауле специализированного Всероссийского научного семинара [5]. Т.К. Щегловой – безусловным лидером нового направления в Сибири – за последние 20 лет опубликован солидный комплекс ее исследований по устной истории родного Алтая. Достойной в этой области стала ее фундаментальная монография «Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в.» [6]. И, наконец, первое на русском языке полноценное учебное пособие, где сбалансированно представлены и теоретические, и методологические, и практические аспекты устройства, функционирования и развития устной истории в современной России и, в частности, в Сибири.

Во вводных разделах пособия Т.К. Щеглова выступает активным сторонником введения устной истории в программы высшего профессионального образования – прежде всего, исторического и педагогического, а также музееведческого, регионоведческого, социологического. «Место устной истории в системе образования определяется ее учебным, воспитательным, исследовательским и социальным потенциалом, ее возможностями в решении сложных научно-методических и научно-исследовательских проблем истории

России и воспитания гражданских качеств», – справедливо утверждает автор (с. 16). Свою цель она видит в том, чтобы разработать научную методику создания и использования устных исторических источников в научно-исследовательской работе образовательных учреждений разного уровня, музеев, а также исследователей. В пособии не ставится прямо задача разработки рекомендаций по организации воспитательной работы на основе приобщения молодых людей к устной истории, но обращается внимание на социальное и воспитательное значение устно-исторической деятельности. Она подразумевает обязательное участие в таком диалоге поколений, что способствует взаимопониманию отцов и детей, усиливает причастность молодежи к конкретным делам и заботам малой и большой родины.

В центре содержания первой главы пособия – понятие устной истории, существующие в науке представления о ее методе, источнике и направлениях исследований, осуществляемых в этой области. Следует отметить, что высокая квалификация Т.К. Щегловой позволяет ей обосновать здесь, как и в других разделах пособия, собственную позицию. Она определяет устную историю как «историческую дисциплину, отличающуюся собственным концептуальным подходом к изучению исторической действительности через «человека в истории», «историю изнутри» в интерпретации ее массовыми участниками... и представителями «высших этажей» общества... изучающую «человеческое измерение истории» и имеющую собственные методы исследования, основанные на опросе, прежде всего путем организации исследовательских интервью с участниками и очевидцами исторических событий, явлений и процессов, для создания нового типа источника – устных исторических источников, содержащих массовые или индивидуальные исторические представления о недавнем прошлом» (с. 36–37). Авторским является различение двух категорий источников: 1) специфических для устной истории текстов, которые до начала исследования не существуют в готовом виде, а создаются историком с помощью специально организованного опроса; 2) давно известных историкам устного народного творчества, произведения которого существуют в готовом оформленном виде (предания и легенды, были, присловья, былины, анекдоты и пр.). Первую категорию автор предлагает именовать «устными историческими источниками», а вторую – просто «устными источниками» (с. 41–42). Представляется, что такое различие весьма продуктивно для выявления специфики устной истории как научного направления, но терминологию здесь вряд ли можно признать удачной. Если, скажем, из семейного предания, переходящего из поколения в поколение, ученый извлечет информацию, полезную именно для исторического исследования, то нет причин не признавать это предание «устным историческим источником». Любой устный текст становится историческим или этнографическим, лингвистическим, социологическим, культурологическим источником в зависимости от научного профиля того исследования, где он применяется.

Вторая, третья и четвертая главы пособия посвящены поэтапному представлению методики и технологии создания устных исторических источников. Описываются подготовка интервью, процедуры интервьюирования и других видов сбора информации (беседа, анкетирование, визуальное наблюдение), а также транскрибирование и документирование устно-исторических материалов. В пятой главе подробно рассматриваются вопросы архивирования устных

исторических источников. В шестой главе главным образом обсуждаются проблемы публикации и интерпретации устных источников в научном исследовании. Две заключительные главы содержат важные и во многих отношениях неординарные положения о месте устной истории в современной системе социогуманитарных наук.

Рецензируемое пособие имеет хорошо продуманную и тщательно разработанную дидактическую составляющую, облегчающую преподавательскую и учебно-познавательную работу в вузе. Каждая глава сопровождается рекомендациями для проверки усвоенного материала, вопросами для обсуждения на семинарах, практическими заданиями для самостоятельной работы студентов. Почти треть всего пособия занимают приложения, имеющие большую практическую значимость. Это методические рекомендации для преподавателя по курсу, а также разнообразные программы и вопросники по изучению социальной структуры, культуры, ментальности, этничности изучаемого общества конца XIX – начала XXI в. Учебное пособие тщательно отредактировано, что в наши дни делается, к сожалению, не всегда, издано в твердой обложке. Благодаря соответствию ее содержания современному уровню развития науки, грамотному дидактическому сопровождению, качественному изданию книга, несомненно, будет пользоваться успехом у преподавателей и студентов. Заинтересованных читателей пособие найдет и в среде историков-исследователей, так или иначе связанных с устной историей в своей профессиональной практике.

В последние годы при личном участии Т.К. Щегловой и в немалой степени под влиянием ее трудов устная история становится все более популярной ветвью исторических исследований в Сибири. В Барнауле изданы коллективные монографии по истории многих районов, выходит повременное издание «Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае», соответствующие разделы включены во все восемь выпусков материалов конференции «Этнография Алтая и сопредельных территорий». В Новосибирске устные источники стали использоваться в практике школьного обучения истории, защищена первая диссертация по методике овладения устной историей в профильных гуманитарных классах. О.М. Хлытина и Е.К. Лейбова опубликовали уникальное в своем роде учебно-методическое пособие, которое предназначено для учителей, приобщающих учащихся к исследовательской работе на основе устных источников [7]. В Новосибирском государственном педагогическом и Новосибирском техническом университетах созданы и частично опубликованы коллекции историко-биографических материалов, курсы устной истории введены в программу обучения магистрантов. Е.И. Красильникова представила хороший образец органичного включения собранных ею устных материалов в ткань комплексного исследования истории повседневности самого большого сибирского города 1920–1930-х гг. [8]. В Красноярске Б.Е. Андюсов и его коллеги работают над устно-историческим проектом «Человек в повседневности XX века», направленным на создание банка воспоминаний жителей Приенисейского края [9].

Можно уверенно прогнозировать дальнейшее расширение круга специалистов, работающих в области устной истории Сибири, увеличение количества исследований устно-исторического профиля в регионе. Хотелось бы, чтобы оставался высоким и дальше совершенствовался теоретический и методологический уровень таких исследований. Надежду на это дает внимание коллег-историков к учеб-

но-методическому и теоретическому оснащению процесса профессионального образования в вузах России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томпсон П. Устная история / пер. с англ. М., 2003.
2. Хубова Д.Н. Устная история: «Verba volant...»: метод. пособ. М., 1997.
3. Лоскутова М.В. Устная история: методические рекомендации по проведению исследования. СПб., 2002.
4. Историческое и культурное наследие алтайской деревни: материалы для полевых исследований по этнографии и устной истории: метод. пособ. Барнаул, 2006.
5. Устная история (oral history): теория и практика: материалы Всерос. науч. семинара. Барнаул, 2007.
6. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в.: устная история. Барнаул, 2008.
7. Лейбова Е.К., Хлытина О.М. Устные исторические источники на школьных уроках истории: учеб.-метод. пособ. Новосибирск, 2011.
8. Красильникова Е.И. Жизнь в городе-акселерате: обеспечение потребностей новосибирцев в межвоенное время. Новосибирск, 2008.
9. Устная история: человек в повседневности XX в. Красноярск, 2010–2012. Вып. 1–3.

*д-р ист. наук, проф. В.А. Зверев,
Новосибирский государственный
педагогический университет*

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

N 2, 2012 г.

CONTENTS

*P.A. STOLYPIN'S REFORMS: REGIONAL ASPECT
(ON THE 150TH ANNIVERSARY OF THE REFORMER)*

Rogalina N.L. First Stage of the Stolypin Agrarian Reform: Institutional Aspect	3
Kirillov A.K. Implementation of the Stolypin Reforms in Siberia: Abolition of Peasants' Joint Responsibility for Tax Payments.	7
Slepnev I.N. How Much Land Does a Farmer Need? (On the Question of Prerequisites of the Stolypin Agrarian Reform)	11
Shilovskiy M.V. P.A. Stolypin and A.V. Krivosheev's Journey to Siberia in 1910 from a Perspective of Summarizing Results and Proposing Further Agrarian Reforms	15
Zaporozhchenko G.M. Stolypin's Reforms and Problems of the Institutional Framework of Cooperation in the Pre-Revolutionary Siberia	19
Nedzeluk T.G. P.A. Stolypin's Viewpoint on "The Catholic Question" in the Russian Empire at the Beginning of the XX Century	23

ASTROARCHAEOLOGY AND ANCIENT ART

Larichev V.Ye. «The Missing Link» – the Mesolithic Period (On the Problem of Preserving Information Traditions in the Cultures of the Post-Paleolithic Epoch of Eurasia). Part III. Systems of Time Notation in Mesolithic Cultures of North-Eastern Europe.	27
Akhmetov V.V. Wall Paintings in Bohai Tombs	33
Matochkin Ye.P. Petroglyphs of the Lower Inegen Area in the Light of Myths and Beliefs of the Altay Hunters.	37
Kubarev G.V. Ornamental Motifs in Artistic Bone Carvings of Ancient Turks of Southern Siberia and Central Asia	41
Yakupov M.A. The Pottery of Koguryo	45
Boldyreva N.L., Volkov D.P. History of Studying the Heishui Mohe Sites in the Western Amur River Region.	49
Kravtsova A.S., Tabarev A.V. The Mysterious Region: Archaeology of Central America in Russian Historiography.	53
Balyunov I.V. Shoe Tips of Tobolsk in the XVII Century.	56

ETHNOGRAPHY

Badmaev A.A. The Housing and Settlement Complex of the Buryats of the Eastern Sayan Area in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries.	60
Danilova N.K. Sacral Architecture of the Sakha: Traditions and the Present	63
Lyubimova G.V. Siberian Nature in the Mirror of Peasant Memoirs (Specific Features of Ecological Consciousness of the Siberian Rural Population)	67
Varavina G.N. The Notion of Soul in the Even and Evenk Traditions	71
Moskvina M.V., Samushkina E.V. The Phenomenon of Women's Pogo Pectoral In the Cultural and Historical Heritage of Khakass Republic.	74
Oktyabrskaya I.V., Suraganova Z.K. Hospitality in the Kazakh Culture in the Context of Conspicuous Consumption. Traditions and the Present.	78
Ye. V. Kim. The Republic of Korea's Strategy for Interaction with the Korean Diaspora.	83

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Burnakov V.A. The Notion of Crane in the Khakass Tradition.	87
Lutsidarskaya A.A. Heirs of Glory of Siberian Pathfinders (Cossacks' Sons in the XVII Century)	89
Savchenko S.N. On the Activities of the Liquidation Committee of the Trans-Baikal Cossack Army in 1920-1921	92
Orlov D.S. Subsistence Farms of Enterprises and Organizations of Western Siberia in the Second Half of the 1970s – First Half of the 1980s.	96
Chernov D.V. Rec. ad op.: S.S. Bukin, A.A. Dolgolyuk, V.I. Isaev, A.I. Timoshenko. Formation of the Industrial-and Urban Society in the Ural-Siberian Region. Novosibirsk, 2011. 336 p. (S.S. Bukin, A.A. Dolgolyuk, V.I. Isaev, A.I. Timoshenko. Formirovaniye industrialno-urbanisticheskogo obshchestva v Uralo-Sibirskom regione. Novosibirsk, 2011. 336 s.).	99
Zverev V.A. Rec. ad op.: T.K. Shcheglova. Oral History: a Textbook. (T.K. Shcheglova. Ustnaya istoriya: ucheb. posobiye. Barnaul: AltGPA, 2011. 364 s.)	100

SUMMARY

Rogalina N.L. First stage of the Stolypin Agrarian Reform: Institutional Aspect

This article analyzes the institutional conditions of the start-up phase of Stolypin's agrarian reform: legislative framework of the reform, land relations, resettlement policy, activities of the Peasant Bank and credit cooperation. Based on the wide range of documentary publications, works by agricultural economists and contemporary historical approaches the author characterizes the Stolypin reform as being complex and multidimensional. She concludes that the years 1907-1909 were formative in terms of the reform's ideology formulation and legislative framework development. They also launched the mechanism of reforms which contributed to intensification of agricultural production.

Key words: agrarian reform, Pyotr Stolypin, land use, commune, resettlement policy.

Kirillov A.K. Implementation of the Stolypin Reforms in Siberia: Abolition of Peasants' Joint Responsibility for Tax Payments.

The paper focuses on the reform implemented in Siberia in 1906 in order to establish the rule of individual responsibility for tax payments among Siberian peasants. Having been largely ignored by the researchers, this reform attracts our attention as it was shaped not only by the legislation prescribed from the imperial capital, but also by the local officials' initiative and by the Siberian peasants' attitudes. There existed a tendency of playing "hide-and-seek" with the fiscal bodies which forced the tax inspectors to insist on further improvement of the legislation. However this trend wasn't prevailing in terms of the peasants' attitude towards the tax distribution.

Key words: Stolypin's reforms in Siberia, abolition of joint responsibility, allotment of the state quitrent tax (gosudars'tvennaya obrochnaya podat'), peasants' tax distribution resolution (raskladochny prigovor).

Slepnev I.N. How Much Land Does a Farmer Need? (On the Question of Prerequisites of the Stolypin Agrarian Reform)

The paper aims at evaluating the material conditions necessary for creating the class of Russian farmers during the Stolypin's agrarian reform. With this objective in view the author traces how the level of peasants' land endowment changed after the 1861 reform. He shows that the Stolypin agrarian reform's logics and possible success were determined by the real size of peasants' land allotments in the post-reform period along with the landlords' estates acting as deterrent factor against creation of the class of independent small-scale producers.

Key words: agrarian reforms, Russian peasantry, farmers, land endowment, property, landlord estate.

Shilovskiy M.V. P.A. Stolypin and A.V. Krivosheev's Journey to Siberia in 1910 from a Perspective of Summarizing Results and Proposing Further Agrarian Reforms

The article analyzes proposals made by P.A. Stolypin and A.V. Krivosheev after their journey to Siberia in 1910 from a perspective of carrying out further agrarian reforms in the region.

Key words: migrations, land utilization, private land ownership.

Zaporozhchenko G.M. Stolypin's Reforms and Problems of Formation of the Institutional Framework of Cooperation in the Pre-Revolutionary Siberia

The article investigates organizational principles of consumer cooperation in Siberia in the prerevolutionary period. It focuses on the experience of urban and worker cooperative societies; reveals the social, professional and functional aspects of their organization and management. The author concludes that despite some deformations the Siberian cooperation was based on the principles of free membership, independence and self-management which provided its efficient development and operation.

Key words: Siberia, Stolypin reforms, civil society, consumer cooperatives, consumers' societies.

Nedzeluk T.G. P.A. Stolypin's Viewpoint on «The Catholic Question» in the Russian Empire at the Beginning of the XX Century

The research deals with ambiguous attitudes of the Russian Prime Minister towards the formation and activities of Catholic communities in the Russian Empire, and in particular – in Siberian Region. The paper is written on the archival materials and memoirs of Russian Catholics.

Key words: Chairman of the Council of Ministers, religious policy, Russian Catholic community, inspection trip.

Larichev V.Ye. «The Missing Link» -- the Mesolithic Period (On the Problem of Preserving Information Traditions in the Cultures of the Post-Paleolithic Epoch of Eurasia). Part III. Systems of Time Notation in Mesolithic Cultures of North-Eastern Europe.

The article is written for the purpose of executing the innovative program on information traditions in the post-paleolithic cultures of Eurasia. The author presents variants of reconstructing the time notation systems of mesolithic inhabitants of the north-eastern region of Europe based on analysis of symbolic «records» left on the three carriers of the calendar rank information (the so-called «art objects»). The latter were discovered during excavations of two settlements in the Lower Veretie (in the White Sea region) and the Osa (in the Baltic area). The results of such analysis allowed the author to come to conclusion that traditions of time

notation developed by the Upper Paleolithic cultures in the north-eastern areas of Europe were preserved there in later epochs.

Key words: the Mesolithic Epoch, the north-east of Europe, astronomy, calendars, primitive art, semantics of images and symbols, their interpretation, numerical «records» of time, proto-science, astral religion, preservation of information traditions in the archaic cultures.

Akhmetov V.V. Wall Paintings in Bohai Tombs

Bohai mural tombs are an important source of information about funeral practices of Bohai people. Wall paintings in tombs were common for the area of Far Eastern civilization. It is not surprising that tradition of tomb wall painting was a part of Bohai culture. Among the Bohai mural tombs the best preserved one is that of Princess Zhen Xiao. The analysis of wall painting in that tomb gives evidence of strong Tang culture influence. However, if we consider both wall paintings and elements of Bohai burial complexes (tombs), it becomes obvious that the original Bohai culture organically intertwined different cultural traditions.

Key words: Bohai, mural tomb, wall painting, Tang, Goguryeo.

Matochkin Ye.P. Petroglyphs of the Lower Inegen Area in the Light of Myths and Beliefs of the Altay Hunters

The paper studies a new monument of petroglyphic art from the valley of the Lower Inegen river in Gorny Altay. These engraved and incuse petroglyphs were created in the course of several thousand years and formed a certain frieze with petroglyphic images of animals and their mythical masters. Semantics of these petroglyphs reflects the traditional ideas of hunting typical for the Turks of Southern Siberia.

Key words: petroglyphs, incuse, engraving, mistress of animals, hunter legends.

Kubarev G.V. Ornamental Motifs in the Artistic Bone Carvings of Ancient Turks of Southern Siberia and Central Asia

The article considers ornamental motifs which were widely known and popular among the Turkic-speaking nomads in Southern Siberia and Central Asia during the ancient Turkic epoch (VI-X centuries). The author comes to conclusion that along with imitations of knots and braidings, circular and geometrical ornaments the ancient Turks also used a variety of plant ornamental patterns in the form of serpentine tendrils, palmettes etc. as the most popular motifs in the artistic bone carving. In the second half of the first millennium the floral ornamentation not only dominated the art of ancient Turks, but also became widespread across Eurasia.

Key words: ornament, artistic bone carving, ancient Turks, Central Asia, Southern Siberia

Yakupov M.A. The Pottery of Koguryo

The article reviews the history of studies of Koguryo culture ceramics that has been largely neglected in the Russian historical scholarship. While completing the Master's course in archeology at the Koryo University (Korea) in 2005–2009 the author had an opportunity to examine the collections of ceramic vessels excavated from archaeological sites of Koguryo culture: Hon Rengbon 1-2, Achasan 4, Gueoidong, Shirubong, Horogoru,

Engmasan-1-3. Having analyzed the collected data and published materials the author described the basic types of ceramic vessels and determined basic attributes of Koguryo ceramics.

Key words: Koguryo, Koguryo ceramics, Gueoidong, Monchon, Achasan, Han river.

Boldyreva N.L., Volkov D.P. History of Studying the Heishui Mohe Sites in the Western Amur River Region

The article examines the history of archaeological research of the Heishui Mohe sites (the Naifeld group of the Mohe archaeological culture) in the Eastern part of Asia. The article highlights the main stages of cultural studies, reviews the major works on this issue.

Key words: Amur, Primorye, the early Middle Ages, Naifeld group of Mohe.

Kravtsova A.S., Tabarev A.V. The Mysterious Region: Archaeology of Central America in Russian Historiography

The article shows the current stage of research of the pre-Colombian cultures of Central America in Russian archaeological literature. This region has never been studied by Russian scholars in the course of expeditions or special research projects. The available information is quite sketchy and out of date.

Key words: archaeology, Central America, cultures, pre-Colombian time.

Balyunov I.V. Shoe Tips of Tobolsk in the XVII Century

The aim of the article is to study the iron shoe tips dated from the XVII century and found in the cultural layer of Tobolsk. These findings let partially characterize blacksmith and shoemaker work in Siberia's old capital. Analysis of scientific literature allows determining some problems related to classification and chronology of shoe tips in the Moscow state and neighbouring areas. The author carried out the statistical analysis, developed classification of the Tobolsk findings and studied several published collections. All this allowed him to conclude that problems of chronology and classification of shoe tips should be studied individually for each archaeological record.

Key words: shoe tips, classification, type, chronology, Tobolsk, XVII century.

Lutsidarskaya A.A. Heirs of Glory of Siberian Pathfinders (Cossacks' Sons in the XVII Century)

In the XVII century the grown-up sons of the Siberian Cossacks formed a special social group. In cases of emergency they served as a potential military force for Siberian garrisons. Some of the Cossacks' sons took the positions of their fathers or other kins in case of the latter's resignation or death. But the large majority of the Cossacks' sons were engaged in farming and trade. Gradually they dissolved among the other social groups, joining the ranks of peasants and small commodity producers.

Key words: Siberian Cossacks, garrisons, special, social group.

Badmaev A.A. The Housing and Settlement Complex of the Buryats of the Eastern Sayan Area in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries

The article deals with development of the housing and settlement complex of the Buryats of the Eastern Sayan area in

the second half of the XIX - the beginning of the XX centuries. Based on the analysis of historical sources the author demonstrates that during that period of history the number of settlements increased, there appeared new forms of settlements and novelties in architecture of log yurtas, along with adoption of the Russian-Siberian type of dwellings which resulted in constructing the new hybrid types of houses.

Key words: the housing and settlement complex, the Buryats, the Eastern Sayan area.

Burnakov V.A. The Notion of Crane in the Khakass Tradition

The article concerns the image of crane in mythological and ritual system of the Khakasses. Based on the literature, archival and field materials, the author considers the connection of this bird with concepts of man's soul and death. The author also analyzes the links of the image of crane and its nest with concepts of home and womanliness.

Key words: crane, Khakass, mythological and ritual system

Varavina G.N. The Notion of Soul in the Even and Evenk Traditions

The article provides a valuable overview of the traditional concepts of human nature shared by the Tungus-speaking ethnic groups (Evens and Evenks). The author reviews evidence gained from ethnographic and folklore research findings in an effort to describe traditional concepts of soul and relevant ritual practices.

Key words: indigenous numerically small peoples of the North, Tungus-speaking ethnic groups, spiritual culture, conceptions of soul, semantics of thread and hair.

Danilova N.K. Sacral Architecture of the Sakha: Traditions and the Present

The article concerns religious objects and buildings of the Festival of Ysyakh focusing on the problem of spiritual development of space, correlation between ritual objects and mythological worldview. Based on various sources, the article considers symbolical and functional significance of Yasyakh' buildings.

Key words: Sakha Festival of Ysyakh, symbols of space, religious objects.

Lyubimova G.V. Siberian Nature in the Mirror of Peasant Memoirs (Specific Features of Ecological Consciousness of the Siberian Rural Population)

The author undertakes examination of peasant autobiographies in order to analyze patterns their perception of the natural environment. Peasant handwritten autobiographies explore views and opinions of the rural population through the period of modernization in Siberia in the XIX and XX centuries. They also show transformation of these traditional views from considering the nature a source of material wealth to acknowledging exhaustibility of its resources.

Key words: naive literature, peasant memoirs, agrarian modernization, ecological consciousness, Siberian rural population

Moskvina M.V., Samushkina E.V. The Phenomenon of Women's Pogo Pectoral In the Cultural and Historical Heritage of Khakass Republic

The authors study a traditional Khakass women's breast adornment (pogo), its semantics, symbolism and place in the structure of cultural and historical heritage of the Khakass Republic. The authors conclude that pogo has become a part of heraldic art and symbolizes the polyethnic Khakass society.

Key words: cultural and historical heritage, symbolization of ethnicity, women's adornment, pogo.

Oktyabrskaya I.V., Suraganova Z.K. Hospitality in the Kazakh Culture in the Context of Conspicuous Consumption. Traditions and the Present

The article studies the forms of visiting in the traditional and modern Kazakh culture. The research is based on concepts and practices of conspicuous consumption and gift exchange. The authors argue that the norms and standards of visiting, which remained steady for centuries, are a form of social reproduction both from socioeconomic and mythical-ritual perspectives.

Key words: Kazakh culture, conspicuous consumption, visiting, traditions and the present

Kim Ye.V. The Republic of Korea's Strategy for Interaction with the Korean Diaspora

The paper evaluates the Republic of Korea's strategy for interacting with Korean diaspora communities. The author defines diaspora as an institutionalized community of immigrants with high level of integration into the receiving society and collective memory of the historical homeland; offers general and specific characteristics of the most numerous groups of the Korean diaspora. The novelty of research is determined by the original sources allowing to trace evolution of the Republic of Korea's policy towards diaspora.

Key words: the Republic of Korea, Korean diaspora, repatriation.

Savchenko S.N. On the Activities of the Liquidation Committee of the Trans-Baikal Cossack Army in 1920-1921.

This article studies activities of a special committee authorized to transfer the property of the Trans-Baikal Cossack Army to the relevant organizations of the Far Eastern Republic in 1920-1921. The author shows the committee's role in liquidation of the Cossack self-government bodies; analyzes its formal and actual place in the administrative system; demonstrates problems of its interaction with the local and central authorities.

Key words: Far Eastern Republic, East Trans-Baikal Regional People's Revolutionary Committee, Trans-Baikal Cossack Army, the liquidation committee.

Orlov D.S. Subsistence Farms of Enterprises and Organizations of Western Siberia in the second half of the 1970s – first half of the 1980s

The paper considers the main trends in development of subsistence farms of industrial enterprises and organizations in Western Siberia. The author concludes that subsidiary plots appeared as a result of inconsistent policy of the Soviet government attempting to solve the problem of food shortage in this period of history.

Key words: agriculture, agrarian policy, subsistence farms, Western Siberia.